

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

И **ВОЕВОДЫ** **ИВАНА ГРОЗНОГО**

**Предтечи
Российской
империи**

**Забутые страницы
ратной славы**

**Меж крымской
саблей и опричной
плахой**

Д.М. ВОЛОДИХИН

Д.М. Володихин

Воеводы Ивана Грозного

Москва
«Вече»
2009

ББК 63.3 (2) 44
В 68

Володихин Д.М.

В 68 Воеводы Ивана Грозного / Д.М. Володихин. — М. :
Вече, 2009. — 320 с. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-3665-9

Эти люди сражались за Отечество, когда на свете еще не было Российской империи. Московское государство вело тяжелые войны и на западе, в Ливонских землях, и на юге — с Астраханским и Крымским ханствами... Воеводы эпохи Ивана Грозного не писали мемуаров, оставшись великими немymi русской истории. Эта книга возвращает нам имена незаслуженно забытой военной элиты, честно исполнившей долг, невзирая на смертельную опасность окончить свои дни не только на поле битвы, но и на плахе опричников.

ББК 63.3

ISBN 978-5-9533-3665-9

© Володихин Д.М., 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

ВЕЛИКИЕ НЕМЫЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Русские полководцы времен Московского царства безгласны. В подавляющем большинстве случаев неизвестны какие-либо документы, написанные ими, послания, тем более — мемуары. В допетровскую эпоху мемуаров не писали. Лишь один из русских военачальников XVI века, Михаил Андреевич Безнин, оказывается за пределами этого ряда. Он оставил краткий летописец, где рассказывает о важных обстоятельствах политической жизни России, намекая на свое в них участие — как первого лица, как персоны, достойной памяти потомков. Его же перу предположительно принадлежит сочинение о взятии Полоцка в 1563 г., — этот текст попал в большую государственную летопись, где имя автора, конечно, не указано... Но и тут честолюбивый Михаил Андреевич постарался — хотя бы косвенно! — показать собственные заслуги перед государем и отечеством. Что ж, ему повезло. Он действительно остался в истории, хотя имя его не является бессмысленным набором букв лишь для специалистов по грозненскому периоду. При том Безнин был, мягко говоря, второстепенной фигурой. Что ж говорить о других? Они не были летописцами. Они не были публицистами. Они не писали воинских повестей.

Они только сражались за отечество.

Образованный командир времен Российской империи мог оставить обширные записки о походах и сражениях, в которых он принимал участие. Более того, если он стал заметной

фигурой, то непременно сыщутся рассказы о нем, написанные современниками. Историк найдет в источниках «крылатые выражения» полководца, сможет реконструировать его тактический стиль, создать у читателей представление о его психологических особенностях. И на страницах биографии заиграет всеми красками жизни давно почивший в Бозе человек, он будет понятен, он будет интересен, всякий сможет его судьбу примерить к своей, в его характере и темпераменте увидеть отражение собственного жизненного опыта. Есть ли что-нибудь, столь же сильно разжигающее интерес к личности, как сопереживание? Одна-единственная фраза, оброненная в сердцах, мимоходом, делает в умах отдаленных потомков дурную или добрую репутацию покойному генералу! И она, эта фраза, или, скажем, какой-нибудь резкий поворот в судьбе, жест, каприз, минутное геройство, изящная похвала современника ложатся на сердце легче и вернее завоевывают себе место в нем, чем выигранное сражение, взятая крепость, удачный поход.

Так вот, воеводам Московского государства в памяти нашего народа оставлено ничтожно мало места. Отчего это произошло? Да именно по причине их безгласности. Ни дневников, ни летописей, ни писем, ничего... Изредка — одиночное послание. Или яркая фраза, донесенная иностранцем. Или суровый приговор, вынесенный государем. Вот и всё. Наш современник скучает над популярными биографиями командиров великой эпохи, поскольку видит в их судьбах пустыню психологии.

Рядом с ними рокочут державные публицисты, иронизируют оппозиционеры, бьются насмерть церковные полемисты... Вот где жизни! Вот где самый нерв ее! Иван Грозный, да князь Курбский, да Иван Пересветов, да преподобный Максим Грек, да еще несколько человек величием своей мысли заслоняют прочих. Что тут поделаешь, такова сила слова, сказанного талантливым человеком: всё, сложенное из дикого камня на века, разрушается, а невесомая консистенция слова живет. Шагнешь из сферы, наполненной чудесной музыкой слова, в сторону, сделаешь всего-то один шагок, и разум глохнет от молчания. Вот стрелецкая пехота зажигает фитили, вот волнуется перед атакой легкая дворянская конница, вот пушкари примериваются, как бы получше положить ядро в же-

лезное каре вражеских наемников, а под знаменем, подбоченясь, возвышается в седле воевода, умный, отважный, искусный в своем деле человек, но... молчит. Он великий молчальник. Его слова когда-то двигали грозные массы русской армии в бой, но не попали они на бумагу, и ушли, стало быть, из памяти народной. Ах, как жалко...

Среди полководцев пылающей грозненской эры есть личности, переворачивавшие ход истории. Но о них мало кто помнит, помимо профессиональных историков. Человек нашего времени, пусть даже и большой любитель отечественной истории, не стремится протянуть меж ними и собой душевную связь. Он просто не видит, к чему, к кому он мог бы обратиться мысли и чувства. Вот — список походов, где участвовал такой-то. Вот — реконструкция главной его победы. А где тут человек? Человека нет, человека очень мало, и сердцу не за что зацепиться.

Все, чего я хочу от этой книги — вытащить на свет божий личности русских полководцев. Да, рассказать о битвах русской армии. Да, поговорить о стратегии и тактике. Но, помимо всего этого, представить, насколько это возможно, по крупицам, по ничтожным крупичкам собрав сведения о персонах воевод, *их характеры*. Людей. Именно людей, достойных сопереживания, а не реестры военных достижений.

«ПЕРВЕЙШИЙ МУЖ, НАИБОЛЕЕ ПРИГОДНЫЙ ДЛЯ ВОЕННЫХ ДЕЛ». КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ХВОРОСТИНИН

Понятия «военный талант», «слава искусного полководца» в разное время наполняли разным смыслом. Для времен раннего Средневековья, домонгольского периода, исключительно важной была личная храбрость князя — предводителя дружины. В период петербургской империи и СССР, скорее, талант военачальника определяли по его тактическим способностям, реже — по способностям стратегическим. Между этими двумя

Иван III. Портрет из «Царского титулярника» (XVII век)

эпохами лежит героическое время, когда создавалась Россия. При великом князе московском Иване III (1462—1505) на месте лоскутного одеяла самостоятельных русских земель и княжеств возникло единое Московское государство. Оно просуществовало около двухсот лет, прошло полосу реформ при Петре I (1689—1725) и превратилось в Российскую империю. На протяжении этих двух столетий страна постоянно воевала, порой — на нескольких фронтах одновременно. Трудно отыскать хотя бы один мирный год...

Имена воевод Московского государства известны историкам по летописям и старинным грамотам. Но, кажется, их современникам, людям русского Средневековья, было незнакомо понятия «воинская слава», «триумф полководца»... Их заменяло словосочетание «государева служба». Не слава была важна, а то, исполнена ли «приказанная» служба, и если да, то насколько полно. Про старомосковского воеводу неуместно говорить «знаменитый». Скорее, «искусный», «преданный государю», «стойкий». В конце XV — начале XVI века — страна взрывообразно расширялась. Тогда появилась целая плеяда полководцев, получивших опыт в наступательных войнах. Маневренная, атакующая тактика была их стилем. Блестящими практиками этого стиля были князь Даниил Холмский и Даниил Щеня, а также московский боярин Юрий Захарьин (Юрий Захарьевич). Позднее, во второй половине XVI века, Московское государство перешло к обороне своих бесконечных границ. И тогда в воеводах стали в большей степени ценить стойкость, способность успешно отбивать превосходящие силы неприятеля. Успешно справлялись с этими задачами князь Иван Шуйский и Михаил Воротынский.

Между тем для России именно тогда открылись просторы Сибири, и туда устремились многочисленные «русские конквистадоры». Первым и, наверное, самым известным из них был казачий атаман Ермак. Наконец, XVII столетие блистает именем князя Дмитрия Пожарского, освободителя Москвы от польских интервентов в эпоху Смуты. Очень трудно выделить среди множества «служилых людей по отечеству» человека, очевидно превосходившего других полководческим дарованием. Удобнее всего положиться в этом вопросе на внешнего наблюдателя, не связанного русскими нравами и обычаями того времени.

В 1588—1589 гг. Московское государство посетил Джильс Флетчер, посол английской королевы Елизаветы I. Впоследствии он написал трактат «О государстве Русском», где подробно описал состояние России тех времен. Флетчер встретил холодный прием и был настроен по отношению к «Московии» отрицательно, почти враждебно. Кроме того, известно, что английский посол собирал информацию о стране разными способами, в том числе и конфиденциальными. Особенно его интересовала русская армия: ее численность, вооружение, полководцы... В той части трактата, где речь идет о вооруженных силах государей московских, Флетчер деловит, сух, точен, беспощаден к недостаткам военного дела в России и внимателен к его достоинствам. Англичанин перечисляет аристократические роды, из которых обыкновенно назначают главных воевод, но лишь один человек удостоивается пристального внимания: «...теперь у них первейший муж, наиболее пригодный для военных дел, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, воин старый и опытный. Он оказал большие услуги в войнах с татарами и поляками...»

И действительно, Дмитрий Хворостинин был настоящей военной звездой в России XVI столетия. Главная его заслуга перед страной — победа в жестоком и кровавом сражении у деревни Молоди в 1572 г. Именно за это он остался в памяти потомков. Но личный триумф Хворостинина наступил лишь через два десятилетия после памятно молодинской победы, да и вся его жизнь с молодых ногтей прошла в битвах и походах. Это был истинный человек войны, для нее рожденный и живший ею.

Молодость полководца

Дмитрий Иванович родился в 30-х гг. XVI века, точная дата рождения неизвестна. Осенью 1550 г. вышел указ о пожаловании поместьями под Москвой 1078 служилых людей. Князь должен был по роду и положению своему туда попасть, если бы подходил по возрасту, а служить тогда начинали лет с пятнадцати; но его имени нет в «Тысячной книге» — списке этих помещиков. Следовательно, он родился не ранее 1535 г. Список людей, имевших служебное отношение к Государеву двору, — «Дворовая тетрадь» — составлен был, скорее всего, в 1551 или 1552 г. и оставался действующим документом, куда заносили новые имена на протяжении 50-х гг. Дмитрий Иванович в нем числится. К тому же по второй половине 50-х известны первые его воеводские службы. Исходя из этого, можно предположить, что князь родился, скорее всего, между 1535 и 1540 гг.

По роду своему он принадлежал к младшей ветви Ярославского княжеского дома. Хворостинины не были «захудалым» родом, однако же не блистали ни особой знатностью, ни большими богатствами, ни значительными заслугами на государственной службе. В среде многочисленной старомосковской служилой аристократии они были «середняками». Между тем в XVI—XVII столетиях знатность рода много значила при назначении на военные должности. Это и понятно: в состав высшей старомосковской аристократии вошли тогда и боярские роды, вот уже несколько столетий верно служившие князьям московским, и княжеские роды из присоединенных к Москве русских земель, и беглые князья из «Литовской Руси», и служилые татарские царевичи... Если бы не была создана система местничества, о которой сейчас принято говорить как о сугубом зле, то все эти знатные люди то и дело устраивали бы усобицы и перевороты, споря за место у кормила власти. Сложная система местнических счетов иной раз приносила немалый вред. Однако она худо-бедно примиряла служилых аристократов, определяла, кому на какой должностной уровень можно претендовать. Местничество фактически спасло Московское государство от тяжелых внутренних войн, борьбы всех против всех.

Что же касается Дмитрия Хворостинина, то ему, по местническим счетам, подняться до высших постов было очень трудно. Его ожидало медленное и трудное возвышение...

Впрочем, не были Хворостинины и «бедными родственниками» в среде русской служилой аристократии. Отец четырех братьев — Дмитрия, Андрея, Петра и Федора — князь Иван Михайлович Хворостинин известен в разрядах еще со второй половины 1530-х гг., где он фигурирует с довольно скромными служебными назначениями. Положение его в армии постепенно улучшается. К первой половине 60-х, после нескольких десятилетий ратной работы, он выслужил думный чин окольничего. В 1564 г. он упоминается в последний раз: из действующих воевод и, надо полагать, из Думы, он выбыл, — скорее всего, из-за возраста¹. Перед его сыновьями стоял добрый пример отца: аристократа-воина, долгой честной службой вырвавшего у судьбы высокий чин. Примерно такая же биография ожидала лучших из них... Если бы не воинский талант, дарованный Богом Дмитрию Ивановичу и позволивший ему подняться значительно выше отца.

С чего начинал Дмитрий Иванович? С понимания того, что он сам своей судьбе хозяин. Род не располагал сколько-нибудь значительными вотчинами, к тому же землю отца пришлось поделить между четырьмя сыновьями, и каждому досталось совсем уж немного. Есть известия, что братья жестоко ссорились между собой за землю. Таким образом, только служба могла дать молодому человеку его положения высокий статус в обществе.

Лет в пятнадцать юноша обязан был впрячься в государеву службу, начав с самых простых рядовых должностей. В молодости князь служил по Коломне и Белой (1550-е гг.) — там у него были поместья, очевидно, незначительные. О карьере князя известно мало, а воинские документы того времени — «разряды» — впервые сообщают о Дмитрии Ивановиче под 1558 г. К тому времени Хворостинин добился уже определенного положения: его назначили воеводой в небольшую южную крепостицу Шацк, построенную всего пятью годами раньше. Этой службе, вероятно, предшествовали более низкие воинские посты, но о них источники того времени никакой информации не донесли.

Что такое воевода в Шацке? Очень рискованная работа. От большого набега крымских татар стены этого юного укрепления не спасли бы: такие городки брали и палили мимоходом. Зато подобные крепостицы идеально годились на роль опорных баз для сторожевых отрядов и для отпора небольшим татарским бандам, приходившим на Русь, чтобы захватывать рабов. Князю Хворостинину досталась беспокойная, опасная и очень нужная для России служба.

В одном из более поздних походов русской армии на юг мы видим Дмитрия Ивановича головой (должность рангом ниже воеводской). Затем, в конце 1559 или 1560 г., его ненадолго ставят во главе гарнизона Нижнего Новгорода — это уже очевидное повышение по сравнению с Шацком.

В течение десятилетия разряды и летописи XVI столетия скупо освещают биографию князя Хворостинина. Как и все воины московских государей того времени, он мало походил на жирных одутловатых бояр из старых советских фильмов. Служить приходилось постоянно, большая часть жизни «служилых людей по отечеству» проходила в дальних городах, в разъездах, стычках с неприятелем и больших сражениях. Не столь уж многие доживали до старости. В Московском государстве любили и уважали дородных людей, но, видимо, — как большую редкость. Ведь дворяне были в большинстве своем поджары, вроде хороших гончих псов, подвижны, неутомимы и невероятно выносливы.

Хворостинин дрался на двух «фронтах». То его отправляли возглавлять небольшие отряды на южную, степную границу, и там он участвовал в маневренных «играх» со стремительной и хищной крымской конницей. А ежегодные татарские набеги нависали в ту пору смертельной угрозой над русским югом... То Дмитрий Иванович получал назначение в походе против западных соседей — шведов, литовцев и поляков. В 1558 г. как раз началась двадцатипятилетняя Ливонская война за Прибалтику, в которой Россия принимала участие с переменным успехом...

Осенью 1561 г. он выступил вместе с отрядом из Алыста в роли головы при воеводе кн. В.М. Глинском. Отряд вошел в состав большой рати, отправленной против «ливонских немцев».

Русские войска в Ливонии

Но летом 1562 г. он вновь на юге — участвует в отражении крымцев под Мценском.

Пока он никому не известен и ничем не выделяется из общей массы младших воевод Московского государства, коим счет шел на десятки и сотни.

Полоцкая гроза

Первый взлет в его карьере связан с событиями зимы 1562—1563 гг. Московское государство совершило тогда одно из звездных деяний в своей военной истории.

К тому времени Ливонская война осложнилась: против России выступил новый сильный и могущественный противник — Польско-Литовское государство. Иван IV планировал нанести ему сокрушительный удар и вывести таким образом из войны. Осенью 1562 г. он начал готовить масштабное вторжение на земли Литвы. Рать собиралась по полкам в 17 городах,

Иван IV Грозный. Парсуна

не считая сил, которые вышли с царем из самой Москвы. Столичная рать выступила 30 ноября.

На 5 января был назначен общий сбор всех сил в Великих Луках. Дисциплина и организованность русского войска в те годы стояли на высоком уровне, и огромная армия действительно собралась перед литовским рубежом в один день. Это образец гибкости и слаженности военной машины Московского государства, удивительный даже для последующих столетий.

На протяжении четырех дней в Великих Луках формировались из отдельных отрядов полки, назначались воеводы, определялся маршрут и порядок движения. Для того чтобы избежать дорожных заторов, полкам велено было выходить из города с интервалом в один день. У русского командования за период без малого 11 лет, прошедших со времен Казанского взятия 1552 г., не было иного опыта в управлении столь значительными полевыми армиями. Поэтому, когда наша армия выступила из Великих Лук (9 января), движение все-таки совершалось медленно, то и дело возникали «пробки».

Роль боевого ядра играла дворянская конница, казаки и отряды стрельцов. Вместе они составляли около 35—40 тысяч бойцов. К ним надо добавить значительное количество вооруженных боевых холопов, следовавших на конях за дворянами. Их количество неизвестно. К ним надо добавить очень значительный «наряд» — войсковые «средние» и «легкие» орудия, а также артиллерию «главного удара» — мощные осадные пушки. Но помимо весьма значительного боевого элемента армия оказалась нагружена колоссальными «кошами»-обозами и многотысячной «посохой». Так именовали в XVI веке слабоорганизованные толпы людей, привлеченных для инженерных работ: мощения мостов, создания осадных приспособлений и переноски грузов. Эта толпа и создала главные сложности при движении войска.

Однако, преодолев наиболее сложный участок маршрута, 31 января войска Ивана IV прибыли под Полоцк, и военачальники принялись разводить полки по позициям, добиваясь максимально плотного обложения города.

Полоцк славился мощными стенами. Цитадель его стояла на холме и была с двух сторон защищена реками. Польско-литовский гарнизон во главе со Станиславом Довойной насчитывал до 2000 бойцов, настроенных отстаивать город до последней крайности, ему оказывала поддержку часть горожан. Полоцк также располагал солидным артиллерийским арсеналом. Таким образом, он не был легкой добычей. Особенно когда на фланге русских войск появился легкий неприятельский корпус, направленный в поддержку осажденным...

В то же время Полоцк представлял собой желанное приобретение. Богатый торгово-ремесленный центр, бывшая столица самостоятельного княжества, Полоцк к тому же оказался в центре конфессионального конфликта. Католичество, радикальные формы протестантизма и традиционное православие сошлись тут в долгом противоборстве. Наступление русской армии имело образ «крестового похода», направленного на восстановление позиций православия в Полоцке.

Этот «крепкий орешек» был разгрызен удивительно быстро: 15 февраля, всего через две недели после начала осады, город пал. Решающую роль тут сыграла русская осадная артиллерия, прибывшая через неделю после начала боевых действий. Ее огонь сокрушил полоцкие укрепления.

Однако не обошлось без нескольких столкновений между гарнизоном и полками Ивана Грозного. 5 февраля стрельцы впервые попытались ворваться на стены и даже имели успех на одном участке. Но основные силы не получили приказа к общему штурму, поэтому стрелецкий отряд принужден был отступить. 9 февраля Станислав Довойна приказал своим войскам оставить Великий посад, составлявший большую часть города, и, запалив его, перейти в Верхний замок — полоцкую цитадель. Жителей посада принялись насильственно «забивать» туда, а пламя должно было расчистить место для действия крепостной артиллерии и стрелков. К тому же захват Великого посада отдавал русским полкам в руки

богатейшую добычу, и начальник гарнизона предпочел предать ее огню.

Вот здесь-то и появляется князь Д.И. Хворостинин.

В походе он играл скромную роль войскового головы в государевом полку. Ему надлежало «за государем ездити» во главе небольшого отряда из 200 дворян. Рядом и отец его, Иван Михайлович, в чине окольного следовавший в свите государя. Пока войско шло к Полоцку, Хворостинин должен был разбираться с заторами, продвигая по забитой людьми и повозками дороге полковые обозы. 30 ноября 1562 г. его поставили в боевое охранение во главе заставы на том месте, где на следующий день разместится царская ставка.

Именно на его долю выпало главное столкновение с гарнизоном Полоцка — бой за горящий Великий посад.

Летопись рассказывает о действиях Дмитрия Ивановича 9 февраля следующее: «Стрельцы царицы и великого князя и боярские люди и казаки в острог вошли... и с ляхи начали биться», стремясь отбить посадское имущество. Тогда «...царь и великий князь для того дела послал из своего полку голов, а велел тех людей... побережи... из острогу выслати». Острогом летопись называет посадские стены. Головы из государева двора и были — князь Дмитрий Иванович Хворостинин и Дмитрий Федорович Овчинин. Они действовали в высшей степени удачно: «...ляхов в остроге потоптали и в город вбили, а государских людей отвели здорово. А которые люди Полоцкого повета сельские сидели в остроге, и те в город не пошли, а вышли в государский полки и воеводские полки...»² Один государев двор принял более 11 000 русских беженцев из горящего Полоцка.

После падения Полоцка Хворостинин одним из первых вошел в Верхний замок и оставался там на «боевом дежурстве».

По всей видимости, Иван IV именно тогда отметил храброго и расторопного воеводу. Вообще, Полоцкий поход 1562—1563 гг. стал важной рода ступенькой для карьеры многих честолюбивых военачальников, оказавшихся впоследствии в опричнине. Царь много раз выходил в дальние походы, но до учреждения опричнины он лишь дважды узнал вкус большой победы: в Казани и в Полоцке. Боевые действия под Казанью

не оставили в памяти Ивана IV впечатления триумфа. Руководили войсками воеводы из числа знатнейших людей России, и они все делали по-своему, не церемонясь с молодым государем. Казанская победа была на всю жизнь отравлена для Ивана Васильевича ощущением, что он сыграл роль марионетки в чужих руках. Под Полоцком ему было уже не двадцать два года, а тридцать три, и он стал полновластным распорядителем. Полоцкое взятие в значительной степени его заслуга — как полководца. Люди, отличившиеся под Полоцком, показавшие себя в деле или хотя бы вовремя попавшие царю на глаза, оказались на особом счету. Ведь именно с ними оказались связаны лучшие воспоминания в его жизни!

Очевидно, и Дмитрия Ивановича царь не забыл. Через несколько месяцев князь получил от государя ответственное поручение. Оно стало в какой-то степени и проверкой «на политическую благонадежность».

Опальный вельможа князь Д.И. Курлятев-Оболенский содержался в Рождественском монастыре на острове Коневец посреди Ладожского озера. Он принадлежал к кружку правительственных деятелей, который позднее был назван в сочинениях Андрея Курбского «Избранной радой». В ту пору он считался одним из вершителей судеб всей страны. Позднее, потеряв прежнее влияние, князь пытался пересечь литовский рубеж и стать перебежчиком в стан врага, но был арестован. Через несколько лет этот план будет выполнен другим служилым аристократом — тем самым князем А.М. Курбским... В 1563 г. расследование деятельности Курлятева привело царя к печальному выводу: его следовало перевезти к месту более строгого заключения. Для этой работы требовалась надежная охрана. У Курлятева хватало доброхотов, способных организовать побег. На роль главы «конвоя» избран был Хворостинин, справившийся с этим заданием. Подобного рода надежность дорого стоила в глазах Ивана IV: в те годы постепенно разгорался конфликт между ним и гордой служилой знатью. Царь чувствовал, что почва у него под ногами колеблется. Он имел основания сомневаться в ком угодно, вплоть до самых близких людей.

Дмитрий Иванович не подвел.

Он вообще был вроде хорошо скованного меча — не подвдид тех, кому служил.

В том же году князь получил первое в своей жизни назначение на должность полкового воеводы. Его расписали вторым воеводой сторожевого полка в армии, собравшейся у Великих Лук «по вестям». А на следующий год Дмитрий Иванович отправился уже первым воеводой большого полка, т.е. командующим всей рати, с небольшим корпусом поддержки к недавно завоеванному Полоцку³.

В опричнине

В 1565 г. царь Иван IV разделил Московское государство на две части: земщину и опричнину. Каждая из частей имела собственное войско, собственную администрацию и собственный двор. В опричнине полновластным, ничем не ограниченным правителем стал сам царь. Земщина оказалась объектом репрессий: важнейшая из целей, которые преследовал Иван IV, состояла в наделении конфискованным земельным фондом дворян из опричного войска. Другой целью стало устранение от власти людей, сопротивлявшихся его политическому курсу, прежде всего гордых и самовластных представителей богатейших и знатнейших княжеских родов. А «устранение» могло означать и лишение жизни... Царь стремился получить легко управляемую армию, с командным составом, куда входили бы лишь преданные ему люди. Не принадлежавший к высшему эшелону служилой аристократии Хворостинин попал в число опричных воевод и получил шанс на быстрое повышение. Следовательно, царь доверял ему и считал способным военачальником.

Действительно, в середине 60-х гг. карьера князя пошла в гору. Ему доверяли высокие должности. Первое опричное воеводское назначение он получил как раз осенью 1565 г., в корпусе, отправленном из Москвы под Болхов, против крымцев. Весь этот корпус состоял из одних опричных отрядов. По данным историка В.В. Каргалова, за храбрость в боях с крымцами у Болхова Дмитрий Иванович награжден был золотой монетой⁴. Разрядные документы говорят об ином: золотые монеты были отправлены из Москвы в награду воеводам из

земщины, получал ли их кто-либо из опричных военачальников, неизвестно. Впоследствии Дмитрий Иванович командовал полками в разных опричных походах (в частности, возглавил сторожевой полк в походах под Калугу 1567 и 1569 гг.). Наконец, ему доверили командовать небольшой ратьей, отправленной зимой 1567—1568 гг. под Великие Луки «по вестям» о подходе неприятельских отрядов⁵.

С 1569 г. он упоминается в документах как окольный чин — второй по значению «думный» чин после боярского. Это — свидетельство признания его заслуг.

Весной 1570 г. Хворостинин то ли возглавлял гарнизон в Зарайске, где был мощный каменный кремль (стены сохранились до наших дней), то ли был вторым воеводой сторожевого отряда опричников. Этот отряд был выдвинут после того, как командование русской армии получило известие о набеге крымского хана Девлет-Гирея. Документы не дают возможности четко сказать, какой именно пост занимал тогда Дмитрий Иванович. Во всяком случае, воеводство в сильной Зарайской крепости считалось бы намного более почетным, нежели в захолустном Шацке.

Именно там, под Зарайском, князь Хворостинин с помощником Федором Львовым 21 мая 1570 г. вышел против войска крымцев и разгромил неприятеля наголову⁶. Полководец обеспечил себе преимущество, напав неожиданно, среди ночи. Его отрядом были взяты пленники. Вражеское войско угоняло в рабство множество русских людей, и их удалось отбить. Это была первая самостоятельная победа Хворостинина. И единственный крупный боевой успех, добытый опричным корпусом без поддержки земских ратей.

Хворостинин показал, таким образом, что он, как тактик, тяготеет к атакующему стилю, характерному для «железных волков» Ивана Великого.

Через несколько месяцев Дмитрию Ивановичу доверят опричный отряд, выставленный «по вестям» «на Рязани».

В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей с большой ордой провалился через заслоны на южной границе, дошел до Москвы, ограбил пригороды и поджег сам город. В колоссальном пожаре исчезла почти вся столица государства. Неудачные действия

полков на степном рубеже обернулись настоящей военной катастрофой. Это неудивительно. В годы опричнины казнили множество опытных военачальников, разделение российских вооруженных сил на опричное войско и земское усложняло координацию общих действий. Кроме того, силы державы истощила тяжелая Ливонская война...

Не умея взять город, Девлет-Гирей велел запалить его. Он намеревался разграбить все, что не смогут защитить русские воеводы, занятые тушением пожара. Татары подожгли сначала царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день — московские посады. Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратимо убивал город. Земские ратники и незначительный опричный отряд оставались в Москве. Не покидая позиций, они перемогались с крымцами посреди пылающих улиц. Тогда погиб боярин Михаил Иванович Вороной-Волынский и раненый князь Бельский, а также множество наших воинов. Девлет-Гирей так и не смог занять город. Ужаснувшись зрелищем разбушевавшейся стихии, понесся значительные потери, татары отошли прочь, прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской столице армии уже не было — лишь несколько сотен чудом уцелевших дворян...

У нас нет надежных данных ни о населении Москвы в XVI столетии, ни о потерях, нанесенных русской столице в несчастный год Девлет-Гиреева нашествия. Но записки иностранцев, побывавших в Москве тогда или несколькими годами позднее, дают общее представление о масштабах катастрофы.

Вот письмо неизвестного англичанина, ставшего свидетелем событий 1571 г.: «12 мая в день Вознесения крымский хан пришел к городу Москве с более чем 120 тысячами конных и вооруженных людей⁷. Так как царские воеводы и воины были в других городах как охрана, а москвичи не приготовлены, то названные татары зажгли город, пригороды и оба замка. Все деревянные строения, какие там находились, были обращены в пепел, и я убежден, что Содом и Гоморра не были истреблены в столь короткое время... Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, без ветра, но когда начался пожар, то

поднялась буря с таким шумом, как будто обрушилось небо, и с такими страшными последствиями, что люди гибли в домах и на улицах... На расстоянии 20 миль в окружности погибло множество народа, бежавшего в город и замки, и пригороды, где все дома и улицы были так полны народа, что некуда было притесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасение через стены, к реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены... Большое число (людей) сгорело в погребах и церквях. Среди них, между прочим, 30 человек в погребах Английской компании, из них трое служителей сэра Томаса Бентама; умерли также Томас Филд, Джон Уересли, ремесленники Томас Чефи, Томас Карвер, аптекарь и некоторые другие... Это великое и ужасное и внезапное разрушение, постигшее москвитян, сопровождалось сильной невиданной бурей, а под конец погода снова прояснилась и стала тихой, так что люди могли ходить и видеть великое множество трупов людей и лошадей, не говоря уже о тех, которые обращены были в пепел. Молю Бога не видеть впредь подобного зрелища. В ночь после того, как собака-татарин учинил это злодейство, он бежал со всею ратью к реке Оке... Число погибших при разорении Москвы показывают такое громадное, что я не решаюсь передать его. Скажу только, что из окрестностей Москвы на 60 миль и более и восьми человекам не удалось спастись в городе... В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались теперь одни стены, да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы...»

Вот известие из Польши (лето 1571 г.): «...прибыл татарский посол с сообщением о поражении, нанесенном Московиту, чтобы получить дань, и говорил следующее: что они разорили, сожгли и разграбили (территорию) около 60 лиг в длину и 45 в ширину во владениях Московита; что мертвыми пало, может быть, около 60 тысяч (людей) того и другого пола; затем взято около 60 тысяч лучших пленных; что они (татары) дошли до Москвы, сожгли весь город и замок, куда собралось много народу и, должно быть, задохнулись в дыму; что около 120 штук пушек утонули в реке Москве, не могли их увезти;

что Московит удалился в Александрову слободу, отстоящую на 18 миль, и остался там у своей казны в весьма безопасном месте, так как там находится большое озеро, окружающее его...»

Для Дмитрия Ивановича прорыв Девлет-Гирея означал и великое горе, и серьезную остановку в карьерном росте.

В огромной армии, выставленной для обороны от Девлет-Гирея весной 1571 г., князь Хворостинин числился третьим воеводой передового полка. Отряд из трехсот бойцов с немцем-опричником Генрихом Штаденем во главе входил в состав этого полка. Штаден, не получив соответствующего приказа, ринулся на татарскую орду, переправившись через Оку, и в скоротечном бою положил все три сотни. Хворостинин считал необходимым отступить и сберечь людей от боя, в котором они были обречены на поражение, но сделать уже ничего не мог.

Большая часть опричного корпуса бежала, даже не вступив в сражение с татарами, за Москву, а оттуда к Ростову. В сражении за столицу участвовал лишь несчастный передовой полк, где и служил Хворостинин. Воеводе повезло уцелеть.

Но царь считал главными виновниками московского разгрома именно опричных воевод передового и сторожевого полков, обвиняя их в том, что они не сумели наладить сторожевую и разведывательную службу. Отчасти это было правдой: во главе передового полка стоял крещеный кабардинский царевич М.Т. Черкасский, поставленный на эту должность в большей степени по знатности рода и родству с самим царем, чем по способностям и боевым заслугам... Его и подвергли казни вместе со вторым воеводой — князем В.И. Темкиным-Ростовским, а также вторым воеводой сторожевого полка боярином В.П. Яковлевым. Иван IV не усмотрел в действиях Дмитрия Ивановича столь серьезной вины, чтобы и его отправить на тот свет вместе с этими военачальниками. Но совершенно невиновным также не считал. Поэтому в следующем большом походе, зимой 1571—1572 гг., его поставили на должность с заметным понижением — всего лишь третьим воеводой сторожевого полка.

Таким образом, большой карьеры в опричнине князь Хворостинин не сделал. Да, он получил думный чин окольного. Но его воеводские назначения показывают одно: царь посто-

янно использует его как искусного и надежного военачальника на ответственных участках, но возвышать в армейской иерархии не спешит. Распространенное мнение о взлете семейства Хворостининых в годы опричнины верно лишь отчасти.

Битва у Молодей⁸

Положение страны было отчаянным. Повторение похода крымцев грозило России гибелью и распадом.

В 1572 г. Девлет-Гирей, собрав, по подсчетам разных историков, от 40 000 до 100 000 воинов вышел к русским границам с твердым намерением довершить начатое в прошлом году дело до конца. А в распоряжении Ивана IV оставалось не столь уж много сил.

Русское военное командование объединило земскую и опричную рати. «Большим» (т.е. главным) государевым воеводой назначили князя Михаила Воротынского. В передовом полку вторым воеводой шел князь Дмитрий Хворостинин. На него пришлась главная тяжесть битвы, состоявшейся у деревни Молоди. Тогда и пришел звездный час воеводы Хворостинина. Именно он становится главным помощником Воротынского, а не первый воевода передового полка, князь Андрей Петрович Хованский. Именно Дмитрию Ивановичу дают наиболее ответственные поручения, надеясь на его опыт и искусство. Именно его имя ставят русские летописи рядом с именем Воротынского, повествуя о великой победе, хотя в объединенной опрично-земской армии числилось несколько воевод более высокого ранга.

Русская армия уступала противнику по численности в несколько раз и насчитывала немногим более 20 000 человек. Когда татары переходили через Оку недалеко от Серпухова, Хворостинин не имел достаточно сил, чтобы сорвать переправу. Из передового полка, объединявшего около 4,5 тысячи дворян, казаков, иностранных наемников и стрельцов, ему подчинялось всего лишь 950 бойцов⁹. Он отступил, однако затем передовой полк с Хованским и Хворостининым во главе нагнал стремительно идущего к Москве неприятеля и нанес ряд чувствительных ударов по обозу и арьергардным отрядам Девлет-Гирея¹⁰.

30 июля 1572 г. в полусотне верст от Москвы произошло решающее столкновение.

Роль центра русской позиции сыграл «гуляй-город», развернутый на холме у речки Рожай. Подобную тактику старомосковские воеводы в те времена часто применяли против татар, превосходивших их по численности. «Гуляй-город» представлял собой крепость из толстых деревянных щитов, перевозившихся на телегах. В случае опасности ее собирали воедино с необыкновенной быстротой. У Молодей в «гуляй-город» засел целый полк, самый сильный во всей русской армии. Другие полки прикрывали его с флангов и тыла, а заслон из стрельцов выдвинут был вперед. Обороной деревянной крепости руководил Хворостинин. В войске было полным-полно воевод выше его рангом, но на самое ответственное и самое опасное место Воротынский поставил именно его. О чем это говорит? Выдающиеся способности Дмитрия Ивановича к тому времени стали очевидны для военной элиты России. А когда надо было победить или погибнуть, смотрели не на знатность, а на воинский талант. На Молодях как раз наступил такой «момент истины» — как для всей военной системы московского государства, так и лично для князя Хворостинина.

При первом штурме русской позиции татарская конница разметала стрельцов, но у «гуляй-города» встретила плотный ружейно-пушечный огонь и понесла страшные потери. Русская дворянская кавалерия удачно контратаковала по флангам. Повторные атаки также не принесли успеха Девлет-Гирею. Мало того, попал в плен крупный татарский военачальник Дивей-мурза, погибло несколько знатных командиров... Вечером 30 июля попытки штурмовать «гуляй-город» прекратились. Однако, по словам немца-опричника Генриха Штадена, современника и, по всей видимости, участника молодинской битвы, положение русских полков также было тяжелым. Над осажденными в «гуляй-городе» нависла угроза голода.

До 2 августа крымцы приводили в порядок растрепанное войско, подсчитывали потери, сосредотачивались для нового удара. Затем началось очередное наступление на «гуляй-город». Татары шли вперед с отчаянной храбростью, не боясь

потерь и упорно преодолевая огневой шквал со стороны русских полков. Смелчаки прыгали на деревянные щиты, пытались повалить их, забраться внутрь, открыть дорогу для стремительной конной атаки. Бойцы Хворостинина во множестве отсекали им руки саблями и топорами. Бой шел с невиданным ожесточением. Упорная оборона «гуляй-города» раз за разом приносила русским успех...

Пользуясь удачным моментом, Воротынский зашел Девлет-Гирею в тыл с основными силами. Пока совершался этот маневр, сравнительно небольшой отряд под командой князя Хворостинина продолжал сдерживать натиск атакующих в «гуляй-городе». Вечером, когда напор крымцев ослаб, Хворостинин открыл огонь из всех орудий и пошел на вылазку с отрядом немецких наемников ротмистра Юрия Францбека. Он многим рисковал: если бы Воротынский не успел вовремя обрушиться на татар с тыла, вылазка могла стоить Дмитрию Ивановичу жизни, а всей русской армии — проигранной битвы. Но Воротынский в нужное время поддержал контратаку Хворостинина. Зажатые с двух сторон, татары потерпели сокрушительное поражение и обратились в бегство.

В страшной сече полегла родня Девлет-Гирея, нашли свою смерть многие мурзы и прочая татарская знать. К тому же хан получил известия о подходе главных сил русских. Орда отступила. Русские воеводы организовали преследование и разгром отдельных отрядов.

В исторической литературе не раз высказывалось мнение, согласно которому победа в молодинской битве была достигнута в основном усилиями Хворостинина. Известный советский историк Руслан Скрынников выразил это мнение в наиболее четкой форме: «Согласно укоренившейся традиции славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М.И. Воротынскому. Подобное мнение кажется неверным. Назначение Воротынского главнокомандующим объясняется отнюдь не особыми военными дарованиями или заслугами удельного князя, а в первую очередь его знатностью. Подлинным героем сражения при деревне Молоди был не он, а молодой опричный воевода князь Д.И. Хворостинин...»¹¹ Другой специалист по военной истории, Вадим Каргалов,

осторожно поддержал эту точку зрения: «...Даже если это преувеличение, важная роль опричного воеводы Хворостинина... несомненна. Военный авторитет его необычайно высок. Он выдвигается в первый ряд русских полководцев...»¹². Трудно определить, насколько верно подобное мнение. С одной стороны, Михаил Воротынский — опытный военачальник. Помимо молодинской битвы на его счету несколько других значительных заслуг. Он удачно действовал во время осады и штурма Казани в 1552 г.; на протяжении нескольких лет возглавлял всю оборону юга России; в 1571 г. разработал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который считается первым воинским уставом в нашей стране. По свидетельству современника, князь Воротынский был «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный». Он намного превосходил Хворостинина знатностью рода и богатством. От этого, собственно, и пострадал: через год после победы, одержанной совместно с Хворостининым, он попал в опалу, был обвинен в колдовстве. Воротынский гордо отрицал свою вину и умер от пыток. По предположениям некоторым историков, царя Ивана IV беспокоило растущее влияние и авторитет Воротынского, иные считают, что князь допустил какое-то служебное нарушение¹³... С другой стороны, в ходе битвы у Молодей на Дмитрия Хворостинина действительно возложены были самые сложные задачи; их отличное исполнение в конечном счете и привело к разгрому Девлет-Гирея. Видимо, правильным было бы считать обоих военачальников в равной степени творцами победы.

Ливонский фронт

Опричная военная машина утратила доверие царя после сожжения Москвы крымцами. Она быстрыми темпами расформировывалась. Со второй половины 1571 г. опричные воеводы отправляются в походы в одних полках с земскими и даже у них под командой. А значит, Дмитрию Ивановичу предстояло вновь столкнуться с конкуренцией со стороны более знатных аристократов.

В опричнине он лишь раз оказался в состоянии местнического спора, да и то с самим главнокомандующим опричным

корпусом — Иваном Дмитриевичем Колодкой Плещеевым, принадлежавшим всесильному клану Плещеевых. Теперь ему предстояло сталкиваться в больших местнических разбирательствах со многими великими родами титулованной знати. В 1572 г., пока Хворостинин по изложенным выше причинам ходил в низких воеводских чинах, ему это не грозило. Но как только он начнет получать самые скромные повышения по службе, эта угроза немедленно реализуется. Дмитрий Иванович — один из «рекордсменов» по части местнических дел. За период между 1573-м и началом 1590-х гг. его имя связано с 22 местническими тяжбами! В среднем выходит примерно по одно разбирательству каждые 8 месяцев...

Ученым не известна точная дата отмены опричнины. Возможно, это был процесс, разделенный на несколько стадий. Опричное войско, как уже говорилось, перестало выполнять самостоятельные задачи уже в 1571 г. Тогда же правительство принялось возвращать владельцами поместья и вотчины, переведенные несколькими годами ранее в опричнину. Во второй половине 1572 г. вышел указ, запрещающий поминать опричные порядки. Таким образом, теперь к опричным временам стали относиться крайне отрицательно...

В результате на протяжении нескольких лет Хворостинину давали относительно невысокие должности. В 1573—1574 гг. на него была наложена опала. Хворостинин не смог дойти до отрядов восставшей на казанских землях «луговой черемисы» из-за «снегов великих», то ли просто опоздал к месту сбора войск. Иван IV снял его с командования, обрядил его в женское платье и заставил молоть муку, — дескать, не полководец этот Хворостинин, а сущая баба! Не вспомнил государь, как «баба» защищала Москву у Молодей с последней горстью боеспособных войск¹⁴... Тогда же Дмитрий Иванович проиграл местническое дело с князем Ф.М.Троекуровым, в 1577—1579 гг. Хворостинины понесли жесточайшее поражение в местническом деле с Бутурлиными. Самого князя Дмитрия за упорство в отстаивании интересов рода на неделю отправили в тюрьму и взыскали с него в пользу Ф.А. Бутурлина огромный по тем временам штраф — 150 рублей.

Стефан Баторий. Портрет работы Яна Матейко

Между 1573 и 1578 гг. карьера князя «замерзает». Дмитрий Иванович участвовал в дюжине походов. Его отправляли то на юг, против крымцев, то на ливонский фронт. Он видел победы русской армии — взятие Пайды и Кеси (Вендена), видел и поражение под Колыванью, потерю той же Кеси, неудачную попытку вернуть эту крепость... Сам удачно действовал против татар под Воскресенском. Но на протяжении всего этого периода ему ни разу не дали командовать не то что отдельной ратью, а хотя бы полком. Хворостинина все время расписывали вторым воеводой.

В худшем случае — вторым в сторожевом полку, который был «честью ниже» прочих, в лучшем случае — в полку правой руки.

Летом 1578 г. дело дошло до обидной несправедливости. Хворостинина первый раз за много лет назначили командовать сторожевым полком. Не столь уж великое назначение! Он участвовал в счастливом взятии ливонской крепости Полчев. Но из-за нового местнического спора — с князем М.В. Тюфякиным, который не пожелал быть под Хворостининым вторым воеводой, Дмитрий Иванович был отправлен из победоносной армии в Москву... Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вскоре половина воевод этой рати переместничают, и армия потерпит страшное поражение под Кесью, при очередной попытке возвратить город. Четверо наших воевод погибли, еще четверо оказались в плену, другие с позором бежали. А русские артиллеристы в отчаянии, не желая сдаваться, повесились на пушках, которые некому стало защищать от неприятеля.

Бог уберег Дмитрия Ивановича от этой беды.

Лишь в самом конце 70-х — начале 80-х он сделал скромный шагок наверх. Отчасти это связано с напряженной военной деятельностью, которую Хворостинин вел в тот период. Это был крайне несчастливый для русского оружия период. Русские армии понесли ряд поражений от шведских и польских войск, пали наши крепости Полоцк, Сокол, Великие Луки, Заволочье, Холм, Старая Русса, Нарва, Ивангород, Ям, Копорье. Страна истощала людские и материальные ресурсы в бесконечной Ливонской войне. Отчасти же царь вынужден был понемногу продвигать нелюбимого военачальника: командный состав русской армии понес в эти годы чудовищные потери, выбыли из строя десятки полководцев. Кем-то надо было затыкать дыры, постоянно возникавшие в русской обороне, и тут Дмитрий Иванович пришелся как никогда кстати. Как при Молодях. Когда надо было защищать гуляй-город от таранных ударов татарской конницы.

Хворостинин поднимается до положения второго воеводы в большом полку, т.е. основного помощника при главнокомандующем. В этой должности он был записан в разряде летом 1580 г., когда русская армия стояла у Ржевы Владимировой, защищая западные земли России от войск Стефана Батория, только что взявшего крепость Заволочье. Дмитрий Иванович был повышен до первого воеводы передового полка. Затем, в январе 1581 г., его переводят первым воеводой в Новгород Великий, а это уже на порядок более высокий пост¹⁵.

В том же 1580 г. князя поставили воеводой в Тарусу.

Весной 1581 г. большая русская армия выступила из Можайска на литовские земли. Она осуществила глубокий рейд и потрепала польско-литовские отряды. Разрядная запись рассказывает об этом походе следующее: «Воеводы ходили... под Дубровну, да к Орши, и у Орши посады пожгли, и под Копысью и под Шкловым. Из Шклова вылазили литовские люди. И на том деле убили воеводу Романа Дмитриевича Бутурлина... И у Могилева посады пожгли и много товаров поимали и людей побили и много полону поимали и сами вышли со всеми людьми на Смоленск, дал Бог, здорова»¹⁶. На фоне общего трагического положения на Ливонском фронте эта операция выглядит большим успехом.

Наградой для командного состава стали золотые монеты от государя.

В начале 80-х Дмитрия Ивановича несколько раз отправляли на юг, для обороны русских городов от крымцев. Но его основная «боевая работа» совершалась все-таки на Ливонском театре военных действий. Московское государство почти утратило способность давать отпор. Шведы развивают успешное наступление, постепенно захватывая старинные новгородские земли.

В 1582 г. полки Ивана Грозного отправляются против осмелевших шведов на север, за Неву. Передовой полк, где старшим воеводой был Хворостинин, столкнулся с противником под селом Лялицами и опрокинул его. Еще раз можно убедиться в том, что Дмитрий Иванович любил атакующую тактику и высокую активность — прочие воеводы за ним не успевали. Так, сражение у Лялиц происходило в основном за счет его полка, вырвавшегося вперед: «Божиею милостию и Пречистые Богородицы молением немецких людей побили и языки многие поймали. И было дело: наперед передовому полку — князю Дмитрию Ивановичу Хворостинину да думному дворянину Михаилу Ондреевичу Безнину, — и пособил им большой полк, а иные воеводы к бою не успели... И государь послал к воеводам с золотыми»¹⁷. Эта оплеуха показала: Россия еще способна сопротивляться!

Ливонская война постепенно отгорала. Начались переговоры с польским и шведским королями, и для русских воевод настала пора переходить с одного театра военных действий на другой. Лучшие военачальники отправляются на «замирение черемисы», поднявшей восстание на казанских землях, да на южную «береговую службу».

Осенью 1582 г. Хворостинин идет вторым воеводой большого полка «на Казань... горной черемисы воевать, что черемиса заворовалась». На следующий год он получает назначение к южным рубежам. В январе 1584 г. Дмитрию Ивановичу дали под команду полк правой руки в армии, отправленной против бунтовавшей «луговой черемисы» в казанской земле.

Двенадцать лет, прожитые им после Молодей, до отказа наполнены были сражениями и походами. Один только список

боевых действий, в которых участвовал тогда Хворостинин, вызывает мысль, что он работал на износ, как безотказная военная машина. Хворостинин воюет из год в год, причем на самых ответственных и опасных участках. Даже для тех служилых аристократов, которые прочно вошли в военную элиту России и связали свою жизнь не с Боярской думой и не с управлением приказными делами, а именно с военной службой, «график назначений» Дмитрия Ивановича выглядит необыкновенно жестким.

Как видно, князь относился к той драгоценной породе русских людей, которая способна была, взвалив большое дело себе на хребтину, волочь его до полного исполнения, не щадя сил и не прося поблажек. Эти-то и поднимали великие царства. Отвагою своей, выносливостью, превосходящей всякое вероятие, и чудовищной энергией в деле.

Иван Грозный, как уже говорилось, относился к службе бессменного «командарма» без особой благодарности. В марте 1584 г. государь Иван Васильевич скончался. На закате жизни он сдал полякам и шведам русские завоевания в Ливонии и даже отрезал в их пользу большой кусок русской территории с городами и крепостями.

При новом государе

При его преемнике военную деятельность князя Хворостинина оценили по достоинству. Царь Фёдор Иванович пожаловал князю высший «дворовый» (т.е. придворный) чин боярина, дававший право участвовать вместе со всей Боярской думой в обсуждении важнейших государственных дел. Да и в воеводских чинах Дмитрий Иванович при новом царе продвинулся весьма высоко.

Правда, действительные и ясные заслуги перед Россией, показанные на поле боя, сыграли тут не

*Фёдор I Иоаннович.
Парсуна*

первую роль. Признание и возвышение Хворостинина при Фёдоре Ивановиче связано с тонким обстоятельством семейных связей. Вся русская служилая аристократия пронизана была нитями родства, игравшими роль самых прочных скреп. Родство делало человеку карьеру, оно же могло и погубить его, когда высокопоставленная родня попадала в опалу, а то и на плаху.

Так вот, князь Дмитрий Иванович Хворостинин приходился родней Годуновым: его дочь вышла замуж за Степана Степановича Годунова. А Борис Фёдорович Годунов — шурином самому царю. Именно он стоял за спиной Фёдора Ивановича, в течение полутора десятилетий удерживая под своим контролем кормило высшей власти в Московском государстве. Царствовал сын Ивана Грозного, но правил Борис Годунов.

Хворостинины стали верными сторонниками придворной «партии» Годуновых, им поручались ответственные дела, они участвовали в борьбе с главными врагами Годуновых — Шуйскими. И невенчаный монарх Борис Фёдорович отвечал Хворостининым милостями и «жалованием». Как пишет историк А.П. Павлов, «...Хворостинины постоянно служат при дворе, упоминаются на званых царских обедах, участвуют во многих крупных походах»¹⁸.

Для начала Дмитрию Ивановичу был дарован высший думный чин боярина, давно «оплаченный» бесконечными службами. Воевода постепенно оказывается крупным землевладельцем. За ним и его сыновьями по документам конца XVI — начала XVII столетия числятся многие тысячи четвертей земли.

И, конечно, Дмитрий Иванович резко идет вверх в армейской иерархии. Он становится крупнейшей фигурой в организации обороны степных окраин Московского государства от бандитских нападений татар.

В конце 1584 г. его назначили первым воеводой большого полка в трехполковой рати, отправленной к Рязани. Однако в командование он вступил не сразу — первое время его замещал другой военачальник, князь Василий Фёдорович Жировой-Засекин. Документы того времени глухо сообщают: Хворостинин «прислал к государю... бить челом, сказался болен». Это случай для русской армейской жизни крайне редкий,

а для безотказного Дмитрия Ивановича и вовсе странный. Ведь он должен был радоваться подобному повышению по службе... Одно из двух: либо он и впрямь слег — ведь самый крепкий человек с трудом выдержит тот бешеный «режим эксплуатации», в котором жил воевода; либо мутная политическая обстановка в Москве требовала постоянного присутствия Дмитрия Ивановича, и он решил пожертвовать столь высокой честью ради более важных вещей.

Видимо, всему виной была именно хворь: через полгода, в июле 1585-го, Хворостинин оказывается все-таки во главе этой рати и совершает бросок под Шацк «по ногайским вестям». Тогда он фактически оказался командующим оборонительными силами юга России.

Играть эту высокую роль ему придется и позднее.

Так, весной 1587 г. в Москве становится известно, что орда крымского хана двинулась для вторжения в порубежные земли Московского государства. Навстречу ей двинули значительные силы, разошедшиеся по городам и крепостям. А затем, в конце мая, три полка ударных сил отправились под командой князя Д.И. Хворостинина в район Тулы. Через месяц крымцы общей численностью в 40 000 рискнули прорываться в районе Кропивны, взяли острог, однако до большого вторжения дело не дошло. Объединенные силы русской армии сконцентрировались у Тулы, угрожая неприятелю. Был там и Дмитрий Иванович — как первый воевода передового полка при главнокомандующем Иване Васильевиче Годунове, родственнике некоронованного правителя страны. Татары побоялись тогда прямого столкновения и отошли.

Осенью 1587 г. и весной 1588-го Дмитрий Иванович выходит с войсками для обороны южнорусских земель в высоких воеводских чинах. На него то и дело «бьют челом» иные служилые аристократы, добиваясь местнического суда. Наконец в марте 1588 г. он сам в ярости обвиняет князя Кашина в «бесчестии». Тот сидел воеводой в Новосильской крепости и жаловался, что-де родовая честь ему не велит подчиняться Хворостинину — одному из двух главных воевод в оборонительном корпусе на юге России...¹⁹ Несмотря на челобитья недоброжелателей, положение Хворостинина при дворе остается прочным.

Юхан III, король Швеции

В октябре и ноябре того же года царь Фёдор Иванович приглашает его к себе на почетный пир, и это знак большого благоволения государя к полководцу.

А весной 1589 г. воеводу опять отправляют на юг.

Таким образом, с 1585 по 1589 г. Дмитрий Иванович постоянно занимается одним делом: налаживанием надежной охраны городов, поставленных в лесостепной полосе России, на беспокойных южных рубежах. За это время ни

крымцы, ни ногайцы ни разу не смогли прорваться к центральным областям иди даже создать серьезную угрозу прорыва.

Россия жила в те годы предчувствием новых больших войн с западными соседями. Большого столкновения с Речью Посполитой — Польско-Литовским государством — в Москве не хотели. Конфликт с нею вновь привел бы к затяжной тяжелой борьбе: пересечение самых прямых интересов двух великих держав Восточной Европы на границе между русским Смоленском и литовским Полоцком неизменно наполняло войны между ними невиданным ожесточением и упорством. В Шведском королевстве видели менее серьезного противника. Да и не была конфигурация восточных рубежей жизненно важной проблемой для Стокгольма. Проблема состояла в том, что шведской короной владел Юхан III, а польской... его сын Сигизмунд. И отец ждал от своего отпрыска широкой военной поддержки. А сын мог запросить таковую у отца — в случае серьезных осложнений с Московским государством.

Спасение русской дипломатии состояло лишь в одном: давным-давно польские монархи утратили значение истинных правителей страны. Важнейшие дела решала магнатерия, опиравшаяся на многочисленную и своевольную шляхту. А они не желали нового столкновения с Россией. Поэтому, когда срок

русско-шведского перемирия истек, два давних недруга нашей страны не сумели объединиться.

Разразилась война за русские города и земли, потерянные Московским государством еще при Иване Грозном. Наша армия действовала в целом удачно и смогла вернуть многое из утраченного. Именно тогда Хворостинин выиграл последнее свое большое сражение.

В августе 1589 г. он идет вторым воеводой большого полка в Новгород Великий, где армия сосредотачивается для большого наступления.

Через несколько месяцев в штаб прибывают царь Фёдор Иванович и Борис Годунов. Крупная операция готовится долго и тщательно, силы стягиваются со всей России. Хворостинина, зная его наступательный стиль, расписывают в передовой полк. Лишь в январе войска выступают из Новгорода и пересекают русско-шведскую границу. За краткое время они берут Ям и оказываются под Нарвой. Хворостинин обнаруживает в районе Ивангорода четырехтысячный шведский корпус и нападает на него. Полку Дмитрия Ивановича пришлось преодолеть упорное сопротивление шведов. Рубка шла полдня. В конце концов противник отступил. Это была вершина военных успехов князя Хворостинина.

Несколько месяцев спустя военные действия затихли. Плотная блокада Нарвы, и особенно сокрушительное действие нашей артиллерии, привели шведский гарнизон в отчаянное положение. Остатки полевого шведского корпуса, разбитого у Ивангорода, не могли помочь осажденным, поскольку этому препятствовал сильный русский отряд, выставленный в «заслон». Там-то и действовал князь Хворостинин.

В результате было заключено перемирие, выгодное для русской стороны: у шведов оставалась Нарва, но они отдавали,

*Сигизмунд I, король Польский
и великий князь Литовский*

помимо уже захваченного нашими воеводами Яма, также Ивангород и Копорье.

На этом война еще не закончилась. Дальнейшее ее развитие привело только к горшему для шведов результату: в 1595 г., когда заключался Тязвинский мир между Россией и Швецией, они должны были присоединить к потерянным ранее городам еще и Корелу с уездом... Однако Дмитрий Иванович об окончательной побед. России уже не узнал. Его служба завершилась в феврале 1590 г., когда под Нарвой было заключено первое перемирие.

Старый воевода устал от нескончаемых военных трудов и принял монашеский постриг в Троице-Сергиевой обители. Старость и недуги одолевали его тело, изношенное в походах и сражениях. Ивангородская победа стала «прощальным поклоном» московского «командарма». 7 августа 1590 г. Дмитрия Ивановича Хворостинина не стало.

Этот старомосковский военачальник был в числе блистательных полководцев героической и жуткой эпохи Ивана Грозного, отстаивавших завоевания предков государя и вернувших в царствование Фёдора Ивановича то, что было потеряно его отцом. И для князя Хворостинина, и для других «больших государевых воевод» того времени лучшей эпитафией будут слова: «Служили честно!».

ПОЛКОВОДЕЦ ОДНОЙ ПОБЕДЫ. КНЯЗЬ ИВАН ПЕТРОВИЧ ШУЙСКИЙ

Князь Иван Петрович Шуйский вошел в анналы русской истории одной-единственной победой, отстояв Псков, осажденный армией польского короля Стефана Батория.

Да, эта победа была очень нужна России. Да, она в трудное время ободрила русское воинство, павшее духом после нескольких лет тяжелых поражений. Да, под стенами Пскова было предотвращено вторжения польских орд в центральные районы Московского государства. Но при всем том не надо забывать, что прежде псковской победы и после нее Иван Пет-

рович отдал немало сил службе московским государям. Множество походов и боев, в которых он принял участие, сделали его одним из опытейших военачальников того времени.

Род полководцев и правителей

По роду своему он принадлежал к аристократической верхушке старомосковского общества, к тем же «сливкам» русской титулованной знати, что и Мстиславские, Микулинские или Воротынские.

Князья Шуйские были Рюриковичами, и происходили они от ветви, ближайшей к той, из которой выросло древо Московского правящего дома. Кое в чем они оказались даже выше, нежели государи, которым служил их род. Корнями родословие Шуйских уходило к великому князю владимирскому Андрею Ярославичу. Он приходился *младшим* братом великому князю Александру Ярославичу, прозванному Невским (а именно от Александра Невского произошел Московский княжеский дом). Но на великокняжеский стол во Владимире князь Андрей попал *раньше* старшего брата — в 1248 г. — и правил до 1252 г., когда на его месте оказался Александр Ярославич.

Происходя от одного корня с великими князьями московскими, Шуйские, в случае смерти всех представителей правящей династии, имели право занять трон. Иными словами, играли роль «принцев крови». Поэтому после смерти царя Фёдора Ивановича в 1598 г. они оказались в числе главных претендентов на царский венец и активно боролись за него на протяжении Смуты.

Две основные линии Шуйских восходят к Василию Кирдяпе и его брату Семену — сыновьям одного из величайших политиков Северо-Восточной Руси XIV столетия, великого князя Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского²⁰. Еще в первой половине XV века их предки сохраняли положение независимых правителей. Затем они попали в зависимость от Москвы, став «служилыми князьями», но все еще «ставились» московскими великими князьями на управление старинными родовыми землями — Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом. Там у них сохранились огромные вотчины.

В 50 — 70-х гг. XV столетия князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский помимо воли московских государей и по приглашению вечевых республик княжил во Пскове и Новгороде Великом. Он даже участвовал в войнах новгородцев против Москвы. Но в целом семейство к концу XV века перешло на службу к московским государям.

При Иване III Великом и его сыне Василии III из этого рода рекрутировались дипломаты, наместники и воеводы. Со стороны великих князей московских им оказывалось большое доверие. В 1512 г. князь Василий Васильевич Шуйский входит в Боярскую думу с чином боярина. Более того, этот видный политик породнился с правящей династией, женившись на внучке Ивана III. Иными словами, великие амбиции потомков суздальских правителей не мешали им быть прочной опорой Московского государства.

Князья Шуйские при Иване IV имели чрезвычайно высокий статус, да и позднее сохраняли его — вплоть до восшествия на престол государя Василия Ивановича из их рода, процарствовавшего с 1606 по 1610 г. Они всегда были у кормила важнейших политических дел. Они неизменно присутствовали в Боярской думе. В конце 30-х — начале 40-х гг. установился даже период «шуйского царства»: при малолетнем государе Иване IV придворная партия Шуйских полностью захватила власть в стране и могла даже самовольно свергать Московских митрополитов ... Затем доминирующее положение было ими потеряно, однако прочные позиции на высших этажах власти все-таки сохранились. В зрелые годы первый русский царь не любил и опасался Шуйских, но от их службы отказываться не собирался.

За Шуйскими в популярной исторической литературе утвердилась недобрая слава дворцовых интриганов, лукавых и себялюбивых вельмож. В них многие видели и до сих пор видят вечных зачинщиков «боярской фронды». Людей, метавшихся между стремлением ослабить русского монарха и самим захватить монарший трон.

Это мнение однобоко. Да, конечно, Шуйские просто по положению своему должны были участвовать в интригах у подножия российского трона. Там, на высоте власти, слабые и

бездеятельные личности не задерживались надолго. А многолюдное могучее семейство Шуйских оставалось на высшем этаже отечественной политики в течение века. Однако следовало бы обратить внимание и на другое обстоятельство. Шуйские превосходно проявили себя в служебной деятельности. Из них выходили энергичные администраторы, искусные и отважные воеводы. Во времена Ивана Грозного помимо князя Ивана Петровича Шуйского в армейскую элиту Московского государства входили

*Михаил Васильевич
Скопин-Шуйский.
Парсуна*

также князья Иван Андреевич, Иван Михайлович и Петр Иванович Шуйские, а также их ближайший родственник князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Это была семья «командармов». На Шуйских легло тяжкое бремя постоянного участия в военных предприятиях России. Они свое высокое положение «отслужили» полностью. Убери их деятельный клан из командного состава вооруженных сил нашей страны, и сейчас же образуется громадная брешь, которую очень трудно закрыть. А в эпоху русской Смуты начала XVII века именно из этого семейства вышел знаменитый полководец князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Точную характеристику положения Шуйских при повзрослевшем Иване Грозном дал историк Г.В. Абрамович: «В малолетство Ивана IV Шуйские в роли регентов стояли во главе Русского государства. Этот период их деятельности, весьма противоречиво освещенный источниками, требует особенно тщательного исследования. Последующая история рода примечательна тем, что, лишившись задолго до опричнины, в результате припадка ярости тринадцатилетнего Ивана IV, одного из своих представителей — Андрея Михайловича²¹,

в дальнейшем, на протяжении всего царствования Грозного, род Шуйских, в отличие ото всех других княжеских родов России, даже в разгар опричного террора не потерял ни одного человека. Этот факт находится в полном противоречии с той демонстративной ненавистью, которой пропитаны обвинения Грозного в адрес Шуйских в его послании к князю Андрею Курбскому. А ведь именно им придают такое большое значение историки, исследующие царствование Ивана IV. Напротив, как бы в опровержение этих обвинений, Шуйские на протяжении всего царствования Грозного входили в состав Боярской Думы и занимали самые высокие посты в наместничествах и воеводствах»²².

Отец и сын

Дед князя И.П. Шуйского, Иван Васильевич, был видным воеводой, наместничал в разных городах, заслужил боярский чин.

Его отпрыск Петр Иванович появляется в источниках под 1539 г. на скромном посту головы в оборонительном походе русской армии под Коломну. В период «шуйского царства» он становится серьезной фигурой (хоть и молодой человек), — не зря в 1545 г., когда период господства Шуйских минул, на Петра Ивановича была наложена монаршая опала... Впрочем, из числа опальных он быстро выбыл: уже в 1547 г. князь получает воеводское назначение, затем становится наместником во Пскове, выполняет такие поручения царя, которые говорят об очень высокой степени доверия. Немудрено, что в 1550 г. Петр Иванович становится боярином, добыв, таким образом, высший чин в московской служебной иерархии. В 50-х гг. он сыграл ключевую роль в завоевании Казанской земли и усмирении первых мятежей против русской власти. На протяжении нескольких лет Петр Иванович был главным управителем всех казанских и «черемисских» дел. В первые годы Ливонской войны он играет роль одного из ведущих полководцев на этом театре военных действий. В 1558 г. Петр Иванович возглавляет русскую армию в Ливонии, берет города, действует в высшей степени удачно. Именно он взял Юрьев. За это князь и младшие воеводы устаиваются от Ивана IV

«великого жалования». Осенью 1558 г. царь принял их в Троице-Сергиевой обители. Там он «...жаловал их любовными и приветными словесы... их праведную прямую службу похваляя и жалование великое им обещая, и велел им ехать за собою в село свое в слободу Александровскую. И в слободе государь бояр и всех воевод пожаловал шубами и кубки и аргамаки и кони и доспехи давал им и землями и кормлением их довольно пожаловал, и во всем им свое великое жалование показал»²³. Долгое время Петр Иванович является ближайшим помощником другого крупного военачальника — князя Ивана Федоровича Мстиславского. Во время взятия Полоцка в 1563 г. Петр Иванович был вторым воеводой большого полка и, следовательно, на правах своей высокой должности входил в состав штаба победоносной армии. Затем он был оставлен командовать гарнизоном полоцкой крепости. К несчастью, блестящая его карьера закончилась трагически. В 1564 г., наступая на Оршу, московские полки подверглись страшному разгрому у селения Чашники. Иван Петрович был тогда главнокомандующим. Поражение покрыло позором его имя: Иван Петрович, сбитый с коня, «...з дела пеш утек и пришел в литовскую деревню; и тут мужики его ограбя и в воду посадили»²⁴ ... Однако это бесчестие никак не лишает князя славы всех предыдущих его побед.

Таким образом, будущий защитник Пскова имел в лице деда и отца двух выдающихся военачальников своего времени. Ему было у кого поучиться воинскому искусству: ближайшая родня всю жизнь воевала и управляла людьми... Это очень важно для понимания того, как складывалась его личность. В XVI веке не существовало каких-либо военных училищ. Ни средних, ни высших. Подавно, и речи не шло о создании какой-нибудь академии генштаба. Главной школой полководца оказывалась его собственная семья. Чем выше стояли родственники в военной иерархии, тем больше он мог получить от них тактического и стратегического опыта с верхних эшелонов командования. Они обороняли крепости — значит, и он мог узнать от них, как надо оборонять крепости. Они били врага в чистом поле — так и ему доставались знания о том, как бить врага в чистом поле. С этой точки зрения, род Шуйских

Опричники. Худочник Н.В. Неврев

представлял собой лучшую академию из всех возможных в России того времени.

Иван Петрович, как и Хворостинин, записан в «Дворовую Тетрадь» (как дворовый сын боярский по Суздалю), но не попал в «Тысячную книгу»²⁵. Первые его службы известны по 1562 г. Это может свидетельствовать о том, что родился он, скорее всего, где-то между 1536 и 1545 гг. Точнее определить трудно: даже у тех, кто был в XVI столетии крупнейшими фигурами в русской политике или военном деле, даты рождения в большинстве случаев неизвестны.

Сам Иван Петрович начинал службу, как и отец, на относительно скромных должностях.

В полоцком походе 1562—1563 гг. он всего-навсего один из знатных людей в свите государя. Честь без власти.

В конце 1568-го или начале 1569 г. он уже назначается на воеводство в Донков, одну из небольших крепостей на юге России. Такая же крепостица на пути у хищной степной конницы, такой же маленький гарнизон, как и в Шацке, где началась карьера великого Хворостинина. Все сходится. Два маршрута славных русских воевод XVI века на первых порах

имеют немало сходства. Школа военачальника по нормам, принятым в Московском государстве, включала в себя тяготы «армейской лямки» на нижних уровнях военной иерархии. «Пускай его потужит...» Для всех. В том числе и для самых родовитых персон.

Но только на первых порах...

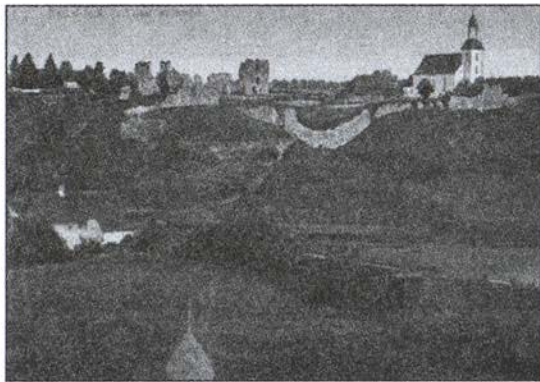
Только в молодости.

Восхождение

Князь Шуйский по рождению своему мог претендовать на то, что князь Хворостинин должен был вырывать у судьбы долгой, честной, отважной службой. Один из них входил в узенький слой высшей русской аристократии, те несколько десятков родов, которые имели право занимать лучшие военные, административные и придворные должности в Московском государстве. Другой по крови чуть-чуть не дотягивал до высшего уровня знатности. Эта дистанция, на первый взгляд незначительная, сыграла в судьбе двух блистательных «командармов» ключевую роль. Опричнина стала нарушением сложившегося порядка вещей, и она сошла на нет, не принеся добра, мало выведя к вершинам военной иерархии достойных и талантливых людей. Того же Хворостинина она «подкинула» не столь уж высоко... Но вместе с ее исчезновением для людей, не связанных со знатнейшими родами, уменьшилась возможность обходить глыбу высшей аристократии. Немногих царь мог приблизить к себе и дать высокий чин, если они происходили не то чтобы из «худородных людишек», а хотя бы из «аристократии второго ранга», — вроде тех же князей Хворостининых, Охлябининых, Телятевских, или же представителей знатных, но захудалых боярских семейств Москвы.

У Хворостинина, несмотря на его очевидный воинский талант и не менее очевидные боевые заслуги, служба на вторых ролях могла тянуться десятилетиями. Шуйский достиг высоких чинов почти сразу. Таков был обычай того времени: знатнейшему человеку давали понюхать пороху на должности в свите, сопровождавшей государя во время больших походов, — например, рынды (телохранителя-оруженосца), поддатни (помощника рынды) или иного свитского человека; затем

Замок Каркус (Каркуси). Фото конца XX века

выдерживали недолгое время в простых воеводских чинах, чтобы он мог примерить на себя тяготы военной работы, и если армейская карьера манила его, то дальше он получал только первостепенно важные посты.

Так было и в судьбе Ивана Петровича.

Для карьеры ему не понадобилась опричнина. Князя Шуйские прекрасно чувствовали себя и в земщине. Правда, один из них, князь Иван Андреевич, решил упрочить положение рода, женив сына Дмитрия на дочери Малюты Скуратова — большого царского любимца, пономаря в опричном «Слободском ордене». Под занавес опричнины и сам Иван Андреевич оказался в числе опричных бояр. Но всё остальное семейство Шуйских оставалось в земщине. Возможно, тут сыграла роль лукавая предусмотрительность. В иные годы опасность представляла опричнина, и пребывание вне ее могло привести к потере статуса; в другие же становилось опасно оказаться *внутри* опричнины. Так вот, Шуйские, как видно, решили сохранить семейство при любых обстоятельствах: если одна ветвь его будет истреблена или попадет в опалу, то другая сохранит жизнь, власть, влияние... Род, так или иначе, выживет и продолжится.

Во-первых, уже в 1569—1570 гг., оставшись на второй год воеводой в захолустном Донкове, Иван Петрович получил право возглавить трехполковую оборонительную рать против

крымских татар. Во-вторых, в следующем, несчастливом для русской армии 1571 г., когда Девлет-Гирей прорвался к Москве, Шуйский командовал полком левой руки. После отхода крымцев ему доверили сторожевой полк, сведенный из остатков московских войск. Для того, чтобы вести своих людей, князю требовалось тогда страшное напряжение воли: в горячей столице погиб его младший брат.

В августе 1572 гг. вооруженные силы России проводили большую оборонительную операцию против того же Девлет-Гирея, окончившуюся поражением татар у Молодей. Тогда Шуйский вновь был поставлен во главе сторожевого полка. Весь полк насчитывал 2063 бойца — «детей боярских и казаков с пикальми». В прямом и непосредственном подчинении у Ивана Петровича находилось около 960 человек — примерно столько же, сколько было и у Хворостинина в те дни... С той лишь разницей, что Шуйский получил под команду такой отряд всего-то после трех неполных лет службы в воеводских чинах.

Первой бой с крымцами принял у Сенькина Брода именно Шуйский. Впоследствии воевода со своим полком участвовал в больших боях, обороняя гуляй-город. Именно бойцы его полка взяли тогда в плен лучшего татарского полководца — Дивей-мурзу²⁶.

Что произошло в судьбе князя? Он дважды подвергся самому серьезному испытанию на прочность изо всех возможных. Он дрался в двух баталиях, где не о чести и не о добыче приходилось думать, а только о сохранении жизни. Враг смертельный, беспощадный, настроенный на уничтожение русских полков, отчасти преуспевший в этом, бился против ратников Шуйского, против него самого глаза в глаза.

После двух таких встрясок Иван Петрович должен был считаться человеком, сведущим в военных делах и отважным. В 70-х г. ему жалуются чин боярина. По одним данным, это произошло в 1572 г., по другим — в 1576-м.

После взятия Полоцка русское наступление на западных рубежах остановилось. Победы первых лет войны не получили достойного продолжения.

В середине 1570-х гг. Иван Грозный пытается изменить ситуацию на Ливонском фронте личным участием в наступа-

тельных операциях. Так, в конце 1572 г. (опричины к тому времени уже и след простыл) царь идет с большой армией под Пайду и берет ее в январе 1573-го, обновив, таким образом, старые лавры покорителя Полоцка. Шуйский участвует в походе на той же должности — первым воеводой сторожевого полка. Тогда же он принимает участие в другой победоносной операции — взятии Каркуса; в ней русские войска соседствуют с контингентом полузависимого от России правителя, ливонского короля Магнуса. Русский корпус продолжает удачно начавшееся наступление и берет мызу Ропу. Однако в дальнейшем наших воевод постигла неудача: под городом Коловерь их разбили. В том сражении погиб родственник Ивана Петровича — князь Иван Андреевич Шуйский, тот самый, породнившийся с Малютой. Да и сам Малюта Скуратов также, кстати, побывал тогда в Ливонии. Он сложил голову несколько раньше — в январе 1573 г. под стенами Пайды. Несмотря на поражение полевой армии в открытом бою и значительные потери, взятые крепости остаются за русскими.

Во второй половине 1573 г. князь Шуйский наместничает во Пскове вместе с крещеным ногойцем князем П.Т. Шейдяковым. Эта роль станет для него привычной: во Псков с Шейдяковым и другими военачальниками его будут назначать неоднократно в конце 70-х — начале 80-х гг. Как правило, Иван Петрович числится вторым воеводой, но выполняет роль наиболее активного и ответственного командира. Воеводство (хотя бы и на втором месте) в богатом и славном Пскове — большая честь.

Царь видит в Иване Петровиче толкового военачальника. Продолжая давление на неприятеля в Ливонии, Иван Васильевич вторгается туда летом 1577 г. с большой русской армией и союзным войском короля Магнуса. Судя по документам того времени, для похода планировалось собрать очень значительные силы: более 19 000 дворян, казаков и стрельцов, мощную артиллерию. Ивана Петровича назначили вторым воеводой в большой полк. Первым воеводой расписан крещеный татарский «царь» Семион Бекбулатович, особа необыкновенно знатная и пользовавшаяся безграничным доверием государя. Однако, по всей видимости, реальное командование

армией осуществляет тогда именно князь Шуйский. Разумеется, выполняя приказания самого Ивана IV. Кто тут в большей степени исполняет роль полководца, а кто — политика? Был ли Шуйский простым администратором при царе, или же он вел компанию на тактическом уровне, а Иван IV занимался политическими вопросами и принимал стратегические решения? Невозможно с полной определенностью ответить на эти вопросы. Но в любом случае львиная доля командирской работы ложилась именно на него.

Этот поход принес воеводе, да и всей нашей армии, значительный успех. По разным источникам, русские полки, а также отряды Магнуса взяли тогда то ли 24, то ли даже 27 ливонских городов, в том числе и довольно значительные — Режицу, Чествин, Линовард, Кесь (Венден). О чем это говорит? Шуйский — насколько его командную волю можно отделить

Карта Ливонии (предположительно XV в.)

от воли государя, — оказался хорошим тактиком. Упорным, энергичным, державшим армию в кулаке.

Сдавшимся городам и замкам царь обещает оказать милость и, действительно, мягко обходится с их жителями. Напротив, сопротивление подавляется с большой жестокостью. Впрочем, польско-литовские гарнизоны малочисленны и не способны противопоставить русской мощи эффективную оборону.

Неожиданной помехой на пути к осуществлению царских планов оказывается Магнус, правитель буферного королевства Ливонского. Доселе он был верным союзником Московского государства. Но в 1577 г. Магнус проявляет излишнюю самостоятельность. Он договаривается с местной знатью о передаче городов ему, т.е. в состав его «буферного» королевства. Многие идут на это с радостью, опасаясь прямого захвата русскими войсками и власти переменчивого нравом Ивана IV. Бояться им было чего: прежде жители Юрьева-Ливонского (Дерпта) и Полоцка жестоко пострадали от Ивана Васильевича, а молва о новгородском разгроме 1570 г. и бесчинствах опричников под Таллином получила широкое распространение. Прибалтика наполнена была летучими листками и публицистическими сочинениями о зверствах Ивана IV, частично преувеличенных. Но и в той части, где сведения о суровости царского характера были верны, хватало подробностей, способных оледенить самое храброе сердце. Уже после окончания войны выйдет книга немца-пастора Павла Одерборна, живописавшего кровопийство русского государя с небывалыми выдумками, в духе какого-то ветхозаветного суперзлодейства. Одерборн врал изрядно; однако труд его поучителен тем, что в нем отразился панический ужас ливонского населения перед властью Ивана Грозного.

К сожалению, отчасти этот ужас был оправдан...

Магнусу один за другим сдаются города и замки, однако государь Иван Васильевич не рад этому. Ведь он сам явился «в свою вотчину»! К чему теперь посредник между ним и местным населением, когда русские пушки способны уговорить кого угодно? К чему буфер между ним и плательщиками податей, держателями земель, каковые могут быть отданы русским помещикам? Взятие городов обойдется дороже, чем их

мирное подчинение? Но, во-первых, для силы, собранной в 1577 г., потери не страшны, и, во-вторых, двойное подчинение, хотя бы и установленное мирным путем, недорого стоит в глазах Ивана IV.

Государь отправляет ливонскому королю гневное послание. Там он говорит ясно: у России сейчас достаточно сил для очистки всей страны без вмешательства Магнуса; если ему мало владений, доставшихся раньше, он может убраться к себе в Данию или отправиться на воеводство в Казань. Полки Грозного занимают Магнусовы новые приобретения²⁷. Сам король ливонский со свитой по требованию Ивана Грозного выходит из сдавшегося ему Вендена. Царь всячески унижает и бесчестит его²⁸, подвергает аресту и некоторое время держит в ожидании смертной казни. Потом прощает и даже дает небольшой удел. Но отношения между прежними союзниками, как видно, оказались капитально испорченными. Более того, Венден затворяет двери перед царем и начинает артиллерийский обстрел русского лагеря. Город берут штурмом. Инициаторы сопротивления подрывают себя порохом, с прочими русское командование обходится весьма неласково; впрочем, население иных городов, сдавшихся Магнусу, а потом занятых русскими войсками, также стало свидетелем серии казней: казнили приближенных короля.

Жестокость по отношению к тем, кто защищал свои города, и суровость, проявленная Иваном Васильевичем в «деле Магнуса», настроили местное население неблагоприятно по отношению к новым властям. В дальнейшем переход земельных владений от ливонцев к русским помещикам явно не улучшил отношений. С самого начала Ливонской войны местные жители в большинстве своем находили мало поводов радоваться русскому завоеванию и поддерживать наши армии; теперь они получили еще несколько весомых аргументов в пользу мятежа. Если наш государь хотел навеки закрепить за Россией этот край, наверное, ему стоило подумать о более мягкой и более гибкой политике на присоединенных землях. Вероятно, несколько большая мягкость была уместна и в отношении Магнуса. Да, тот повел себя как авантюрист, пытаясь спекулировать на «русской угрозе». Однако слабый и

*Герцог Магнус Гольштейн,
епископ Эзельский*

своевольный союзник все же намного лучше, нежели открытый враг.

В Московском государстве по городам и областям рассылаются царские послания с известиями о приобретении новых земель и городов в Ливонии. Но стратегически итоги масштабного вторжения в Ливонию оказались ничтожными. Пик успехов русского оружия в этой войне был пройден пятнадцатью годами ранее, после взятия Полоцка.

Формально в 1577 г. под контролем у московского государя оказалось значительно бóльшая территория, нежели в 1563-м. Но вскоре после того, как русская армия покинет занятые ею земли, неприятель с легкостью отобьет несколько городов. Единственный союзник Московского государства на этом театре военных действий, Магнус, в 1578 г. перейдет на сторону поляков. Вероятно, ему трудно было простить то страшное унижение, которому подверг его Иван Васильевич, и те потери, которые он понес в связи с крахом своей авантюры.

Осенью 1577 г. царь обо всех этих печальных событиях, которые произойдут в ближайшем будущем, знать еще не мог. Он доволен. Возвращаясь из похода, Иван Васильевич устраивает пир, на котором среди прочих воевод присутствует и князь Шуйский. С тех пор царь ценит воеводу и благоволит ему. Знаком высокой милости станет приглашение Ивана Петровича на празднество в честь женитьбы государя на Марии Нагой (1581). Царские свадьбы того времени посещали только те вельможи, кем государь особенно дорожил.

По окончании большого Ливонского похода Шуйский возвращается во Псков, на воеводство, где и пробудет до начала правления Федора Ивановича.

1578 г. положил предел удачам Московского государства в Ливонии. Кесь пришлось отдать неприятелю, а при попытке вернуть город русское войско было разгромлено.

С 1579 г. над западными землями России нависает мрачная тень польского короля Стефана Батория. На протяжении нескольких лет он вторгается с огромными наемными армиями на нашу территорию и берет один за другим наши города. В руки поляков попадают Полоцк, Великие Луки, Заволочье, а также несколько других менее значительных крепостей. Кажется, никто не способен остановить грозного противника. Он дерзко вызывает на бой самого Ивана IV. Стремительные отряды поляков наносят нашим ратам поражение за поражением. Вот они уже в Тверской земле, и сам царь из своей резиденции в Старице видит полыхающие в отдалении пожары. По натуре своей Баторий — государь-кондотьер. Он знает толк в военном деле, он решителен, свиреп, энергичен, талантлив. У польской шляхты воинственный Баторий пользуется популярностью. Король располагает достаточными средствами, чтобы восполнять потери, которые несут корпуса вторжения в боях с русскими гарнизонами. А Россия уже разорена вконец долгой кровопролитной войной, эпидемиями, опричными репрессиями. Крестьяне, обнищав, разбегаются от государева тягла в места дикие и отдаленные. Помещики скрываются «в нетях» от царских приставов, набирающих новые полки.

Московское государство находится на грани стратегической военной катастрофы.

У Пскова то и дело концентрируется русское войско для нанесения контрудара по Баторию, для помощи осажденному Полоцку. Однажды полки во главе с князем Шуйским выдвигаются к псковскому «пригороду» Порхову. Он готов в любой момент сцепиться с Баторием. Но до решающего сражения дело не доходит. Высшее русское командование, включая и самого царя, проявляет робость и нерешительность. В XVI столетии, говоря о бое лицом к лицу с неприятелем, называли его «прямым делом». Так вот, выйти на «прямое дело» с громадой польско-литовских сил Иван Грозный не решался. Более того, он не отдавал такого приказа своим военачальникам. И, вероятно, не напрасно государь больше уповал на крепость

стен, нежели на искусство воевод и отвагу воинов. Во-первых, к тому времени у России для отпора осталось не столь уж много сил: еще одна разгромленная армия могла означать худшее — без защиты осталась бы сама русская столица. Во-вторых, войска пали духом и утратили стойкость, присущую им еще несколько лет назад. Они в большей степени способны были изображать сильный заслон, нежели на самом деле оказывать серьезное сопротивление оккупантам. Стоило ли предъявлять неприятелю степень деморализации полевых русских войск?

Псковские воеводы спешно приводят в порядок обветшавшие укрепления. Гарнизонные стрельцы, дворяне и их начальники, а также псковичи, сбежавшиеся под защиту крепости, приводятся к крестному целованию в том, что будут отстаивать город от иноземных полчищ.

В 1581 г. сам Баторий приходит с новой армией под древние стены Пскова. Через бойницу за строительством вражеского лагеря наблюдает князь Иван Петрович Шуйский, второй воевода городского гарнизона. В ближайшие месяцы его ждет новое испытание...

Русская аристократия того времени жила богато, имела всё, что душа пожелает. А персоны из высшего ее слоя, самые «сливки», имели к тому же полное преобладание над остальным дворянством в делах службы. По биографии Ивана Петровича видно, насколько он легче и быстрее выходит в чины, нежели всё тот же заслуженный Хворостинин — аристократ «второго ранга». Но вот настает час, когда за хорошую жизнь, за право на господство, за непререкаемую власть надо платить. Требуется в жестокой борьбе одолеть сильного и опасного врага. Само время проверяет на прочность национальную политическую элиту. Она выращена своим народом органично, поколение за поколением, и обязана постоянно доказывать право на существование *всего народа*. Если надо — кровью, а если потребуется — то и жизнью своей. Чего она стоит? Крепка ли? Является ли она сама сильным и опасным врагом? Или превратилась в сборище баловней судьбы? Если она даст слабину, то все общественное здание может рассыпаться, погребая под собой знатных и незнатных, воевод, дворян, стрельцов... и последних бедняков вместе с ними.

Псковский триумф

По горячим следам борьбы за Псков местный иконописец Василий создал «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Автор был очевидцем главных событий осады, его рассказ подробен и точен. К Ивану Петровичу Шуйскому он относился с великим почтением, подавал его читателям как главного вождя осажденных и вкладывал в уста воеводы речи, свидетельствующие о храбрости, преданности государю, твердости в православной вере.

Так, незадолго до осады Иван Петрович был вызван в Москву Иваном IV. Это подтверждается другими источниками — воевода действительно присутствовал на свадьбе государя и Марфы Собакиной. Тогда, по мнению иконописца Василия, царь допытывался, в каком состоянии находятся городские стены и хватает ли для обороны людей. Воевода отвечал Ивану Васильевичу: «Надеемся, государь... твердо на Бога и на истинную Богородицу нашу, необоримую крепкую стену, и покров, и христианскую заступницу, и на всех святых, и на твое государево царское высокое имя, что град Псков, всячески укрепленный, может выстоять против литовского короля». По словам автора «Повести», Иван Грозный, услышав такие слова, возложил на Шуйского ответственность за оборону города: «С тебя одного подобает спрашивать мне за всю службу, а не с других товарищей твоих и воевод». Официально Иван Петрович не был во Пскове главным из воевод. Выше него стоял князь Василий Федорович Скопин-Шуйский. Однако царский указ давал ему особые полномочия — решать все важнейшие дела по собственному разумению. Так и происходило на протяжении всей осады.

Почему Иван Грозный отдал такое распоряжение? Почему он верил в Шуйского более, чем в кого бы то ни было? Да ведь именно он был фигурой номер один в воеводском списке последнего большого похода в Ливонию, возглавленного самим царем! Следовательно, князь произвел на Ивана Васильевича самое отрадное впечатление своими деловыми качествами. Показал себя в деле.

Узнав о приближении королевской армии, Шуйский распределил между командным составом гарнизона отдельные участки стены и привел своих воинов в боевую готовность.

Крепость Кром, Псков. Современная фотография

Осада началась 18 августа 1581 г.

Неделю спустя, когда основные силы поляков подтянулись ко Пскову и начали окружать его со всех сторон, стараясь блокировать основные дороги, городские пушки открыли огонь. Не имея полевых укреплений, противник нес от русского огня большие потери. С ближних к Пскову позиций он должен был отойти. Наши артиллеристы заметили, где Стефан Баторий поставил шатры своей ставки. Днем по этому месту никто не стрелял. Зато ночью, когда противник не был готов к отпору и не очень понимал, что происходит, королевская ставка подверглась массированному обстрелу. Погибли дворяне Батория. Король приказал перенести ставку на более безопасные позиции — подальше от псковских орудий. Его подчиненным велено было рыть окопы и ставить «туры» — передвижные укрепления для подвода стрелков и пушек под самые стены.

Королевская армия насчитывала порядка 40—60 тысяч бойцов, в том числе отряды опытных наемников, собранных по всей Европе. Помимо поляков и литовцев, значительную часть ее составляли венгры, были немецкие отряды. Шуйский мог ей противопоставить, по разным подсчетам, от 7 до 15 тысяч дворян, стрельцов и вооруженных горожан²⁹.

Благодаря тому, что до наших дней дошли официальные документы Разрядного приказа — «Генерального штаба» в Московском государстве, — известны имена всех основных во-

еначальников, защищавших Псков от Стефана Батория. Помимо уже названных князей И.П. Шуйского и В.Ф. Скопина-Шуйского, псковский гарнизон возглавляли воеводы Никита Иванович Плещеев-Очин, князь Андрей Иванович Хворостинин по прозвищу Старко, князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский, князь Василий Михайлович Лобанов-Ростовский. Помимо князя Бахтеярова всё это были опытные люди, побывавшие в походах и при обороне крепостей на высоких постах. Иван IV, зная стратегическую важность Пскова, на протяжении нескольких лет держал там сильный командный состав.

Помимо воевод известны также имена голов, то есть командиров меньшего ранга. Это Андрей Васильевич Замыцкий, Леонтий Иванович Аксаков, князь Василий Иванович Мещерский, Клим Данилович Милюков, Константин Дмитриевич Поливанов, Григорий Семенович Овцын. Среди них наибольшим опытом отличался Поливанов, бывший когда-то крупным воеводой в опричнине.

Противник знал этих людей: немудрено было оценить их способности, не раз проявлявшиеся на полях сражений Ливонской войны. По сведениям поляков, «...из них пользовался большим уважением у московского царя Иван Шуйский по своему уму, Хворостинин по телесной и нравственной силе; поэтому, хотя Василий [Скопин-Шуйский] был старше Ивана, однако главное начальство поручено было Ивану... Среди начальников пехоты особенную репутацию серьезности и мужества имел Козецкий, пользовавшийся также расположением великого князя ради храбрости своей и высокого роста». Очевидно, «начальниками пехоты» названы головы, а Козецким поименован Замыцкий.

Псков славился мощными укреплениями. Город раскинулся на огромном пространстве у слияния рек Великой и Псковы. Первая из них протекала с юга на север, а вторая — с востока на запад, охватывая плавной дугой псковские предместья с запада. Район Завеличья, располагавшийся на западном берегу Великой, не был обнесен крепостными сооружениями. Поэтому его не собирались оборонять и сразу отдали Стефану Баторию. Сердцем города был Кром — древняя крепость,

твердыня, возвышавшаяся на холме над речным углом. В Кrome стоял Свято-Троицкий соборный храм Пскова. Второй пояс укреплений располагался к югу от Крома. Он носил название «Довмонтов город», по имени литовского князя, служившего псковичам в XIII веке и прославившегося воинскими подвигами. Большое пространство охватывал «Средний город». Его стены представляли собой границу Пскова в XIV столетии. Город давным-давно вырос из нее, как юноша из детской рубашечки. Главной линией обороны, за обладание которой и шла борьба в 1581—1582 гг., стал «Большой город» или, иначе, «Окольный город». Он состоял из новых мощных укреплений: «Стена большого города... простиралась на десять километров, имела тридцать семь башен и сорок восемь ворот. Стены были многоярусными, с удобными переходами на стены и подземными ходами, позволяющими маневрировать силами»³⁰. За Псковой укрепления продолжались.

Мощь городских оборонительных сооружений вызывала почтительное отношение даже у противника: «Со всех сторон имеются очень крепкие башни, сделанные из... камня. Так как башни прежней гостройки недостаточно были равны между собою и вследствие того не прикрывали себя взаимно от пушечных выстрелов, направленных от одной к другой, то, поставив с углов тех новые стены и покрыв их весьма толстым дерном, и разместив по ним окна (бойницы) он (московский царь) устроил так, что они находились на равном друг от друга расстоянии. У тех же башен, которые оказались частью слишком тесными, частью слишком непрочными для того, чтобы могли выдержать выстрелы от тяжелых орудий, с внутренней стороны на удобных местах расставил другие башни... деревянные, сделанные с великим тщанием из самых крепких бревен и снабдил их достаточным количеством больших пушек... Так как московский царь... полагал, что нисколько не должно сомневаться в том, что король по взятии Лук направится ко Пскову, то снабдил его весьма хорошо всем нужным для выдержания осады и приказал все свезти туда в огромном количестве». Пороха, снарядов, продовольствия в городе хватало. Он был обеспечен всеми необходимыми для «осадного сидения» припасами.

Псково-Печерский монастырь

Расположение псковских укреплений фактически диктовало осаждающим планы их штурма. Захват Запсковья ничего не решал: даже в случае успеха королевская армия оказалась бы перед водной преградой (Псковой) и высокими стенами Крома. Атака через реку Великую, пока ее не сковал лёд, была бы, несомненно, безумным предприятием. Форсировать полноводную Великую под огнем русских пушек и пищалей — значит обрекать армию на истребление. Таким образом, оставался Большой город. Точнее, южный — юго-восточный участок его стен, не защищенный от вражеского приступа реками. Но здесь и укрепления были наиболее мощными. Ключом ко всей позиции оказалась Покровская башня. Именно она представляла собой наиболее уязвимое место Большого города. По ней королевские артиллеристы могли вести огонь с трех сторон: с юга (фронтальный обстрел), от позиций в районе Мирожского монастыря (фланговый обстрел) и, хуже всего, еще из-за реки Великой, в тыл. Соответственно, главные силы защитников города концентрировались именно здесь.

7 сентября началась бомбардировка города. Мощная осадная артиллерия Стефана Батория снесла Покровскую башню, разбила на двадцать четыре сажени стену рядом и еще на шестьдесят девять — в других местах, сильно повредила Угловую и Свинусскую³¹ башни. Такие проломы как будто зазывали неприятеля совершить дерзкую атаку. Именно это и произошло: король отдал приказ начать общий штурм на следующий день.

Гетман Ян Замойский

В наиболее опасном месте — на участке от Покровских до Свиноусских ворот — Иван Петрович поставил опытного воеводу князя Андрея Ивановича Хворостинина, брата великого полководца Дмитрия Хворостинина.

Автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» рассказывает: «В пятом часу дня... литовские воеводы и ротмистры, и все градо-емцы, и гайдуки проворно, радостно и уверенно пошли к граду Пскову на приступ...» Во Пскове

ударил сигнальный колокол у церкви Василия Великого. «Государевы... воеводы со всеми воинами и стрельцами... изготовились и повелели из многих орудий по вражеским полкам стрелять. Стреляя беспрестанно из орудий, они многие полки побили; бесчисленно литовских воинов побив, они устлали ими поля. Те же упорно, дерзко и уверенно шли к городу, чудовищными силами своими, как волнами морскими, устрашая... Все бесчисленное войско, закричав, устремилось скоро и спешно к проломам в городской стене, щитами же и оружием своим, и ручницами, и бесчисленными копьями, как кровлею, закрываясь. Государевы же бояре и воеводы со всем великим войском, Бога на помощь призвав, бросили христианский клич, призывно вскричали и так же стойко сражались с врагом на стене. А литовская бесчисленная сила, как поток водный, лилась на стены городские; христианское же войско, как звезды небесные, крепко стояло, не давая врагу зайти на стену. И был гром великий... и крик несказанный от множества обеих войск, и пушечных взрывов, и стрельбы из ручниц... Пролом, пробитый ли-

товскими снарядами, был велик и удобен для прохода, даже на конях можно было въезжать на городскую стену... Поэтому многие литовские воины вскочили на стену града Пскова, а многие литовские ротмистры и гайдуки со своими знаменами заняли Покровскую и Свинусскую башни и из-за щитов своих и из бойниц в город по христианскому войску беспрестанно стреляли. Все эти проверенные лютые литовские градоемцы, первыми вскочившие на стену, были крепко в железо и броню закованы и хорошо вооружены...» Приближенные подходили к Стефану Баторию и поздравляли его с победой. Однако до победы было далеко: защитники Пскова продолжали оказывать сопротивление на стенах. «Государевы... бояре и воеводы и все ратные люди, и псковичи с ними тоже крепко и мужественно бились: одни под стеною с копьями стояли, стрельцы стреляли по врагам из пищалей, дети же боярские из луков стреляли, другие же бросали в них камни, остальные, кто как мог, помогал спасению града Пскова. И из орудий непрестанно по врагу стреляли и никак не давали сойти в город. Литовское же воинство упорно и настойчиво со стен, и из башен, и из бойниц беспрестанно стреляло по русскому воинству... И можно было видеть, как христианские воины, словно пшеничные колосья, вырванные из земли, погибали за христианскую веру. Другие же изнемогали от многочисленных ран, нанесенных литовским оружием, и ослабевали от усталости — день тогда был очень солнечный и знойный; но все крепились...» Штурмующим отрядам из королевского лагеря пришла подмога — еще две тысячи свежих бойцов. Настал решающий момент боя. Русских немного отделяло от поражения. Однако защитников Пскова выручило искусство артиллеристов. Они установили на насыпи, недалеко от пролома, мощное орудие «Барс» и ударили по Свинусской башне, занятой неприятелем. Меткая стрельба выбила из строя множество нападающих. Их напор ослабел.

Наконец русские заложили под Свинусскую башню пороховой заряд. На ее развалинах как раз укрепилась свежая группа, недавно прибывшая из расположения королевских войск. В ее состав входили высокородные вельможи, решившие поднести королю победу на блюдечке. Чудовищный взрыв

потряс руины башни. По словам очевидца, польские шляхтичи «...смешались с псковской каменной стеной Свинусской башни и из своих тел под Псковом другую башню сложили...»

Штурмовые отряды, понеся громадные потери, все еще не были остановлены королем от дальнейших попыток. Бой продолжался. Псковское духовенство, желая ободрить воинов, противостоящих натиску «градоемцев», принесли из соборной церкви Св. Троицы чудотворную икону Богородицы Печерского монастыря, иные образы и чудотворные мощи. Монахи, несущие иконы и мощи, встали у самого проломного места, призывая усталый гарнизон биться насмерть.

Рейнгольд Гейденштейн, находившийся во вражеском стане, приводит в своих «Записках о Московской войне» любопытные подробности осады. Рассказывая о решающем моменте первого штурма, он пишет: «...в то время, как наши были задержаны при взятии стен, Иван Шуйский разъезжал тут и там на раненом коне; он своими угрозами, просьбами, наконец, даже слезами, и с другой стороны епископ, выставя мощи и иконы, успели остановить бегство и ужас своих. Враги сперва стали стрелять в наших из пушек и бросать камни, в то время как наши в свою очередь метали в них копья... с той и с другой стороны очень многие были ранены...»³² Вот важный эпизод, характеризующий Шуйского с наилучшей стороны. Воевода не боялся сунуться под вражеские пули, оказавшись на передовой. Он личным примером, личной отвагой укрепляет волю подчиненных к победе.

Через некоторое время порыв атакующих окончательно иссяк. Ночь пала на заваленные трупами развалины стен и башен. Под ее покровом польская пехота небольшими кучками начала отступать в лагерь. Последним плацдармом неприятеля оставалась полуразрушенная Покровская башня. Русским бойцам удалось пороховыми зарядами произвести в ее руинах большой пожар. После жестокой схватки у Покровской башни последние остатки неприятельских штурмовых отрядов были выбиты за стену, в поле. В качестве трофеев нашим достались вражеские знамена, множество брошенного оружия, полковые трубы и барабаны. Несколько знатных пленников предстали перед русскими воеводами, чтобы в подробностях рассказать о королевской армии.

Победа далась недешево. Гарнизон и примкнувшие к нему горожане понесли тяжкий урон. Одних убитых было 863 человека, а раненых — более полутора тысяч. Шуйский отправил гдовскому воеводе грамоту о необходимости пополнить гарнизон³³. Но войско Стефана Батория рассталось со значительно большим количеством бойцов. По данным русских источников, его ущерб одними убитыми составлял около пяти тысяч человек. Сам неприятель признавал, что одних поляков погибло около 500 человек, «...кроме того, пало много немцев и венгров, очень многие получили раны от камней, кольев и топоров»³⁴. Рейнгольд Гейденштейн сообщает о гибели более 40 представителей польской знати. Тогда же погиб королевский любимец, прославленный командир венгерских наемников Бекеш. У артиллеристов Стефана Батория кончились запасы пороха.

Шуйский велит за проломами возвести новую линию обороны. По «проломным местам» и развалинам башен защитники города рыли в землю множество острых кольев. За руинами каменной стены ими был вырыт ров, усиленный теми же кольями. А за рвом нападающих встречала новая стена — деревянная, с множеством бойниц. На ней стояли орудия, огромные котлы с кипящими нечистотами, а также кувшины с порохом, игравшие роль импровизированных гранат. Там же горожане приготовили мешки с сухой известью, выжигавшей глаза неприятельских солдат. Отряды пеших наемников то и дело пытаются преодолеть эту преграду, но усилия их тщетны. Положив перед нею новую грудку мертвецов, они неизменно откатываются к лагерю.

Баторий, увидев стойкость гарнизона и его командиров, принимается за переговоры. Король угрожает уничтожить защитников Пскова, как только город будет взят его армией. В случае добровольной капитуляции он обещает великие милости воеводам. Из города ему отвечают: «Если Бог за нас, то никто против нас!»

Поляки пытаются вести «минную войну». Взяв во время вылазки «языков», псковичи узнают тревожную новость: от позиций королевской армии под стены их города одновременно ведется шесть, то ли даже девять подкопов. Однако перебежчик в

русский лагерь, бывший стрелец полоцкого гарнизона Игнаш, пошедший на службу к полякам после взятия города, сообщает о местах, где строятся подземные галереи для закладки пороховых мин. По приказу псковских воевод неприятельские подкопы перехватывают и обрушивают. Подкоп венгров псковичи подорвали с помощью контрмины. Еще два, начатых поляками, уперлись в скалу. Ни один не дошел до цели.

Воеводы соседних городов неоднократно пытались помочь осажденному Пскову. Несколько русских отрядов устремляются тайными дорогами к городу. Некоторые из них потерпели поражение и были рассеяны врагом. Другим повезло больше, они сумели доставить гарнизону поддержку. Так, через расположение королевской армии, ослабившей караульную службу, в Псков с боем прорвался стрелецкий голова Фёдор Мясоедов с подмогой и продовольствием.

В конце октября осаждающие предпринимают новый большой штурм: им подвезли порох из Риги. Вновь начинается общая бомбардировка города, однако значительного урона она не наносит. Обстрел раскаленными ядрами деревянных хором, служивших жилищем для большинства горожан, по мысли польского командования, должен был привести к большому пожару. Он вызвал бы смятение в рядах защитников, и тогда их упорную оборону удалось бы взломать без труда. Но псковичам удалось предотвратить общий пожар. Напротив, действия тяжелых русских пушек постоянно разрушают полевые укрепления осаждающих, сооруженные из корзин с землей. Отборные смельчаки из венгерских отрядов Стефана Батория идут под каменную стену с кирками и ломом, пытаются разрушить ее основание, в то время как их товарищи пробуют поджечь деревянную. От стрел, пуль и камней они защищаются большими деревянными щитами. В ответ со стен в них начинают метать пропитанное смолой тряпье, поджигая сами щиты. В нижнем ярусе стен появляются новые бойницы, из которых по вражеским солдатам палят в упор стрельцы. Сверху на их головы льется раскаленный деготь и кипяток. Несколько особенно упорных бойцов противника углубились в стену так, что сверху их было практически невозможно достать. Тогда псковские воеводы измышляют собственную уловку.

Вот что рассказывает о ней «Повесть...»: «Повелели навязать на шести длинные кнуты, к их концам привязать железные палки с острыми крюками. И этими кнутами, спустив их с города за стену, стегали литовских камнетесов и теми палками и острыми крюками извлекали Литву, как ястребы клювами утят из кустов на заводи; железные крюки на кнутах цеплялись за одежду и тело литовских хвастливых градоемцев и выдергивали их из-под стены...» — тут они становились легкой добычей русских стрельцов. Гейденштейн, сокрушаясь, пишет: «Неприятели из города сверху стен, разрушить которые старались венгры, стали спускать огромной величины бревна, со всех сторон обитые железными зубцами и прикрепленные железными цепями к длинным шестам; неприятели, потрясая ими, действовали так искусно, что все, находившиеся на работе, получали направленные снизу удары как бы плетью, вследствие чего эти бревна причиняли большие несчастья».

Очередная неудача произвела на армию неприятеля тяжелое впечатление.

Потерпев провал со всеми перечисленными хитростями, Стефан Баторий отдает приказ открыто атаковать Псков, больше желая взбодрить армию, нежели надеясь на благоприятный исход дела. Незадолго до того встала река Великая. Королевские военачальники погнали многочисленные отряды на штурм прямо по льду. Но очередной штурм заранее был обречен на неудачу. Во-первых, боевой дух в войсках осаждающих оказался не на высоте — командиры силой принуждали бойцов идти на приступ. Во-вторых, бросаясь в атаку по льду реки, отряды врага оказывались на открытом месте под огнем русских пищалей и пушек.

Несколько раз волны королевской армии накатывали на Псков и отступали, выкладывая черный ковер телами убитых и умирающих...

Иван Петрович избирает атакующую тактику. С первого дня осады он постоянно беспокоит польский лагерь дерзкими вылазками, наносит врагу немалый урон, подрывает его волю к победе. По приказу князя Шуйского псковские пушкари изо дня в день обстреливают позиции польской армии, вырывая

солдат и командиров из ее рядов. Утомленный неприятель уже не решается атаковать. Студеными зимними ночами отважные польские, венгерские, немецкие бойцы стучат зубами от ужаса: каждое мгновение у самых окопов может оказаться отряд русских головорезов. Шуйский показал себя как деятельный командир. Он не опускает руки в трудных ситуациях, и он стремится «выжать» все возможности из ситуаций выигрышных.

В условиях русской зимы осаждающие несут новые потери от холода, голода и недостатка фуража. Катастрофически не хватает дров. Секретарь походной канцелярии ксендз Пиотровский оставил в записках о боевых действиях Батория горестное восклицание: «Боже, как жаль тех трудов и денег, которые мы потратили под Псковом!» Наемные отряды бегут от Батория, не получив причитающейся платы.

Наконец король и сам покидает войска, оставив командуящим коронного гетмана Замойского. Ему ничего не остается, как согласиться на мирные переговоры с Иваном Грозным. Положение армии — критическое. Расходы на ее содержание превысили все мыслимые и немыслимые суммы. Ни о каких новых завоеваниях и речи быть не может.

Пока идут переговоры, осадная армия остается под Псковом, пытаясь выморить его голодом. Однако ее собственное состояние не лучше, чем у защитников города. Среди осаждающих обычным явлением становится воровство, то и дело случаются вспышки открытых грабежей. Войска начинают роптать против самовластного Замойского. Коронный гетман пытается восстановить дисциплину драконовскими мерами. Он держит в кандалах королевского придворного, публично позорит тех, кто предается разврату, и даже вешает одного из офицеров. Иначе говоря, стремится остановить моральное разложение армии, закручивая дисциплинарные гайки. Однако повысить ее боеспособность Замойскому не удастся, в лучшем случае — удержать от распада.

Несколько отрядов немецких и венгерских наемников направляются за 50 км от Пскова к Псково-Печерскому монастырю, служившему базой для русских рейдов по тылам противника. Их попытка взять обитель штурмом заканчива-

*Ирина Фёдоровна Годунова.
Реконструированный
скульптурный портрет*

ется тяжелым поражением. Небольшой гарнизон отбивает яростные наскоки противника с большим уроном для атакующих.

Псковичи осмелели. В их глазах великая армия Стефана Батория перестала быть мрачной угрожающей силой. Препятствие сам превратился в зверя, которого следовало травить, пока он не залечил раны и не поднялся с новой яростью. Пиотровский рассказывает о нескольких крупных вылазках осажденных, в том числе и об одной, явно удачной, сделанной в расположение немецких наемников: «Русские ободрились. Сделали вылазку, а всего их было на вылазке около тысячи пехоты и несколько сот конницы. Немцы должны были отступить».

Иван Петрович получил донесения о том, что неприятель ослабел и убавился в численности. Воевода строит смелый план контрудара. До сих пор поляки наступали. Теперь, под Псковом, их прыть исчезла. Пора показать им, какую угрозу для них самих представляет пребывание на чужой земле.

Гейденштейн пишет: «Шуйский, видя огромную силу морозов и получая от перебежчиков известия, что повсюду в лагере распространяются от того лихорадки... стал изыскивать способы, как бы к славе спасения города присоединить еще славу взятия польского лагеря и уничтожения неприятельского войска»³⁵. Воевода готовит масштабную вылазку, в которой должны принять участие лучшие силы гарнизона.

В день вылазки столкновение с отрядами Замойского переходит в большую битву. Неясно, кто одержал в ней победу. Обе стороны приписывают ее себе, и обе понесли значительные потери. «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» сообщает: 4 января большой отряд конных и пеших атаковал поляков, выйдя из Великих ворот. «И в той вылазке более восьмидесяти почтенных и прославленных знаменитых панов убили и много важных языков в город привели. Это была последняя вылазка. Всего же вылазок из города было сорок шесть». Гейденштейн подтверждает факт гибели и пленения нескольких польских, а также венгерских военачальников. Замойский в письме доложил королю о большом успехе, сообщил также о 30 русских пленниках...

Во время переговоров о выдаче псковскому гарнизону тел русских воинов, погибших в том бою, произошла ссора, перешедшая в новую стычку. Это привело ко всеобщему озлоблению.

Под занавес осады польско-литовские войска были измотаны и утрачены упорством русских ратников. На успех штурма у них не оставалось ни малейшей надежды. И даже простое стояние у псковских стен стоило очень дорого. Королевское командование прекрасно понимало: твердость защитников крепости подпитывается высоким боевым духом их командира — князя Шуйского. Поэтому поляки, разозленные последней схваткой, решили погубить его каверзой. Артиллерийский офицер Иван Остромецкий предложил коронному гетману подорвать Ивана Петровича...

9 января 1581 г. из лагеря осаждающих в крепость пришел русский пленник, отпущенный во Псков с большим ларцом. Бог весть, решился ли этот человек на тяжкую измену, или был просто введен в заблуждение. Во всяком случае, «леген-

да» его была такова: среди королевских офицеров сыскался некий дворянин Гонсумеллер, решивший стать перебежчиком. Он и отправил во Псков человека с ларцом, дав ему также грамоту. В пересказе этот текст звучит следующим образом: «Первому государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу, Гансумеллер³⁶ челом бьет. Бывал я у вашего государя с немцем Юрием Фрянбеником³⁷, и ныне вспомнил государя вашего хлеб-соль, и не хочу против него стоять, а хочу выехать на его государево имя. А вперед себя послал с вашим пленным свою казну в том ларце, который он к тебе принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец у того пленного взял и казну мою в том ларце один осмотрел, а иным не давал бы смотреть. А я буду в Пскове в скором времени».

Хитрость была шита белыми нитками. Только ярость отчаяния могла подвигнуть командование осаждающих на такую подлость и в то же время на столь наивную уловку. Посоветовавшись с прочими военачальниками, Иван Петрович решил не открывать ларчик с секретом. Вещицу отнесли подальше от воеводской избы. Там им занялся псковский умелец, отперший ларец со всей осторожностью. О! «Казна» в нем оказалась знатная! Внутри поляки установили двадцать четыре заряженных пистолета³⁸. Их направили во все стороны. Замки пистолетов соединялись ремнем с запором ящичка, а поверх «самопалов» польские хитрецы насыпали с пуд пороха. Если бы воевода неосторожно откинул крышку, то непременно получил бы свинцовый залп и мощный взрыв... Гейденштейн фантазирует, будто бы взрыв все-таки произошел и от него погиб русский воевода князь Андрей Иванович Хворостинин, плюс некто Козецкий (Замыцкий?), а князь Шуйский получил ранение: позднее его не видели на стенах. Русские источники полностью эту выдумку опровергают. Летом 1583 г. мы видим Андрея Хворостинина первым воеводой передового полка на казанских землях. Ему предстояло прожить еще долгий, насыщенный событиями отрезок жизни. Впрочем, существует третья версия этих событий, наиболее достоверная. Ее излагает автор независимого частного летописца, названного историками Пискаревским. Он явно получил сведения от участника псковского «осадного сидения», поскольку передает

бытовые подробности, выдающие слово очевидца. Так вот, по изложению Пискаревского летописца, «адская машинка», попав в руки псковских воевод, вызвала подозрение неким «малым ремешком», привязанным к ларцу. Ремешок порвали, после чего пришлось вызывать мастера-«замочника». А уж тот вскрыл ларец безопасным способом. Там обнаружили «...полно зелия и пицалок маленьких. А тот ремешок приведен к спускам самопальным». Разобранная адская машинка не причинила псковским воеводам никакого вреда.

Русский современник спокойно резюмировал этот эпизод: «Кого Бог хранит, того и вся вселенная не сможет убить, а от кого Бог отвернется, того и вся вселенная не сможет укрыть».

Последние недели осады идут под аккомпанимент донесений с русско-польских переговоров. Боевые действия фактически прекращены, псковские купцы налаживают торговлю, но войско коронного гетмана еще не уходит. И даже представителя царского посольства Петра Пивова, направленного с известиями во Псков, Замойский не пускает через расположение своей армии. Поляки задерживаются до последней возможности, ожидая, как видно, что бдительность русских воевод ослабнет и они все-таки смогут войти в несокрушимую твердыню.

Тщетно.

Наконец автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» может вздохнуть с облегчением: «Месяца февраля в 4 день польский гетман, канцлер, отошел от града Пскова в Литовскую землю со всею силою литовскою. Тогда же в граде Пскове раскрылись затворенные ворота».

Итак, прорыв польской армии в центральные области России не состоялся. Мощное войско короля Стефана Батория обломало зубы о северную русскую твердыню. Переговоры об окончании войны, шедшие в Яме Запольском, окончились десятилетним перемирием. Условия его были тяжелыми для России, но после всех побед, одержанных Стефаном Баторием, Речь Посполитая могла надеяться на большее. Страшное поражение под Псковом остановило неудержимый, казалось бы, порыв поляков на восток. В результате они сами попали в критическое положение. Между тем Московское государство,

измотанное, обескровленное, все еще могло сопротивляться. Стратегический успех, достигнутый князем Иваном Петровичем Шуйским и его соратниками, ободрил Россию, уставшую от известий о неудачах. Поэтому Стефан Баторий вынужден был вернуть многие русские города, захваченные им в 1580—1581 гг., прежде всего — Великие Луки.

Слава отважных псковичей и их воеводы князя Шуйского прокатилась по всей России из конца в конец. Долгие годы люди помнили о том, как под его руководством у стен древнего русского города была сломлена воля великой армии, как гордый король польский со срамом воротился из-под Пскова. Знали о псковском триумфе русских и в Европе. Свидетель обороны Пскова, папский посланник Антонио Поссевино, побывавший в польском лагере и на переговорах в Яме Запольском, впоследствии писал: «Русские при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на место убитых или взорванных действием подкопа и заграждают грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голоду, но не сдаются».

После отступления поляков Иван Петрович остается во Пскове все тем же вторым воеводой. В конце 1583-го или начале 1584 г. его оставляют там уже первым воеводой. В этой должности он встречает новое царствование — Фёдора Ивановича.

Падение

При новом государе судьба Ивана Петровича Шуйского, да и всего семейства Шуйских, резко переменялась.

Первые годы после смерти Ивана IV они по-прежнему в чести.

Историк А.П. Павлов сообщает: «Князья Шуйские благодаря службе в “особом” дворе и военным заслугам сумели к середине 1580-х годов не только сохранить (вернуть) свои родовые вотчины, но и получить суздальские вотчины сородичей, князей Горбатовых (села Горицы и Лопатнички). В 1587 г. в связи с опалой вотчины у Шуйских (кроме Скопиных) были конфискованы. После снятия опалы в начале 90-х годов Шуйским снова возвращаются их владения, хотя... и не в полной мере». В ту пору виднейшим из всего семейства Шуйских был именно князь Иван Петрович. И ему принадлежало крупное

поместье на 2038 четвертей земли у Бежецкого Верха, огромное поместье на 3500 четвертей у села Вача в Муромском уезде³⁹, да еще другие поместья — в Ростовском, Козельском, Московском и Псковском уездах. Таким образом, Иван Петрович был одним из богатейших землевладельцев России.

Князю И.П. Шуйскому уже не приходится командовать армиями и защищать крепости, тратить здоровье и силы в дальних походах. Если в начале царствования Фёдора Ивановича он еще воеводствовал во Пскове, то впоследствии ничего не известно о каких-либо службах боярина за пределами Москвы. Да ведь он уже не молод, силы не те. В отличие от наших дней, в вооруженных силах Московского государства не ставили военачальниками ветхих годами генералов.

Иван Грозный, зная о том, что сын его Фёдор Иванович по умственной конституции мало способен к делам правления, назначил совет из нескольких «опекунов», которые и должны были взять в свои руки государственную власть. Каждый из них достиг высокого положения при Иване Васильевиче, отличался умом и большим авторитетом. Но... поладить им не удалось.

Так вот, Иван Петрович оказался в числе опекунов. Таким образом, он оказался держателем частицы высшей власти в Московском государстве. Что ж, такого возвышения воевода был достоин, и современники это признавали. По мнению британского дипломата Джильса Флетчера, побывавшего на исходе 1580-х гг. в Москве, князя И.П. Шуйского считали человеком «с большими достоинствами и заслугами»⁴⁰.

Очень быстро опекуны и Боярская дума разбились на несколько враждующих лагерей. С одной стороны — хуродные «выдвиженцы» Ивана Грозного. С другой — высшая знать, т.е. прежде всего Шуйские, а с ними князь И.Ф. Мстиславский, князья Воротыньские, старинные семейства московских бояр Головиных и Колычевых. Наконец, самостоятельной силой стал клан, сгруппировавшийся вокруг царской родни — Годуновых и Романовых-Юрьевых. На их стороне оказались также князья Трубецкие и Хворостинины. Схватка за полноту обладания властью при тихом царе Фёдоре Ивановиче разгорелась с первых дней его правления.

Первыми покинули сцену худородные креатуры предыдущего монарха. Иван Петрович принял в их разгроме деятельное участие. Так, он разбирал местнический спор между Романом Алферьевым (из Нащокиных), лидером грозненских выдвиненцев, и Фёдором Лошаковым-Кольчевым, принадлежавшим к партии знати, и отдал предпочтение последнему. Это был тяжелый удар.

Однако победа над фаворитами прежнего царствования быстро сменилась поражением от партии Годуновых. Постепенно партия знати лишается важнейших фигур: они подвергаются ссылкам, опалам, насильственному пострижению в монахи. В 1586 г. Шуйские терпят решительное поражение, попытавшись развести Федорова Ивановича с его женой, Ириной Годуновой, под предлогом бесчадия последней⁴¹. Таким способом Шуйские пытались удалить от престола Годуновых, ближайших родственников царя. Естественно, за неудавшийся дворцовый переворот пришлось платить. Осенью на них возлагается опала. Иван Петрович оказывается в своей вотчине, под наблюдением верных людей Бориса Годунова (среди них и князь Д.И. Хворостинин). Виднейший из Шуйских, таким образом, удален от государственных дел. Но энергичная натура не дает ему смириться с поражением. Он принимается за какие-то странные переговоры со старицей суздальского Покровского монастыря Леонидой — бывшей женой царевича Ивана Ивановича. Москва живо интересуется ими: ведь если расстричь старицу, то она после смерти Федора Ивановича может оказаться реальным претендентом на престол!

В 1588 г. жизнь блистательного полководца и неудачливого политика оборвалась. Сначала его сослали на Белоозеро и там постригли в монахи. Но этого торжествующим Годуновым показалось мало. В ноябре 1588 г. Ивана Петровича убил пристав князь И.С. Туренин, по всей вероятности, имея на этот счет инструкцию от Бориса Годунова. Английский торговый агент в Москве Джером Горсей описал кончину вельможи в трагических тонах: «Шуйский, первый князь царской крови, пользовавшийся большим уважением, властью и силой, был главным соперником [Бориса Годунова] в правительстве, его недовольство и величие пугали. Нашли предлог для его обвинения. Ему объявили царскую опалу и приказали

немедленно выехать из Москвы на покой. Он был захвачен стражей под началом одного полковника, недалеко от Москвы, и удушен в избе дымом от зажженного сырого сена и жнива. Его смерть была всеми оплакана»⁴².

Так завершилась биография еще одного славного «командарма» грозненских времен. Вся придворная партия Шуйских была разогнана, некоторых лишили жизни, кто-то оказался в тюрьме, а кому-то пришлось отведать горький хлеб ссылки. На несколько лет род Шуйских ушел в тень...

Иван Петрович был прежде всего частью большой семьи князей Шуйских. С нею он отстаивал отечество, с нею разделял славу и почести, с нею боролся за власть, с нею интриговал. За политическую интригу в ее пользу он и сошел в могилу. Несчастливый конец Ивана Петровича известен в наши дни одним только специалистам по русской истории XVI столетия. Всё, что касалось узкокорыстных дворцовых устремлений, для памяти потомков умерло. Зато жива до наших дней добрая слава великой псковской победы.

Князю Шуйскому на роду было написано стать «командармом» в беспокойное царствование Ивана Грозного. Само происхождение его возносило воеводу над абсолютным большинством современников и соотечественников. Господь предназначил князя для военной службы. Что оставалось Ивану Петровичу? Только один выбор: стать достойным высокой судьбы, славного рода своего, большой власти, полученной по праву крови, или позволить себе слабость и по слабости провалить великие дела, к которым князь оказался причастен.

Подводя итог под судьбою этого отважного и талантливоего полководца, можно с уверенностью сказать: Шуйский был достоин своего предназначения.

СТОЛП ЦАРСТВА. КНЯЗЬ ИВАН ФЁДОРОВИЧ МСТИСЛАВСКИЙ

Мало кому из русских полководцев XVI столетия так не повезло в памяти грядущих поколений, как И.Ф. Мстиславскому.

Всю жизнь он провел в походах. Война глубоко запустила в него когти. Холодное железо жалило его плоть. До старости Иван Фёдорович не вылезал из большой военной работы. Он был одним из бессменных вождей русской армии, участвовал в самых главных ее битвах, с нею разделял величайшие победы и поражения грозненского царствования. А кто знает о нем? Кто помнит о нем? Только «профи» из академической среды.

Князь Мстиславский оттеснен от славы великих деяний, к которым он имеет самое непосредственное отношение. Отчасти его закрывает от взоров потомков титаническая фигура Ивана Грозного, ходившего в те же походы, что и Мстиславский. Отчасти же дело в том, что для историков XX столетия Иван Федорович был не очень-то удобен. Он аристократ из аристократов. В его фигуре не видно ничего «демократического» — хоть на мизинец. Какую можно увидеть «борьбу дворянства и боярства» на его примере, когда он — первый боярин царства? Ничего, таким образом, «прогрессивного», одно только наследие «удельных порядков»... Не был он опричником и против опричнины тоже, насколько известно, не восставал. Поэтому для буйных поклонников опричнины и для ее фанатичных неприятелей не находится пищи в биографии этого человека.

Кому из публицистов нашего времени есть дело до того, что Иван Фёдорович пролил кровь за отечество? Что он на протяжении нескольких десятилетий был истинным пахарем военной страды, что он без усталости вел плуг больших походов и кровавых сражений, пока старость не выбила его из обоймы военной элиты? Что за все труды воздалось ему нежеланным иночеством?

Князь Мстиславский — достойный человек, с памятью которого судьба распорядилась несправедливо.

Известно, что в преклонном возрасте князь сочинял своего рода «мемуары». Английский торговый представитель Джером Горсей, водивший с ним дружбу, рассказывает, что Мстиславский писал «секретные хроники». Однако тайны рода Мстиславских остались нераскрытыми: до сих пор никто не нашел их семейную летопись.

Гедиминович

Одна из предыдущих глав посвящалась князю Ивану Петровичу Шуйскому, а также отчасти его родне. В ней было показано, сколь высоко стояли Шуйские, сколь много им полагалось по праву рождения. Но по сравнению с Мстиславскими даже Шуйские решительно проигрывали.

При дворе великих князей московских с необыкновенным почтением относились к прямым потомкам Ольгерда, четвертого сына Гедимины. Оба они были великими князьями литовскими, причем в ту пору, когда их держава превосходила и по военной силе, и по территории владения Москвы. Собственно, в XIV — XV столетиях большая часть прежней Киевской Руси находилась в составе Великого княжества Литовского. Не больша́я, а именно бо́льшая. При Дмитрие Донском литовцы приходили под стены Московского Кремля. Еще в середине XV века Вязьма (!) была частью Литовской Руси. И лишь целый каскад победоносных войн, начатых Иваном III Великим и продолженных его сыном Василием III, обрушил литовскую мощь, отдал значительную часть Великого княжества Литовского московским государям. Но Литва при Иване IV все еще была очень сильна. Она оставалась серьезным противником, к которому относились с уважением. Соответственно, потомки Ольгерда, переходившие на службу Москве, — князья Трубецкие, Бельские, Булгаковы-Голицыны — бывали окружены великим почтением. По знатности их ставили выше подавляющего большинства Рюриковичей. В боярских и княжеских списках их писали на первых местах.

Так вот, князья Мстиславские не происходили от Ольгерда. Они происходили от Евнутия — *третьего* сына Гедимины. Их статус оказался *выше*, чем у большинства прочих Гедиминовичей при дворе русских государей.

Предок всего рода, князь Фёдор Михайлович Ижеславский, выехал из Литвы ко двору Василия III летом 1526 г. Земли свои на территории Великого княжества Литовского он потерял. Поскольку его матерью была дочь князя И.Ю. Мстиславского, не имевшего сыновей, князь Фёдор стал именоваться «Мстиславским»⁴³. Выезжему князю государь пожаловал в вотчину город Ярославец с округой, плюс дал «в кормление»

подмосковную Каширу (иными словами, он стал там наместником, а потому «кормился» от разных сборов и податей). Это был весьма щедрый дар. За него Фёдор Михайлович обещал верно служить Василию III, не иметь никаких сношений с Литвой и не помышлять об отъезде к иному государю. Племянница самого великого князя московского вышла за него замуж. Иными словами, князя постарались крепче привязать к Московскому правящему дому. Тем не менее он, мысля в категориях аристократии того времени, видимо, всюду искал более выгодной службы. Подозревали, что он ведет переговоры с польским королем Сигизмундом. Отношение московского правительства к нему утратило теплоту. Князь даже испытал на себе кратковременную опалу. Прощенный, он не смирился и попробовал бежать. В Москве на возможность «переезда» всегда смотрели косо, а за попытку уйти за рубеж наказывали сурово. Поэтому за «рецидив» Фёдору Михайловичу вмазали крепко: он лишился Ярославца и вместо него получил волости поскромнее — Юхоть и Черемху в Ярославском уезде. Кроме того, князь вынужден был подписать еще одну «запись на верность» Василию III — под угрозой церковного проклятия. Впоследствии Фёдор Михайлович, видимо, утихомирился и не делал новых попыток побега. Со второй половины 1520-х до 1539 г. ему постоянно давали важные военные поручения. В частности, князь неоднократно возглавлял московские полки. Ему доставались ключевые посты в обороне южных и восточных границ России от татарских набегов. В 1536 г. князь отбил татарский набег под Муромом. В 1540 г. он скончался.

Князья Мстиславские были в России «своими». Они выехали из Литвы, и в их крови, конечно, была литовская примесь, восходившая к роду державных правителей ВКЛ... Но ее давно разбавила почти до полной прозрачности славянская кровь. К Москве в ту пору выехало с западно-русских земель немало князей. Разница в языке тогда была едва различимой и должна была скоро сгладиться. Родня Мстиславских служила при дворе московских государей еще со времен Ивана III. Веры Мстиславские придерживались православной. Так что от прочей знати Московского государства они отличались, как

ложка клубничного варенья от содержимого банки клубничного варенья, сваренного чуть раньше.

Василий III сохранил некоторое недоверие к Михаилу Фёдоровичу. Поэтому места в Боярской думе князю не досталось. Подобное недоверие не было чем-то необычным. Выходцам из-за рубежа, потомкам удельных князей, а также тем, кто служил при дворах удельных князей, крайне редко в первом же поколении доставалось место в Думе. Оно и понятно: тогда опасались допускать к кормилу высшей власти людей сторонних.

Но для Ивана, единственного сына Фёдора Михайловича, это ограничение уже потеряло силу. Он унаследовал все, кроме одного — недоверия со стороны московских государей.

Молодость

Князь Иван Фёдорович Мстиславский приходился двоюродным племянником Ивану Грозному. Принадлежность к высокому роду, кровь государей, текшая в его сосудах, понимали князя высоко над большинством русских служилых аристократов и бесконечно высоко над многотысячной массой дворянства.

На протяжении долгой жизни своей Иван Фёдорович дважды вступал в брак, и оба раза происхождение невест должно было соответствовать высокому статусу жениха. Иными словами,

Царь Михаил Фёдорович и бояре

он был очень ограничен в выборе суженой... Что поделаешь: положение обязывает! Первой его супругой стала дочь князя А.Б. Горбатого-Шуйского из дома Суздальских князей. Звали ее Ирина, или, как тогда писали, Орина. От нее родился наследник князя и «преемник» его власти и влияния при дворе, Фёдор. Он был лишен честолюбия отца и его способностей. Однако Иван Фёдорович позаботился о том, чтобы сын его не потерпел ущерба в статусе. Первая жена Ивана Фёдоровича была в высшей степени «достойна» его по уровню родовитости: в 1547 г. ее призвали для участия в свадебном празднестве, когда брат царя, князь Юрий, женился на Ульяне Палецкой. Это была большая честь... Иван Фёдорович женился очень рано и прожил с супругою лучшие годы жизни. Она скончалась в 1566 г. После смерти Орины Горбатой князь, еще совсем не старый человек, женился на Анастасии Воротынской, родной племяннице другого знаменитого полководца — кн. М.И. Воротынского. Вторая жена не уступала первой в родовитости. Воротынские вышли из Черниговского княжеского дома и сохранили колоссальный удел, по сравнению с которым даже богатые вотчины Мстиславских выглядели жалкой пустошью. Сестра Анастасии в будущем станет царицей, — когда на русский трон взойдет первый и единственный Шуйский, ее муж, князь Василий Иванович...

По этим бракам — а они не составляли какого-то исключения, — видно: высшая аристократия стремилась сохранить определенную замкнутость, не выпускать власть за пределы узкого круга родов. Иван Фёдорович обязан был блюсти аристократический обычай, хотел он этого или нет.

Очевидно, князь стал поздним ребенком. Дата и год рождения его неизвестны, как впрочем, и у подавляющего большинства русских полководцев XVI столетия. Но кое о чем можно догадаться по косвенным признакам.

Последнее командное назначение он получит в 1580 г. Именно тогда князь выступит в свой последний поход. В дальнейшем он, очевидно, по ветхости лет, уже не мог водить полки, а потому оставался в Москве. Сколько лет ему было тогда? Пятьдесят? Или, может быть, шестьдесят? С точки зрения XVI века — очевидная старость. Военачальник на седьмом

десятке — явный нонсенс... Выходит, Иван Федорович мог родиться где-то между 1520 и 1530 гг. До смерти отца в 1540-м его не видно и не слышно. Нормальное положение — род представлен на государственной службе прежде всего старшим человеком. Но и после того, как скончался отец Ивана Федоровича, на протяжении долгих лет его нет в разрядах. Значит, он не служит. А вот это уже непорядок. Честь рода можно поддерживать только пребыванием на военных и придворных чинах. Если никого из Мстиславских не видно, значит, род теряет влияние, — ситуация крайне неудобная! Ее может объяснить только одним: наследник еще очень юн. Рано мальчику на службу... А значит, он вдоволь накушался горького хлеба безотцовщины. И совсем немногому успел научить его родители в трудной науке войны и управления людьми.

Лишь в 1547 г. Мстиславский в качестве рынды (оруженосца-телохранителя) сопровождает молодого царя в походе под Коломну. Это служба для молодых парней. Известно, как уже говорилось, что к тому времени он был женат. Отсюда можно сделать вывод: Иван Федорович родился в конце 1520-х или в самом начале 1530-х гг. Ивану IV он должен считаться ровесником.

Молодой человек очень хорошей крови сделал фантастическую, головокружительную карьеру. Такая карьера присниться не могла Дмитрию Ивановичу Хворостинину, и даже более высокогородный Шуйский продвигался в чинах куда медленнее.

Юный Мстиславский еще в один поход отправился рындой, а в третьем, под Казань... числится воеводой и боярином. Ему около двадцати лет. В окольных чинах, т.е. ступенькой ниже, князь не бывал, сразу поднявшись к высшему рангу служебной иерархии. И так, ему около двадцати лет, а выше двигаться некуда. Боярином Мстиславского сделали в 1548 или 1549 г.

Более того, в самом начале военной карьеры он оказывается на вершине военной иерархии, а не только думной. В 1549 г. его ставят первым дворовым (или, иначе, «дворцовым») воеводой в походе против казанцев. Иными словами, дали ему под команду «государев полк». Между тем в русской полевой армии того времени *высшими должностями считались именно посты*

первого воеводы большого полка и первого воеводы государева полка.

Первые походы стали для Мстиславского хорошей и, к счастью, относительно безопасной школой. Больших сражений с татарами тогда не произошло. Он постепенно восполняет пробел в знаниях о военном деле, которые не мог получить из-за ранней смерти наилучшего наставника — отца.

Русская военная элита времен царствования Ивана Грозного выросла на войнах с татарами. Боевых столкновений с западными соседями в первую половину правления почти не было. В середине 1530-х отгремела краткая Стародубская война с литовцами, да и всё, пожалуй. А вот угроза нападений со стороны казанцев, крымцев и ногайцев постоянно нависала на южными и восточными границами. Малые набеги в ту пору были частью повседневной жизни русской земли. *Их ждали всегда.* Тело русского государства можно уподобить пистолету, снятому с предохранителя. Оно готово было выстрелить полками на юг или на восток в любой момент. И первые десять лет службы молодого Мстиславского связаны были со степными пространствами, где летом в высоких травах таились банды крымских работорговцев, а зимой, по мерзлой корке застывших рек, бросалась терзать Россию казанская конница.

В 1550 и 1551 гг. он сидел первым воеводой в Туле и Пронске, поджидая неприятеля. В таком ожидании, сменявшимся стремительными бросками и жестокими боями, пройдет большая часть его жизни. Для разнообразия иногда его будут отправлять на Ливонский фронт, но... к нему и отношение у русской аристократии было другое. Ливонскую войну знатнейшие люди России считали чем-то не совсем обязательным. Дворянство искало там добычи, славы, новых поместий с трудолюбивыми местными землепашцами. Знать водила полки, подчиняясь воле царя. Но все-таки в Ливонию очень долго, примерно до времен Батория, больше ходили «погулять». Пограбить, прибрать тамошние городки «на великого государя». До Батория Ливонский фронт играл роль «поля чудес» для русской армии. От боевых действий в тех местах ждали побед и поражений, но все-таки не ждали смертельно

опасной, тяжелой, бесконечно рискованной службы на границе с воинственной степью. Юг всегда был страшнее. Там смертушка то и дело заглядывала в самые очи. Если запад обещал лучшим честь и богатство, то юг для всех без различия был тяжелой работой, необходимой для выживания всего русского народа.

Мстиславский начинал на юге и провел там столько месяцев, что если сложить их — все, на протяжении трех с лишком десятилетий службы, — выйдет целая жизнь. Коротенькая, жизнь юноши, да, но вся до отказа наполненная «смыслом слова приказ» и «назначением границ».

Летом 1552 г. вооруженные силы России собираются на восточном рубеже, чтобы совершить величайший удар по неприятелю. Их ждет Казань.

Казань

Золотая Орда, властители которой когда-то считали Русь своим улусом, в XV веке распалась. На ее месте возникло несколько молодых агрессивных государств. Дугой охватывали русские земли Сибирское ханство, Казанское ханство, владения ногайцев, Астраханское ханство, Крымское ханство... За Крымом с конца столетия стояла могущественная Турция. В следующем веке набеги «скорым изгоном» и большие походы на территорию России стали обычным явлением. Горели города. Десятки и сотни тысяч русских угонялись в полон, а потом шли на невольничьи рынки живым товаром. Словно раскаленные клещи сжимали русские окраины, вырывая куски живой плоти!

Каждый год из Москвы отправляли воевод в район Оки, к Мурому, в Мещёрскую землю — эти места были в ту пору передним краем России. Иной раз их оборона бывала прорвана, и на центральные области Московского государства обрушивались полчища алчных грабителей... Борьба со степной угрозой оказалась главной задачей российского правительства. Постепенно оно укрепляло рубежи страны. Осколки Золотой Орды начали испытывать на себе ответные удары.

Однако бесконечная война на доброй половине российских границ подрывала силу державы и могла в любой момент

закончиться государственной катастрофой. Следовало положить этому конец. На дальних окраинах стали строить малые городки. Деревянные «крепостицы» превращались в опорные пункты для русской армии. Каждый из них приближал московские полки к землям неприятеля.

Ближе всех к Москве и всех опаснее была Казань. Московские государи соперничали с крымскими и астраханскими ханами за право посадить на трон казанский своего ставленника. А когда этой цели не удавалось достичь, в дело шла военная сила. Немало походов совершили на территорию Казанского ханства русские рати. В то же время на восточные области России то и дело обрушивались свирепые волны кочевой стихии, исходящие от Казани...

Довести до Казани большую армию и, главное, дотащить туда тяжелые орудия оказалось исключительно тяжелой задачей. Придя под стены города, войска испытывали нехватку припасов, поэтому не могли надолго задержаться там. А подвоз пороха и продуктов оказывался невозможен из-за осенней и весенней распутицы.

Наконец московское правительство решилось создать новый опорный пункт в непосредственной близости от столицы ханства. В первой половине 1552 г. здесь выросла Свяжская крепость.

Долго готовился большой поход на восточного соседа. В июне 1552 г. основные силы двинулись в направлении Коломны. Дойдя до Коломны, русская армия была остановлена грозным известием. К Туле приступала орда крымского хана Девлет-Гирея. Туда сейчас же отрядили большие силы. Крымцы были настроены решительно: они получили от турецкого султана поддержку в виде отряда янычар, которые считались грозными воинами... Однако от Тулы их с уроном отбили и погнали в степь. Крымский хан Девлет-Гирей потерпел тяжелое поражение и даже вынужден был оставить победителям артиллерию. Поход на Казань продолжался.

Мстиславский со своим полком и полком левой руки должен был первым перейти через Оку и подготовить переправу для огромного полка самого государя. Он с этой задачей справился.

Главные силы двигались через Владимир и Муром к маленькому новорожденному Свяжску. С фланга их прикрывала вторая часть армии, шедшая через рязанские и мещёрские земли. В августе обе рати соединились в Свяжске. Здесь уставшие войска передохнули и получили необходимые для дальнейших действий припасы. Эти припасы прежде доставили по Волге кораблями и сосредоточили на складах... Теперь они понадобились. Таким образом, стратегия медленного продвижения на земли неприятеля путём строительства укрепленных опорных пунктов вновь оправдала себя.

Царские полки переправились через Волгу. Вскоре они были под стенами Казани.

Численность московской армии, собравшейся под Казанью, вызывает споры. Войска были разделены на несколько частей: государев двор (царский полк), большой полк, передовой полк, полк правой руки, полк левой руки, сторожевой полк, яртоул (разведывательно-дозорный отряд) и «наряд» (артиллерия). Все они были неравны по силе: первые — крупнее, последние — меньше. Один из источников указывает: в царском полку и полку правой руки было, соответственно, по 20 000 и 12 000 конников, а пехоты (стрельцов) числилось вдвое меньше. Кроме боевых частей, с армией шла «посоха» — обозники, толпа слабо вооруженных или вообще не вооруженных людей, предназначенных для инженерных работ. Значит, вся армия могла состоять из 100—150 тысяч человек. Но это не слишком надежные сведения: возможно, они сильно преувеличены. Воины, поседевшие на государевой службе, удивлялись мощи царской армии. Такого они никогда раньше не видели! Известно, что в моменты наивысшего напряжения Москва была способна выставить в поле 20—30 тысяч хорошо вооруженных и экипированных дворян или, как тогда говорили, «служилых людей по отечеству», да еще не более 20 тысяч стрельцов. Эти-то 40—60 тысяч и решали дело. Вместе с ними под Казань пришли целые орды «боевых холопов»: их могло собраться вдвое, втрое, а то и вчетверо больше, чем дворян, но выучка и снаряжение у них были намного хуже, чем у их господ. Посоха же сама по себе ничего не стоила как боевая сила.

Численность обороняющихся неизвестна, даже приблизительно.

Казань была окружена мощными дубовыми стенами и глубокими рвами, на стенах стояли многочисленные пушки. Казанский хан Едигер изготовился сражаться насмерть. Большинство казанцев поддерживало его в этом намерении. В тылу осаждающих оставались значительные силы неприятеля. Они базировались на большой «острог», поставленный в труднодоступной местности на Арском поле, и беспокоили русскую армию нападениями из леса.

Иван Федорович в казанском походе числится первым воеводой большого полка. Тысячи людей пребывают у него под его командой. Армию возглавляли четыре полководца, занимавшие высшие посты по боевому расписанию: сам князь Мстиславский, его второй воевода князь Михаил Иванович Воротынский, а также воеводы «дворовые» — князь Владимир Иванович Воротынский и Иван Васильевич Шереметев. Из них состоял «главный штаб» армии. С войсками шел сам царь, и он по идее должен бы считаться главнокомандующим... Но вот незадача: по его собственным воспоминаниям и по свидетельству участника похода, князя Андрея Курбского, царь не был волен решать тактические вопросы. Решали его воеводы, а его порою *принуждали подчиниться против воли и желания.*

Много копий сломано по поводу того, кто именно играл роль ведущей командной силы под Казанью. Иными словами, на кого можно возложить лавры главного из победителей. Долгое время роль разных полководцев в «казанском взятии» застилала титаническая фигура Ивана Грозного. В нем видели основного тактика и стратега. Видимо, напрасно. Дело даже не в том, что под Казанью царю было всего 22 года и он обладал к тому времени незначительным военным опытом. Дело в другом. Как уже говорилось выше, не он играл роль первой скрипки в решении важнейших вопросов.

Но если не Иван IV, тогда — кто?

Одного имени назвать невозможно. Тактически взятие города было коллективным успехом нескольких превосходных военачальников.

Под Казанью собралась блестящая плеяда наших полководцев. Многие были хороши, многие отличились. Основные решения принимала, несомненно, четверка перечисленных выше воевод. Чье мнение было важнее — Ивана Мстиславского или Владимира Воротынского? Трудно сказать. Во всей четверке Мстиславский самый молодой и наименее опытный командир, но по должности — старший. Хотелось бы подчеркнуть: главнокомандующим русскими полками под Казанью формально назначили именно Мстиславского. За его спиной уже стояло несколько походов, т.е. князя даже в те молодые годы неправильно было бы назвать человеком, несведущим в военном деле. Однако для единоличного командования колоссальной армией такого опыта явно не хватало.

Почему же его назначили на столь ответственную должность — хотя бы номинально?

Ответ надо искать в устройстве командного состава русской армии того времени. Армия не стала бы подчиняться незнатному человеку. Или хотя бы недостаточно знатному. Такой вождь принес бы «поруку чести» всем командирам полков, и они дружно били бы челом государю «в отечестве о счете», как тогда именовали местническое разбирательство. Самые решительные могли отказаться от участия в походе, уйти в монастырь и даже предпочесть тюремное заключение проигрышу местнического дела. Ведь аристократическая честь распространялась не на одного человека, а на весь род. Один отступился, проиграл, и его поражение немедленно сказывается на статусе всей родни, вплоть до отдаленных потомков, которым суждено родиться лишь через несколько десятилетий после инцидента. Им придется занимать менее высокие должности, уступать в карьерных достижениях почти равным персонам. А всё почему? Когда-то предок допустил местническую «потерьку»...

Таким образом, предводитель знати, занимавшей главные воеводские посты в действующей армии, должен был превосходить в родовитости всех подчиненных. При этом в лучшем случае он мог помимо хорошей крови обладать и военным дарованием, а в худшем — к нему приставляли талантливую помощника. Или кто-то из младших воевод оказывался постоянным «консультантом» командующего.

Так вот, знатность Ивана Фёдоровича и наличие у него пусть и небольшого, но все же ощутимого боевого опыта делали князя превосходной кандидатурой в командующие.

На страницах летописей помимо князей Ивана Мстиславского и Владимира Воротынского названы имена еще нескольких военачальников, отличившихся в боевых столкновениях с казанцами. Князь Дмитрий Хилков в жестком бою дважды отбивал дерзкие атаки татар. Князя Александр Борисович Горбатый (тесть Мстиславского) и Семен Иванович Микулинский получили приказ разгромить большую татарскую рать, нависавшую над русскими тылами и беспокоившую войско опасными нападениями. Им удалось справиться с этой задачей, взять Арский острог и разорить всю «Арскую сторону», обезопасив тем самым русский тыл. Поэтому их имена чаще всего звучат в литературе, посвященной «Казанскому взятию». В послании ко князю Горбатуму священник Сильвестр, известный современник воеводы, прямо адресовал ему главную заслугу знаменитой победы⁴⁴.

Однако ведущую роль при взятии города сыграли все-таки не Горбатый и не Микулинский. Душой всей опасной работы, связанной с подготовкой штурма и его проведением, стал подчиненный Мстиславского, князь Михаил Воротынский. Его искусство и его мужество сыграли первостепенно важную роль в победе русской армии⁴⁵.

Почему эту роль не удалось сыграть молодому Мстиславскому? Отнюдь не из-за недостатка опыта или каких-то ошибок.

Поход Ивана Грозного на Казань. Июнь — август 1552 г.

В начале осады большой полк разделился на две части — пешую и конную. Пешцы попали под команду к Воротынскому. Их силами к стенам Казани придвигались «туры» (осадные укрепления). Они выдерживали атаки казанцев. Роль Мстиславского была не менее важной. Он начальствовал над конниками и стоял за спиной у отряда Воротынского, охраняя его от возможной вылазки основных сил противника. Русские военачальники предвидели наскок татарской конницы.

Так и произошло.

27 августа за турами встали русские пушки. Началась бомбардировка Казани с близкого расстояния. Из Крымских ворот выехала рать знатного татарина Карамыша-улана. Наперерез бросился Мстиславский со своей частью большого полка и в жестокой сече наголову разгромил казанцев. Их командир попал в плен. За победу пришлось заплатить дорогую цену: Иван Фёдорович получил два ранения от вражеских стрел... В дальнейшем его участие в боевых действиях было ограничено. В строю он остался и даже на следующий день дрался, отбивая неожиданное нападение засадного отряда татар, выскочившего из лесу на русские тылы. Но в штурме князь вряд ли мог участвовать... Его полк выполнял другую задачу. Во время штурма конники Ивана Фёдоровича обеспечивали безопасность от контрударов татар и блокировали пути их возможного бегства из города.

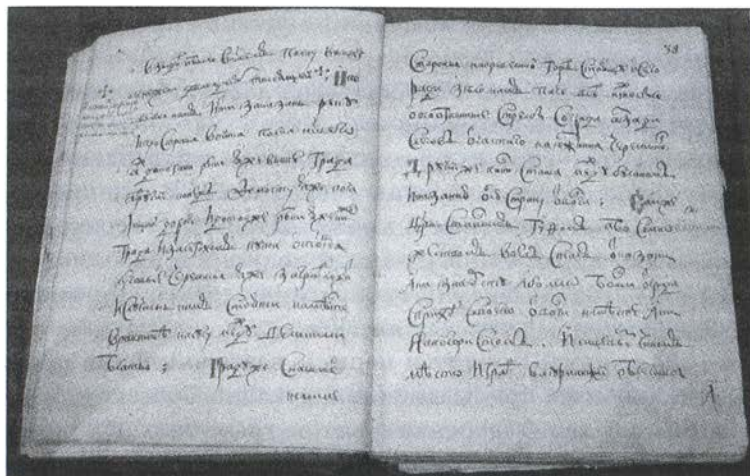
По этим известиям о борьбе за Казань можно сделать вывод: Мстиславский проявил себя в деле отлично. Как минимум ему следовала слава лично храброго человека и надёжного командира.

Казань пала под натиском русских штурмовых отрядов.

Мстиславский получил тогда первый в своей жизни опыт масштабных боевых действий.

Между Казанью и Ливонией

В 50-х гг., до начала Ливонской войны, вооруженные силы России решали две большие задачи. Во-первых, обороняли южную границу — она стала вдвойне опасной, поскольку крымский хан Девлет-Гирей не принял перехода под царскую руку Казани⁴⁶ и постоянно угрожал большим походом в русские земли. Во-вторых, подавляли мятежи «черемисы»,

Глава из сочинения А. Курбского «История о великом князе Московском», 1572 г. Список XVII века

оказавшейся главным мятежным элементом на присоединенных землях Казанского ханства.

В те годы главными русскими полководцами, на плечи которых легло решение этих задач, оказались князья Иван Фёдорович Мстиславский да Иван Дмитриевич Бельский. Их именовали «большими боярами» или «большими воеводами».

Из года в год они возглавляют русские рати на «береговой» службе. Так ее именовали, поскольку главным оборонительным рубежом на пути крымских войск были берега Оки. Здесь и располагались московские полки, поджидая неприятеля. Они стояли, как правило, по линии Калуга — Серпухов — Коломна, иногда выдвигаясь южнее — к Туле, Дедилову, Зарайску или Одоеву. В боярских списках того времени князья Бельские, такие же Гедиминовичи, только на службу Москве перешедшие раньше, стояли чуть выше Мстиславского. Так же и в военной иерархии — когда князь И.Д. Бельский назначался командовать армией, то Иван Фёдорович ставился начальствовать вторым по значению полком. Чаще всего это был полк правой руки, иногда — передовой.

В остальных случаях командовал русской армией именно Мстиславский.

Итак, в 1553 г. Иван Фёдорович возглавляет трехполковую рать под Калугой и Одоевом.

Зимой 1553—1554 гг. он идет с войском в казанские места «на Луговую сторону» против «черемисы». В течение двух недель он проходит огнем и мечом мятежные территории и докладывает царю: «Многих людей поймали и побили».

В 1554 г. Мстиславский вновь отправляется с армией «в казанские места на луговых людей».

В 1554 г. князь числится первым воеводой полка правой руки на Коломне, при главнокомандующем Бельском.

В 1555 г. Иван Фёдорович стоит во главе большой рати на Коломне и под Тулой. Осенью того года он вновь выходит с князем Бельским на линию Калуга — Серпухов. Передовые силы русских тогда сцепились с крымцами и потерпели поражение, но подход основных сил заставил татар отойти.

В 1556 г. боярин управляет армией из Коломны, затем, «по вестям», перемещается к Серпухову и устью Протвы. В войсках появляется сам Иван IV. Хана ждали тогда всерьез. Но он, узнав, что царь стоит со всеми силами под Серпуховом, а по Днепру наступают на Крым его отряды, отменяет решение совершить набег на русские земли и возвращается восвояси. Когда Иван Грозный получил эти добрые новости, он, помолясь «у Николы Зарайского», уезжает в Москву, но оставляет заслон. «Государев полк» сторожит южные границы под командой того же Мстиславского. Осенью 1556 г. небольшие отряды крымцев тревожат наши рубежи. Иван Фёдорович противостоит им, руководя войсками из Калуги. До большого боя тогда дело не дошло...

Затем три года подряд — с 1557 по 1559-й — Мстиславский под командой Бельского весной выходит с войсками на юг, сторожить незваных «гостей».

Легко увидеть, что военные назначения он получает ежегодно. Иногда — по два-три разных за год, а иногда дело ограничивается одним. Так будет на протяжении почти всей биографии полководца, за исключением краткого перерыва в середине 1570-х.

В 1566 или 1567 г. он строит себе резиденцию на месте казачьего поселения в Епифани — мощную деревянную крепость с высокой сторожевой башней и теремами, а также несколько храмов на посаде. Здесь располагается осадный гарнизон численностью более 700 бойцов — пушкарей, стрельцов, пицальников, затинщиков, воротников, плюс значительное количество казаков. Епифань стала одним из сильнейших опорных пунктов оборонительной линии России против Крыма. Здешний острог Мстиславский мог рассматривать как военную базу, занимаясь «командирской работой» на юге страны.

На протяжении всей боевой биографии князь Иван Фёдорович Мстиславский — в воеводских чинах, как командир полков, самостоятельных полевых армий и крепостных гарнизонов — будет «работать» на степном фронте (против Казани, «черемисы», Крыма и ногайцев) около тридцать раз. На Ливонском фронте — примерно в два раза меньше.

Получается, что Мстиславский должен был на коне объездить всю страну из конца в конец многое множество раз. Конечно, в походах человек его уровня питался не мукой и соломиной, как большинство подчиненных, и жил в шатре, а не под войлочным одеялом, но все же... все же... Какой современный генерал может сказать о том, что он принял участие в таком количестве боевых операций? Наверное, тот, кто прошел Русско-японскую войну, Первую мировую, Гражданскую, Финскую, Великую Отечественную и Советско-японскую, мог бы равняться с Иваном Фёдоровичем боевыми заслугами перед отечеством. Да много ли таких военачальников сыщется в истории XX столетия?

Ливонский фронт

В Ливонской войне Иван Федорович также сыграл роль одного из ведущих полководцев. Первые два года войны прошли без его участия. В 1560-м он назначается главнокомандующим русскими силами на Ливонском театре военных действий. Иван Федорович не только сам ходит в походы, но и осуществляет общее руководство действиями многочисленных русских московских отрядов, выполнявших задачи в Ливонии.

Главная его задача — наступление и, особенно, важно, захват неприятельских городов.

Первый опыт борьбы в новой обстановке состоялся зимой 1560 г. В январе князь Мстиславский вышел из Пскова во главе большой рати из пяти полков к Алысту (Мариенбург, он же Алуksне). По дороге он отправил легкий корпус князя Василия Серебряного с наказом громить соседние области. Осадив Алыст, Мстиславский дождался прибытия «наряда» — осадной артиллерии. Вражеская крепость стояла на острове посреди озера. Однако зимой озеро покрылось льдом и не составило преграды для осаждающих. Подведя орудия поближе к стенам под прикрытием «туров», русские открыли огонь и за несколько часов разбили стену до основания. «...немцы с города ся сметали, город сдали», — лаконично говорится в летописи о завершении осады. В Алысте оставлены были наши воеводы со стрелецким отрядом. Тем временем корпус князя Серебряного совершил рейд по ливонским землям и вернулся в расположение армии Мстиславского: «Преж сего те места были не воеваны, а пришли на них безвестно (т.е. внезапно, неожиданно. — Д.В.), и взяша в полон множество людей и всякого имущества и скота и побиа многих»⁴⁷.

Царь отправляет к Ивану Федоровичу гонца с «жалованием» — наградными золотыми монетами для командного состава.

В мае 1560 г. на Ливонском фронте сосредоточилась новая московская армия. Делалась ставка на масштабное наступление, поэтому и силы оказались в подчинении у Мстиславского немалые, в том числе «большой наряд», т.е. мощный артиллерийский парк. На стороне немцев активно выступили Польша и Литва. Положение русских войск осложнилось. Царь стремился добиться решающего успеха, показать, кто в Ливонии настоящий хозяин, потому и привлек к делу опытного полководца. По сведениям князя А. Курбского, участника похода, Мстиславский располагал 30 000 конницы, 10 000 стрельцов и казаков, а также нарядом, включавшим 40 тяжелых орудий⁴⁸.

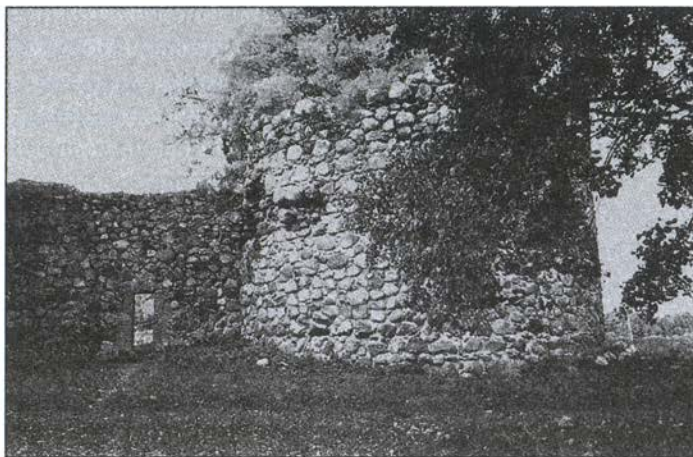
В летописях и разрядах нередко встречается выражение «распустить войну». Оно значит — направить из расположения главных сил легкие отряды для разорения неприятельской

территории. Так поступали татары, русские, литовцы и поляки. Это был общий прием в тактике ведения войн того времени. Мстиславский на собственной шкуре попробовал, как это бывает, когда по южнорусским уездам несутся крымские конники, повсюду «распуская войну». И он, соответственно, применял ту же тактику в Ливонии...

Ядро боевых сил медленно движется к твердыне Ливонского ордена — городу Вильяну (Феллину). Впереди расчищает дорогу авангардный отряд. Псковская летопись так сообщает о его действиях: «Того же лета после Ильина дни пришли воеводы князь Иван Мстиславский, да князь Пётр Шуйской и иные воеводы и шли к Вельяну с нарядом. И послали посылку князя Василия Барбошина к Володимерцу и к иным городом, и пришел на них безвестно на станы Ламошка немецкой (ландмаршал Ф. Белль. — Д.В.)... И Божию помощью великого князя войско немцы побило, а Ламошку поймали, и иных немец многих живых языков взяли»⁴⁹. Пленного ландмаршала впоследствии казнили за нарушение условий перемирия и варварские методы ведения войны, использованные им под Юрьевом.

Корпус князя Барбашина осадил Феллин, блокировал дороги и дождался подхода Мстиславского с тяжелой артиллерией.

Замок в Альсте (Мариенбург, Алуksне)

Отряд немцев попытался преградить дорогу русским войскам, поджигавшим предместья, но потерпел поражение и отступил. После прибытия Мстиславского от удара русских пушек город не могло защитить ничто... Стены Феллина пали. Город выгорел от бомбардировки раскаленными ядрами, и немцам пришлось сдать его. Вся осада продлилась около трех недель.

30 августа Иван Фёдорович мог доложить: Феллин взят, причем в плену оказался старый магистр Ордена В. Фюрстенберг! Его в Москве приняли иначе, нежели Белля, оказав большие почести. Русскому войску досталась богатая добыча, а также 80 тяжелых пушек и 450 малых⁵⁰.

В это время небольшие отдельные корпуса русских и служилых татар действуют по всей Ливонии, нанося поражения последним отрядам ливонских немцев. Война «распущена» Иваном Фёдоровичем на огромном пространстве: по Рижской дороге, в направлении на Колывань (Таллин), под Кесью (Венденом), Перновом и даже у далекого Гапсалья. Летописец кратко сообщает: «Воеваша много Немецкой земли»...

Мстиславский продолжает наступление, начавшееся в высшей степени удачно. Командиры его отрядов берут Тарваст и Рую⁵¹. Ливонцы в ужасе покидают Полчев, отчаявшись защитить его. Город попадает в наши руки.

В дальнейшем от армии Мстиславского потребовали взять Колывань. Сомнительно, что эта задача была выполнимой: после нескольких месяцев непрерывных боев и осад полки вымотались до предела. Но у Ивана IV кружилась голова от успехов... Иван Федорович, реалистически оценивая свои шансы, самовольно останавливает армию у Пайды, далеко не дойдя до Таллина, и отправляет в Таллин грамоту с требованием добровольно перейти под власть царя. Даже эта «сокращенная программа», по словам Ивана Грозного, далась по принуждению, «неволей». Видимо, Мстиславский пытался отговорить царя от продолжения похода. Хорошо представляя себе, что посоха, т.е. пестрый люд, набранный из гражданского населения для помощи в инженерных работах, будет постепенно разбежаться и доставить артиллерию до Таллина окажется слишком сложно, воевода подступает к Пайде с «меньшим нарядом». Но и Пайда располагала мощными укреплениями.

От огня ее защитников погибло много посошных людей, к тому же за шесть недель осады у посохи кончились съестные припасы. Она начала таять, открылось дезертирство... Мстиславский решил не искушать судьбу и отступил от города, с трудом вывезя артиллерию в обстановке осеннего бездорожья. Бог весть, удалось бы спасти тяжелые орудия из-под Таллина: дорога оттуда до русских рубежей вдвое длиннее...

Царь был, разумеется, недоволен этой неудачей. Псковичи, занимавшиеся материальным обеспечением похода, жаловались на чудовищные расходы и обвиняли Мстиславского в том, что он, приступая к Пайде с меньшими силами, действовал «в похвале», т.е. переоценил собственные силы. Но если проанализировать, каким было положение в Ливонии до походов Мстиславского и каким оно стало после них, станет ясно: Иван Фёдорович добился серьезных успехов — взял пять городов, рассеял последние силы ливонцев. Срыв под Пайдой, хотя и остановил наступательный порыв русских, но все же был, на фоне очевидных удач, не столь уж значительным поражением. Мстиславский и его подчиненные обеспечили стратегическое преобладание русских войск в Восточной Ливонии.

Любопытно, что в исторической литературе победы армии князя Мстиславского нередко приписываются Андрею Курбскому. Да, это был смелый и энергичный воевода. Да, его действия в 1560 г. надо оценивать как весьма удачные. Но он в войсках Мстиславского числился командиром одного из полков, не более того. В своей «Истории о великом князе Московском», рассказывая о борьбе за Ливонию, Андрей Михайлович всячески подчеркивал собственные победы, личную отвагу, особое доверие со стороны царя. О прочих же участниках войны князь Курбский упоминал не столь уж часто, если они не принадлежали к кругу его политических единомышленников. Он, по всей видимости, не лгал и не пытался порочить иных воевод, лишь кое в чем преувеличивал свои заслуги, как это случается с большинством мемуаристов. Но сам отбор фактов выдвигал Курбского на роль незаходящей звезды кампании. Вот и создалось у историков, реконструировавших ход боевых действий, впечатление, будто главным лицом был тогда

Курбский, а не Мстиславский. Ведь от Ивана Федоровича, как уже говорилось, мемуаров не осталось...

После Пайды царь не торопится отстранять Мстиславского от командных функций на Ливонском фронте. Видимо, предыдущие победы перевешивали одну последнюю неудачу. Долгое время Иван Федорович провел на должности новгородского наместника, то есть лица, от расторопности которого зависело обеспечение действующих войск на западных рубежах России. Затем князя назначают в Холм, командовать армией, которая играла роль заслона против польско-литовских войск, но при случае могла быть использована и для нового наступления.

Осенью 1562 г. царь ставит Ивана Федоровича начальствовать полком правой руки в огромной армии, отправленной брать Полоцк. Во главе войск стоит сам государь, вторым лицом в русской военной иерархии является все тот же князь И. Д. Бельский, а Мстиславский, следовательно, — на третьем месте. Русская армия действует удачно, город оказывается в ее руках. В этом была заслуга и Мстиславского, как одного из главных военачальников похода.

Князь ненадолго возвращается в Москву с Ливонского театра военных действий, но уже в сентябре 1563 г. вынужден отправиться обратно. У Великих Лук концентрируется новая большая армия. Вероятно, планировалось начать новое большое наступление, и тут опыт Мстиславского, успешно возглавлявшего наступательную операцию 1560 г., мог бы пригодиться. Но эти планы не сбылись. В январе 1564-го другая русская рать, первой выступившая для наступательных действий, потерпела тяжелое поражение. Теперь полки Мстиславского двигать было нельзя. Их срочно усилили, доведя боевой состав с трех до пяти полков. В Вязьме по указанию из Москвы были развернуты резервы, которые возглавил Бельский. И все-таки командование беспокоилось: если поляки продолжат натиск, воодушевленные недавней победой, они могут добиться прорыва во внутренние области России. Из столицы идет наказ: в случае большого наступления противника, как только выяснится участок прорыва, воеводы в Великих Луках, Вязьме, Ржеве должны объединиться для общих действий.

Месяц за месяцем проходят в тревожном ожидании. У Чернигова появляется небольшой литовский отряд, но его разбивают местные воеводы. Нападение на территории, контролируемые нашими войсками в Ливонии, также оканчивается для врага неудачей. 30 апреля 1564 г. на сторону неприятеля переходит князь А.М. Курбский, которому прекрасно известны планы русского командования и расстановка сил на оборонительных рубежах. Вот это по-настоящему опасно... Легкие отряды московских военачальников наносят контрудары в районе Озерица, Мстиславля, Могилева.

Идет нервная, изматывающая война малых сил. Обе стороны не решаются отведать нового генерального сражения в поле. Слишком велика ставка.

Осенью крупные силы противника приходят под Полоцк, но не предпринимают никаких активных действий, уstraшенные новыми укреплениями города. Их срочно воздвигли на месте старых, разбитых московскими пушками в 1563 г. Потоптавшись невдалеке, чужая армия уходит. Год заканчивается ничем. Перевес в силах и стратегическая инициатива Московским государством утрачены. Но и Польско-Литовская держава не сумела сохранить полученное преимущество. Установилось равновесие.

Та же ситуация сохранялась на Западном фронте и в следующем, 1565 г. Лишь по прошествии нескольких лет у Ивана IV вновь появится вкус к масштабным военным затеям на земле Ливонии. Соответственно, и воевода такого ранга, каким обладал Иван Федорович, перестал быть нужен на этом театре военных действий. Теперь ему суждено на протяжении долгого времени отстаивать южные рубежи страны.

Одновременно в его жизни происходит большая перемена. Он оказывается причастен к масштабному политическому перевороту, коснувшемуся всей страны.

Опричные годы

В конце 1564 г. царь покидает в Москву со своею семьей, казной и многими святынями. Его сопровождает немногочисленная свита. Добравшись до Александровской слободы, он отправляет в Москву послание, где говорится следующее:

монарх «оставляет государство» из-за «изменных дел» всего военно-служилого сословия от бояр до приказных людей, которых «покрывают» церковные власти. Вторая грамота была адресована гостям (богачейшим купцам) и всему столичному посаду. В ней объявляется, что на них у царя «гнева... и опалы никоторые нет». Сейчас же возник конфликт: посад во главе с гостями «бил челом» главе Церкви, митрополиту Афанасию, чтобы тот инициировал переговоры с Иваном IV о возвращении на престол, ибо не желают посадские люди быть оставленными «на разхищение волкам». В перспективе между московским дворянством, аристократией, приказным чиновничеством, с одной стороны, и многолюдным богатым посадом могло начаться вооруженное столкновение.

Князь Иван Фёдорович Мстиславский вместе с Бельским, а с ними «бояре и окольные и казначеи и дворяне и приказные люди многие», участвовали в посольстве, которое спешно отправилось в Александровскую слободу, собираясь «...бити челом и плакаться царю... о его царской милости». Или, иными словами, договариваться о возвращении Ивана IV на престол. Требовалось срочно избавиться от конфликта, угрожавшего большими волнениями московского посада. Посольство просило царя, чтобы он «милость свою показал, гнев свой с них сложил». В ответ Иван Васильевич выдвинул требования, которые и стали основой для опричного порядка.

Соглашение состоялось 5 января 1565 г. Часть посольства осталась при государе, другую же часть он отпустил к Москве — во главе с князем Мстиславским. Эти люди получили указание в переходный период, до вступления в силу новых правил, быть «по своим приказам» и «править государство по прежнему обычаю».

Введение опричнины ознаменовалось несколькими казнями и опалами, затронувшими в числе прочих нескольких полководцев. В частности, тогда сложил голову на плахе боярин князь Александр Борисович Горбатый, герой «казанского взятия» и тесть Ивана Фёдоровича. В 1565-м не было волны масштабных репрессий: они начнутся не ранее последних месяцев 1567 г. Опричнина вводилась относительно мирно: пострадал лишь кое-кто из крупных вельмож. Князя Мстислав-

ского эти казни миновали. Напротив, в отношении Ивана Фёдоровича можно твердо сказать, что он сохранил полное и безраздельное доверие государя.

Летопись сохранила до наших дней подробный пересказ того указа, которым вводился опричный порядок. Так вот, «земщину» — ту часть страны, которая не вошла в состав опричнины, — по словам летописи, Иван IV оставил в ведении Боярской думы. При этом были названы две персоны, несущие главную ответственности за все важнейшие дела в земщине. Царь приказал: «Государство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские... ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичу Бельскому, князю Ивану Фёдоровичу Мстиславскому и всем бояром...»⁵² Иными словами, Мстиславский оказался вторым человеком в земщине, т.е. в кругу виднейших политических деятелей Московского государства.

Более того, именно ему в этот смутный момент истории доверили командование ядром боевых сил государства, собравшимся для отражения крымцев. В марте 1565 г., спустя всего месяц с небольшим после введения опричнины, Иван Фёдорович отправляется в Каширу — возглавить полк правой руки в составе оборонительной армии на юге страны. В мае поступает известие о приближении крымского хана с войсками по Муравскому шляху. Из Москвы летит тайная «ропись». Мстиславскому приказано начальствовать над ударным корпусом, который собирались отправить «з берега встречу», т.е. навстречу крымскому хану. В состав корпуса по этой росписи входили три полка, плюс отряды, которые стягивались на подмогу из Рязани, Тулы и Одоева. Поскольку значительные силы крымцев в тот момент все же не появились, план стремительного контрудара остался лишь на бумаге.

Весна и лето прошли без большой военной грозы. Однако скверные отношения с Крымом заставляли предполагать, что дело не ограничится мирным «стоянием» на Оке. Полки находились в состоянии боевой готовности, время от времени происходила перегруппировка сил, поскольку не знали, откуда ждать удара.

Муравский шлях

29 сентября в Москве получили донесение со сторожевых постов в районе Путивля: орда двигается на русские земли и в ее распоряжении есть артиллерийские орудия. Царские полки бросаются на юг — как земские, так и опричные. Крымцы обнаружались у Болхова. 7-го то ли 9 октября татарское войско во главе с самим ханом Девлет-Гиреем осадило Болхов, обстреляло его из орудий, а ночью было атаковано городскими воеводами, устроившими дерзкую вылазку. Осажденные ждали подмоги со стороны «больших государевых воевод» и не ошиблись. В самом скором времени хан узнал о подходе основных сил Бельского и Мстиславского. Он даже не успел «распустить войну» — иными словами, ограбить и спалить окрестности Болхова, свести оттуда рабов. Опасаясь прямого столкновения с большой русской армией, Девлет-Гирей бросил на произвол судьбы отряды, добывавшие корм и фураж, и пустился в бегство. Легкие силы крымцев, оставшиеся от орды, подверглись разгрому.

Таким образом, оборонительная операция закончилась очевидным успехом. Иван IV отправил воеводам, в том числе и Мстиславскому, наградные золотые монеты.

В дальнейшем князь Мстиславский сохраняет благорасположение царя на протяжении почти всего периода опрични-

ны — до 1571 г. Его карьера ни в малой мере не шатается от тех ураганов, которые гнут и ломают русскую служилую знать.

Год спустя после болховской победы Мстиславский командует русской армией «на берегу». А осенью 1567 г. ему дают приказ: перевести крупные силы с юга, из-под Коломны, к Боровску, а оттуда следовать в район Вязьмы. Московские полки перебрасываются в срочном порядке на Западное направление. Сам царь идет туда с большой армией, намереваясь возобновить решительную схватку за Ливонию. Поляки также концентрируют силы для последнего удара...

Но оба похода — как русский, так и польский, — срываются.

Еще летом 1567 г. польско-литовские правительственные круги затеяли тонкую игру. К четырем наиболее влиятельным русским вельможам — И.П. Федорову, а также князьям И.Д. Бельскому, И.Ф. Мстиславскому, М.И. Воротынскому — были отправлены письма, в которых им предлагалось перейти на сторону неприятеля. В обмен на это им предлагалось возведение в статус удельных князей... Расчет польско-литовских политиков строился на том, что в случае удачи кто-нибудь из адресатов изменит Ивану IV, соблазнившись этими посулами, но если даже этого не произойдет, то послания хотя бы подогреют рознь между царем и знатнейшими людьми страны. А там, глядишь, государь российский сам отдаст приказ казнить персону, заподозренную в измене. Так или иначе, урон будет нанесен⁵³.

В ответ польский король Сигизмунд II Август и гетман Григорий Ходкевич получили послания, наполненные едкими остротами. Сходство ответных писем между собой и характерный для Ивана Грозного «кусательный» стиль заставили историков подозревать, что русские ответы написал сам царь от имени бояр или же бояре, но под диктовку Ивана Васильевича. Другая точка зрения состоит в том, что Иван IV дал особую инструкцию дьякам Посольского приказа — дипломатического ведомства России, — как именно следует ответить. Вельможи всего лишь внесли в письма свои поправки, насколько им позволено было сделать это. Отсюда — различия в текстах

(это всё-таки не одно и то же письмо, а послание боярина Фёдорова к тому же резко отличается от остальных трех).

В отношении Мстиславского важно следующее: в письме подчеркивается, что знатность этого человека весьма велика. Он может равняться в ней с самим королем, тоже Гедиминовичем, и даже превосходить его. По праву рождения Мстиславский мог бы сидеть на престоле великих князей литовских. Как и Бельский, кстати говоря... Содержание ответа показывает: Иван IV очень ценил тот факт, что ему служит настолько высокородный человек. Государь сохранял за ним хоть и небольшое, но все-таки настоящее удельное княжество Юхотское и Черемошское. 13 000 четвертей земли — маленькое государство! Более того, примерно в это время Мстиславскому достались также города Венёв и Епифань, впоследствии отобранные из-за опалы, обрушившейся на Ивана Фёдоровича в 70-х. Таким образом, князь был фантастически богат.

Что же касается игры с письмами, направленными русской знати, то оканчилась она большой кровью. История событий 1567 г. темна. Она оставляет для историка вопросы, на которые пока можно ответить лишь предположениями.

Все ли письма были перехвачены? Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю? Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего! Несколько княжеских и боярских родов «обязаны» были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Воронцовы, возможно, Хилковы и Палецкие). Да и те же четыре военачальника, которым были направлены послания поляков, — не возникло ли у них желания, явно «сдав» переписку, в тайне подготовить переворот⁵⁴? Осенью 1567 г. польско-литовская армия во главе с самим королем сосредоточилась в Южной Белоруссии для нанесения контрудара по наступающим русским полкам, но бездействовала. Откуда у поляков появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в нашем лагере, возникшее в результате чаемого переворота, и разбить русскую ударную группировку? Или отбить Полоцк, в котором как раз сидел первым воеводой Иван Петрович Фёдоров⁵⁵?

Князь Владимир Андреевич Старицкий, ближайший родственник царя и один из главных претендентов на престол в случае его смерти, предоставил царю список из 30 знатных людей, склонявшихся к заговору⁵⁶, и, возможно, другие бумаги, способные их скомпрометировать как изменников. Это произошло во время военного похода, организованного осенью 1567 г. Войска собрались в районе Ршанского яма и должны были отправиться под Ригу. Но в ноябре царь отменяет поход и распускает ударную армию. Он знает о сосредоточении вражеских войск намного южнее — при желании поляки могли ударить в тыл наступающей армии Ивана IV и даже отрезать ее от Москвы. Он видит перед собой список людей, если и не вступивших в заговор, то находящихся на полпути к этому. Он знает о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего никаких наступательных действий. Он помнит о письмах с предложениями совершить предательство, полученных виднейшими вельможами... Царь отменяет поход и узнает, что армия Сигизмунда II Августа тоже отходит. Это подтверждает худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения, как только выгодная ситуация «рассосалась». Поведение поляков ясно показало — некое лицо или лица в среде военного руководства дали им повод для подобного рода действий и снабдили сведениями о планах русского командования. Заговор это был, или просто среди наших появился одиночный иуда, сказать невозможно. Но только никто никогда *не собирал армий ради бездействия...*

В результате разразилась настоящая буря. Расследование заговора поставило в центр его одного из крупнейших землевладельцев того времени, видного политического деятеля, боярина Ивана Петровича Фёдорова. Он был приглашен к Ивану IV в палаты и там по велению государя должен был облачиться в царские одежды и сесть в тронное кресло. Иван Васильевич, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получив все, о чем мечтал? А затем воскликнул: «Наслаждайся владычеством, которого жаждал!» Затем Иван IV собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму.

Сигизмунд II Август

«Дело Фёдорова» имело страшные последствия. Сам царь и со свитой и отдельные команды опричников разъезжали по многочисленным владениям Ивана Петровича едва ли не год, и всюду устраивали казни, пожары, разорение. Погибли сотни людей, виновных лишь в том, что они состояли на службе у Федорова. Только по документированным данным число жертв составило 400—500 человек. В связи с «делом Фёдорова» в Москве и «по городам» опричники уничтожили немало высокогородных аристократов, в том числе опытного воеводу князя Фёдора Ивановича Троекурова и боярина князя Андрея Ивановича Катырева-Ростовского, нескольких представителей боярского рода Шеиных, Колычевых и Лыковых. Пострадала верхушка приказного аппарата земщины: полетели головы дьяков и казначеев... Тогда же погиб выдающийся военный инженер Иван Григорьевич Выродков.

С этого момента в опричной политике наступает перелом. Массовые казни становятся обычным делом. Опричнина не является темой этой книги; ее история в данном случае важна

постольку, поскольку она повлияла на военное дело в России и биографии выдающихся русских полководцев. Так вот, за время опричнины репрессии выбили из обоймы вооруженных сил России несколько десятков крупных военачальников⁵⁷.

Как же эта мрачная история задевает князя Мстиславского? Никак.

Он выходит из нее, нимало не пострадав. От краткого ужасного периода, когда в стране бушевал опричный террор, сохранилось любопытное известие одного иноземца. А. Шлихтинг, немец, проживший несколько лет в Московском государстве и повидавший опричину, писал об особом отношении Ивана Грозного к двум виднейшим боярам — князьям И.Д. Бельскому и И.Ф. Мстиславскому: «Если кто обвиняет перед тираном этих двух лиц, Бельского и Мстиславского, или намеревается клеветать на них, то тиран тотчас велит этому человеку замолчать, говоря так: “Я и эти двое составляем три московские столпа. На нас троих стоит вся держава”»⁵⁸.

О полной правоте Шлихтинга свидетельствуют воеводские назначения Ивана Фёдоровича в 1568—1571 гг., т.е. в момент, когда репрессии достигают пика.

Князь по-прежнему, как и до опричнины, ходит на юг либо в чине первого воеводы большого полка, иными словами, главнокомандующего, либо вторым человеком в армии после Ивана Дмитриевича Бельского. Каждый год он на несколько месяцев отправляется в поход — к Коломне, Кашире, Серпухову — по «крымским вестям». В 1569-м крымцы приходили к Новосилю, стояли на посаде, но крепость не взяли. В 1570-м — новое нападение ограниченными силами. В сражении под Зарайском татар обращает в бегство воевода-опричник Хворостинин. До 1571 г. русская оборона на юге стоит нерушимо.

В роковом 71-м всё изменится. Страна содрогнется от боли, а судьба самого Мстиславского пойдет под откос. Но прежде этой роковой даты полководец пережил несколько кровавых лет благополучно, служил честно и не терял благорасположения царя. Чем это можно объяснить? Почему Иван Грозный полагался на верность Мстиславского, нимало не сомневаясь в ней? Редко кто из вельмож того времени удостоивался столь полного доверия. Те же князья Шуйские, например, хотя и

служили на высоких постах, но любви государевой не снискали. А Иван Фёдорович ею пользовался, это очевидно.

В чем тут дело?

Причина кроется в давней истории. Она произошла за два с лишним десятилетия до начала опричнины. Однако в сознании Ивана IV эти события оставили огненный след. Государь не мог их забыть и, вероятно, не забыл до самой смерти.

В марте 1553 г. Иван IV тяжело заболел и готовился к смерти. Он даже написал завещание. Его наследник Дмитрий к тому времени был еще младенцем. Царь беспокоился за его судьбу: кто защитит сына после смерти отца? Дадут ли ему царствовать, или тишком уморят? Или, может быть, приведут на трон кого-то повзрослее, а малютку отправят в изгнание вместе с матерью? Иван Васильевич велел приводить служилых аристократов к крестному целованию на верность малолетнему наследнику. Но тут в людях встал мятеж. Кое-кто честно принял присягу на Дмитриево имя, кто-то не торопился делать это, а некоторые начали интриговать в пользу другого преемника — князя Владимира Андреевича Старицкого. Умиравший царь кричал со смертного одра, призывая сторонников к сплочению, но сам он ничего не мог сделать. Теперь всё решала верность окружающих вельмож. Таким образом, 1553-й год оказался наилучшей проверкой на верность, какую только можно себе представить: каждый проявил свои намерения сполна. Иван IV впоследствии выздоровел и строил отношения с окружающими аристократами, не выпуская из памяти устрашающего «шатания в людях» весной 1553-го. Но для князя Ивана Фёдоровича Мстиславского эта проверка закончилась удачно. Он целовал крест сыну больного государя, Дмитрию Ивановичу, *первым*. А потом безоговорочно поддержал дело царя во время «боярского мятежа». Впоследствии Мстиславский неизменно был верен ему в критических ситуациях, но, надо полагать, то первое испытание играло роль бесценной жемчужины в венце его доброй репутации.

С 1553 г. он входит в «Ближнюю думу» — малый совет при особе монарха, решавший все главнейшие дела в государстве.

Позднее, в опричные годы, Иван Грозный не трогал Мстиславского, поскольку точно знал: этот не предаст. Проверен.

До поры до времени не трогал...

Гроза 1571-го

Беда подкралась к полководцу с другой стороны.

Май 1571 г. С юга приходят дурные вести: крымский хан Девлет-Гирей «в силе тяжкой» двигается к переправам через Оку, жжет тульские посады. А русская армия готовится к отпору, пребывая в раздробленном состоянии. Значительная часть русских войск занята была в Ливонии, да и поределли полки Ивана IV после многолетней войны на два фронта. Командование вооруженными силами Московского государства децентрализовано: отдельные воеводы у опричного боевого корпуса, отдельные — у войск земщины. К тому же Московское государство ослаблено: страну терзает моровое поветрие, два года засухи привели к массовому голоду. Людей, которых можно поставить в строй, катастрофически не хватает...

Князь Мстиславский отправляется на юг в привычной должности первого воеводы полка правой руки при главнокомандующем — И.Д. Бельском. Армия расходится по позициям, ожидая, на каком направлении появится крымцы, чтобы броситься туда всей мощью.

Девлет-Гирей прорвался через переправы с крупными силами: «с двумя царевичи и со всеми своими орды, и качевными татараы, и с ногаи... и с азовскими, и з белгородцкими, и с турскими людьми». Ему помогли в этом наши изменники, в частности некий Кудеяр Тишенков. С русской стороны к татарам перебегают дети боярские, напуганные размахом опричных репрессий. И один из перебежчиков показывает крымцам дорогу в обход оборонительных позиций русской армии, а другой сообщает, сколь малы силы, противостоящие хану. Девлет-Гирей переходит Оку вброд и, сбивая наши заслоны, стремительно движется к Москве. Опричным отрядам не удается затормозить его наступление. Сторожевая и караульная служба в русских войсках оставляет желать лучшего, координация действий земской и опричной половин армии затруднена.

Татары оказываются на фланге, а потом и в тылу московских полков. Поэтому вместо сражения с крымцами происходит быстрое отступление к столице.

Царь с частью опричного корпуса бежит к Москве, оттуда к Александровой слободе, а из слободы — аж в Ростов. В ту несчастную весну все идет неудачно, все не работает, все происходит не по плану.

В отсутствие опричного корпуса земские воеводы попытались организовать оборону столицы. Им удалось собрать полки под Москвой незадолго до подхода Девлет-Гирея. Во главе земской рати стояли опытные и храбрые военачальники: князь Иван Дмитриевич Бельский (старший из воевод), князь Иван Фёдорович Мстиславский и князь Михаил Иванович Воротынский. Остатками опричного корпуса под Москвой руководил второй воевода передового полка князь Василий Иванович Темкин. Казалось, положение города небезнадежно. Бельский контратаковал татар и, видимо, добился успеха: по данным летописи, он «...выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за болото и дело с ними делал»⁵⁹, а по другим источникам, даже «забил» крымцев «за болото, за луг». Как видно, земская рать изготавилась драться до последнего. Вот уж, воистину, «отступать некуда, позади — Москва!»

Земские полки стояли в Замоскворечье, широким полукругом от Якиманки до Таганки и Крутиц. Опричники встали севернее, за Неглинной. Острые татарских атак приходилось на полки Бельского и Мстиславского.

К сожалению, во время контратаки на татарское войско главнокомандующий князь Бельский получил ранение. Он был отвезен на свой двор. Его отсутствие, по мнению Р.Г. Скрынникова, внесло известную дезорганизацию в действия обороняющихся⁶⁰.

Не сумев прорваться к центру города, Девлет-Гирей зажег предместья. Ветер быстро разнес пламя; Москва горела всего три или четыре часа, но выгорела дотла, «не осталось ни единые храмины», и даже стены оказались разрушены от чудовищного взрыва пороховых погребов. Армии некуда было спастись из огня, и она погибла вместе с городом, погибла сражаясь. От пожарного зноя умер боярин М.И. Вороной, был

зарезан в давке князь Никита Петрович Шуйский. Главкомандующего пожар застал на его дворе. Его попытались спасти от огня в погребке. Там он вместе с родней принял страшную смерть от нестерпимого жара...

На нем извелся и весь род князей Бельских.

Это был храбрый человек и хороший полководец. Бельский командовал нашими армиями с середины 1550-х гг. Иван Дмитриевич вместе с Иваном IV брал Полоцк. Князь был во главе русской армии и под Болховом... Что ж, как говорится в одном старом советском фильме, он сделал лучшую для военного карьеру — погиб за отечество.

Девлет-Гирей, ограбив южные посады столицы и подмосковные села, устремился назад. Перед ним простирались беззащитные приокские уезды, невиданно обогатившие захватчиков. Русскую столицу он не взял. Но после его прихода там уже нечего было брать.

Полки Бельского и Мстиславского оказались прижаты стеной пожара к Москве-реке, но Иван Федорович чудом уцелел. Он был настолько потрясен произошедшим, что в течение десяти дней не понимал, как ему доложить царю о страшной катастрофе. Трупы, заполнившие улицы Москвы, оставались непогребенными: никто не отдал приказа, чтобы об их захоронении позаботились... А может быть, воевода пострадал от ожогов и отлеживался, восстанавливая силы. Его имени нет в списке командного состава небольшого живого заслона, который выставили после ухода Девлет-Гирея, — хотя Мстиславский, оставшийся за старшего после кончины Бельского, обязан был его возглавить.

Разгром столицы поставил Ивана IV в крайне неудобное положение. Он видел вину опричных командиров, и на них в самом скором времени посыпались суровые наказания. Несколько человек расстались с жизнью. Вера в боевые возможности отборного опричного корпуса упала в глазах царя, и с этого момента начинается постепенный демонтаж военной машины опричнины. Но... было бы очень неудобно показать подданным, что в поражении виновны только опричники. Требовалось отыскать также персон из земщины, которые могли бы разделить вину с опричными воеводами.

Кого же?

Князь Бельский мертв, и он сражался до конца. Наверное, фраза, столь часто звучавшая в годы Великой Отечественной войны, может быть сказана и о нем: «Погиб смертью храбрых». Возводить какие-то обвинения против него было бы глупо, да и бессмысленно.

Следующим по старшинству военачальником в земской армии числился князь Мстиславский. Вот ему-то и пришлось отвечать за «измену».

Действительно, измена в событиях 1571 г. видна, тут не о чем спорить. Другое дело, каким боком мог оказаться причастным к ней Иван Фёдорович? Зачем ему, одному из «столпов царства», неприкасаемому даже в худший период опричнины, ввязываться в такую авантюру? Но политическая ситуация требовала высокопоставленной жертвы в земщине. Князь Мстиславский оказался в неудачное время в неудачном месте, и ему пришлось сыграть роль жертвы. Ивана Федоровича взяли под стражу.

Историк Р.Г. Скрынников восстановил картину фальсифицированного судебного разбирательства по «делу» Мстиславского: «Его оговорил служилый татарин, именуемый в источниках “Барымским царевичем”. Сын знатного крымского саяновника “мурза Абысланов сын Барымского” участвовал в набеге на Донков в 1568 г. и тогда же отъехал на царскую службу. В дни, когда татары шли к Москве, царевич пытался перебежать к единоплеменникам, но был пойман и допрошен под пыткой. Стараясь смягчить свою вину, он заявил, что действовал по приказу... князя И.Ф. Мстиславского и члена опричной думы кравчего Ф.И. Салтыкова... Мстиславского судили не как военачальника, понесшего поражение, а как заговорщика и государственного преступника. Обвинения, предъявленные земскому боярину, были более чем двусмысленными. Царь был уверен, что именно земские бояре руками Кудеяра Тишенкова “навели” татар на Москву... По словам Барымского царевича, Иван Мстиславский и Фёдор Салтыков послали его в поле к хану уже после сожжения Москвы с наказом, чтобы “царь” (Девлет-Гирей) воротился к Москве, и Москва будет его”. После успешного набег хан, следуя вековой традиции, стреми-

тельно отступил в Крым, а бояре якобы предлагали ему засесть в сожженной Москве. Обвинение явно неправдоподобное...»⁶¹

Воеводу заставили подписать признание в том, что он «навел» крымчаков на русскую столицу. Более того, князя обязали публично обещать «не соблазняться» в вере «...и к иной вере не приставати». Как будто судили отступника от православия!

Летом того же года с двух бояр и одного окольного царь взял «поручную запись» на кн. И.Ф. Мстиславского. «За порукой» этих людей князь давал обязательство не перебегать к турецкому султану, в Крым или же в Литву, не «наводить» на государя и его детей вражеские войска, не заводить тайных сношений с неприятелем, чтобы навредить собственному монарху. Если бы он нарушил условия поручной записи, то поручители оказывались должны Ивану IV 20 000 рублей — фантастическую сумму, стоимость небольшого города с прилегающими землями⁶²!

И, наконец, самое неприятное. В 1572 г., когда Девлет-Гирей вновь рвался к Москве, а русское войско выбивало из него спесь у Молодей, воеводские назначения получили многие из тех, кто командовал полками в злосчастной битве за Москву. Они получили шанс «реабилитировать» себя. А вот Мстиславскому такого шанса царь не дал...

Величайший вельможа царства должен быть набрать полные легкие смирения и жить, склонив голову, низко опустив взгляд. Его срамили, его лишали доброго имени, его выставляли в качестве горчайшего предателя и чуть ли не отщепенца, покинувшего христианскую веру. Только одно поддерживало тогда Ивана Фёдоровича. Те, кто дрался вместе с ним за Москву, знали правду о его полной невинности. Среди поручителей оказался тот же князь Дмитрий Хворостинин, участвовавший в обороне Москвы и отлично знавший цену своим коллегам-военачальникам.

Царь не имел информации об измене Мстиславского. Если бы Иван IV действительно допускал измену, вряд ли прежние заслуги, родство с самим государем и древняя кровь Гединовичей спасли бы князя от казни. В ту пору люди расставались с жизнью по причинам намного менее серьезным... А Мстиславский не только не пошел на плаху, но еще и сохранил

положение главы Боярской думы в земщине. Мало того, через несколько месяцев после судебного разбирательства он отправился наместничать в Новгород Великий⁶³.

Отсюда можно сделать вывод: царю требовался громкий «политический процесс», а не подлинное расследование. Никакие подозрения в предательстве Мстиславского государя не посещали. Однако царь был недоволен Иваном Фёдоровичем, и его недовольство не носило одного лишь формального характера. Князь оказался среди тех, кто проиграл большую битву. Есть ли в том его вина, или ее несут иные командиры, да и сам царь, — трудно сказать. Иван Федорович заменил Бельского на посту главнокомандующего слишком поздно, когда спасти что-либо было уже крайне трудно. Однако в вину ему могли поставить то, что царь очень долго не получал вестей из спаленной столицы и даже не знал, какова судьба оборонительной операции у ее стен. К тому же Мстиславский не позаботился о расчистке города от мертвецов. Бог весть, был ли он тогда в состоянии заботиться о чем-либо, увидев, как сгорел его полк и, быть может, лично пострадал от лютого пламени...

В любом случае, кроме театрализованного представления вокруг имени князя Мстиславского, на него обрушились наказания реальные и очень болезненные.

Иван Фёдорович лишился значительной части земельных владений.

Следы опалы на Ивана Фёдоровича видны до конца 1572 г. Иными словами, около полутора лет его держат в черном теле. Это значит: одного из знатнейших людей царства ставят на весьма низкие должности. Воевода сторожевого полка! Кто считал бы такой пост пределом мечтаний. Но для высокородного Гедиминовича, водившего целые армии, подобная должность означала позор и унижение. Пользуясь терминологией советского времени, «командарма» перевели в «комбриги». Как минимум дважды князь отпил из этой чаши. По праву рождения Иван Фёдорович избавлен был от необходимости постоянно вести местнические споры. Его статус не сопоставим со статусом тех же Хворостининых, для которых возвышение без постоянной местнической борьбы вообще не представлялось возможным. Мстиславские стояли так высоко в

иерархии служилой знати, что мало кто посмел бы с ними тягаться. Однако и они не были исключены из общей системы местнических счетов. Государева опала означала для рода серьезную «потерьку», как говорили в те времена. А «потерька» могла наихудшим образом сказаться на судьбе потомков.

Иван Фёдорович снес опалу и все принесенные ею несчастья безропотно. От Ивана Грозного бегали за рубеж многие служилые аристократы. Кому-то затея удалась, кого-то задержали, и Мстиславский занимался в свое время расследованием «дела» подобных беглецов... Относительно самого Ивана Федоровича в источниках нет даже малейшего намека на подобные намерения.

Снова в Ливонии

Доверие Ивана IV вернулось к «командарму» лишь ко времени удачного похода в Ливонию зимы 1572—1573 гг. Государь мечтал о новом решительном ударе, способном вернуть России преимущество на Ливонском театре военных действий. Потребовались опытные полководцы, знающие этот фронт.

И вот супруга (вторая) Ивана Фёдоровича приглашается на свадебное торжество короля Магнуса Ливонского и кн. Марии Владимировны Старицкой. Через жену, косвенно, честь оказывается и самому Мстиславскому. А потом его берут в поход на более высокую должность.

В январе 1573-го русские войска взяли Пайду. Тогда Мстиславский возглавлял полк правой руки, считавшийся «честью выше» сторожевого.

После взятия Пайды открылась прямая дорога на Колывань (Таллин) и другие города к западу — северо-западу. Царь отправляет большую шестиполковую армию, назначив ее главнокомандующим служилого татарского «царя» Саинбулата Бекбулатовича, а вместе с ним Ивана Фёдоровича. Иван IV, да и сам князь Мстиславский, по всей видимости, надеялись повторить успех 1560 г.

Но вышло иначе.

Армия Саинбулата Бекбулатовича и Мстиславского потерпела поражение под Коловерью (Люде). Очевидно, бой был

Симеон Бекбулатович

жестоким. Сам князь получил новое ранение, ранили также второго воеводу большого полка М.Я. Морозова, а воевода полка правой руки князь Иван Андреевич Шуйский и двое Василиев из боярского рода Салтыковых были убиты. «...Дворян, и детей боярских, и стрельцов многих побили», — лаконично сообщает документ того времени. Неудача объясняется изменой князя А.С. Черкасского, открыто перешедшего во время боя на сторону врага. Этот шаг может объясняться желанием отомстить за родню, пострадавшую ранее от тяжелой руки Ивана Грозного. Кроме того, часть сил была отправлена Мстиславским на разорение соседних областей. Этих-то отрядов, быть может, и не хватило для победы. По сообщению иностранных

источников, русская армия имела значительное численное превосходство, но все равно проиграла...⁶⁴

Несмотря на неудачу под Коловерью, армия сохранила боеспособность. «Утешительным призом» стало взятие мызы Ропы. Это, конечно, не Феллин и не Алыст, но все же поход выглядит не столь плачевно, если учесть частный успех у Ропы.

Может быть, он объясняет отсутствие новой опалы в отношении Мстиславского. Уже в сентябре того года его отправляют первым воеводой в Муром, для подготовки похода против забунтовавшей «черемисы луговой и нагорной». Похода не было: под угрозой русского наступления мятежники сдались на милость Ивана IV. В Муроме приводил их к присяге И.Ф. Мстиславский. Его «черемиса» знала и побаивалась, помня карательную экспедицию 1554 г.

На следующий год «дело» об «измене» князя Мстиславского получило неожиданное продолжение. В январе на Русь вернулось из Крыма несколько пленников. Афанасий Нагой,

долгое время исполнявший обязанности московского посла в Крыму и пребывавший в большом доверии у государя, указал: кое-кто из них связан службой с князем Иваном Фёдоровичем Мстиславским. Расследование вышло на некоего Ермолку, когда-то служившего Мстиславскому казачьим сотником на Епифани. Царь отдал приказ: «Розспросить подлинно и пыткой пытаться, были они в Крыму, и князь Иван Мстиславский или иной кто в Крым х тому о каких делах с ними приказывал ли? И ссылки чьи с Москвы в Крым и из Крыму к Москве ведают ли?»

Иван Грозный лично явился на пыточный двор, интересуясь ходом допроса. Несчастный пленник, едва спасшийся от крымской неволи, отвечал: «Был есми в Крыму в полону, страдал за Бога, да за тебя, государя. А того в Крыму не слышал же, от кого с Москвы в Крым ко «царю» (Девлет-Гирею. — Д.В.) и к мурзам... ссылка и о чем кто с Москвы в Крым и кем ссылаецца и на кого “царь” надеялся ходить на твои государевы украинны. А что бы ведал, и яз бы от тебя, государя, не утаил».

Ермолку принялись «пытати, огнем жечи». Он взмолился о пощаде и сказал то, чего от него добивались. Дескать, бояре тебе изменяют, крымский хан часто пользуется информацией из Москвы и приходит на государевы «украины». А вот имен тех бояр Ермолка не знал. Выходит, измена получалась какая-то безымянная... Ему «помогли», назвав дюжину аристократических семейств и отдельных представителей служилой знати. Любопытно, что в этом реестре прозвучало, среди прочих, имя Мстиславского. Как же так? Ведь он — «патентованный» предатель, сам сознался, осужден и прощен! К чему теперь выяснять — изменял или нет? И без того ведь всё ясно! Выходит, факт «измены» 1571 г. для царя просто не существовал, и для него никакой «ясности» в отношении «предательства» Ивана Фёдоровича не было.

Ермолка между тем, «получив подсказку», назвал изменниками двух Шереметевых — Ивана да Фёдора. Сношения Мстиславского со злейшим врагом России Ермолка отрицал. Впрочем, следующая пытка огнем уговорила бывшего сотника сказать «правду». Да! И Мстиславский изменял! И еще Воротынский изменял! Вот тут уже пошел «перебор». Хитро,

надо полагать, «изменял» Воротынский, наголову разбивший крымцев в 1572 г. у Молодей⁶⁵!

Не рыл ли он подкоп из Москвы напрямую в Крым?

Пыткой выбив показания из бывших пленников, царь тем не менее ничего не предпринял для наказания злостных предателей, в частности князя Мстиславского. Иными словами, как бы «простил» его, покрыл измену «милостью». Иван Фёдорович сохранил не только жизнь, честь, имущество, но еще и статус первого из бояр в думе.

Вот так «измена»...

Мало того! Положение Ивана Фёдоровича даже укрепляется. В 1575 г. Иван Грозный сажает на свой престол служилого татарского «царя» Симеона Бекбулатовича, и ему оказываются невиданные почести. А Симеон Бекбулатович был женат на дочери князя Мстиславского Анастасии. Номинально правил Симеон Бекбулатович, от его имени составлялись жалованные грамоты и указы, в то время как истинный государь отправлял на имя «великого князя московского» челобитные, написанные в юродском стиле и содержащие пожелания-инструкции. Соловецкий летописец дает краткое описание того странного времени: «Государь царь на Московское великое княженство на государьство посадил великого князя Симеона Бекбулатовича, а сам государь пошел “на берег” на службу и стоял все лето в Колуги. А был на великом княжении год неполон. И после того пожаловал его царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси на великое княжение на Тверь, а сам государь опять сел на царство на Московское»⁶⁶. Реальной власти у Симеона Бекбулатовича было совсем немного, монеты с его именем не выпускались, иностранные дипломаты не вели с ним переговоров, в разряды его имя не вошло, сокровищница и царские инсигнии оставались под контролем Ивана IV. Историки выдвинули множество версий, чтобы объяснить столь странный шаг московского государя. В настоящее время наиболее вероятной считается (и вполне справедливо) та, которая опирается на фразу Пискаревского летописца о неких «волхвах» (астрологах), предсказавших на тот год кончину «московскому царю». И впрямь, настоящий царь... взял отпуск.

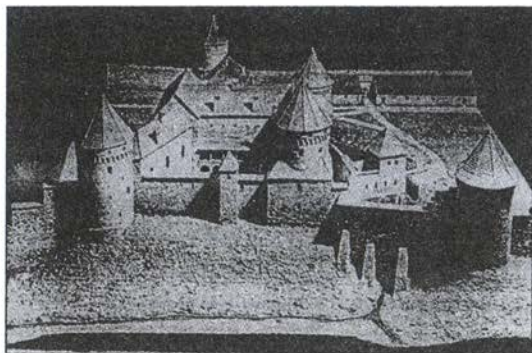
Но даже если учесть формальный характер правления Симеона Бекбулатовича, все равно, около года кн. Анастасия Мстиславская пользовалась положением русской царицы, а это великая честь всему роду.

Единственным обстоятельством, косвенно свидетельствующим о какой-то осторожности, возникшей в отношении Ивана IV к воеводе, является то, что в 1574—1575 гг. воинские разряды не содержат имени Мстиславского на каких-либо командирских постах⁶⁷. Именно тогда ему на двор подкинули отрубленную голову одного из думных людей, казненных по другому «изменному делу». Эта акция не была «прицельным выстрелом» — головы побросали на дворы многим знатным людям, используя их как инструмент «вежливого предостережения»... на всякий случай.

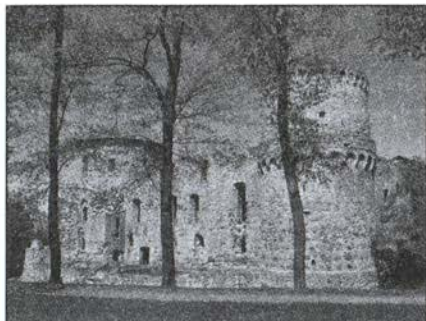
Но уже в 1576 г. Иван Фёдорович вновь в армии.

После гибели князя Ивана Дмитриевича Бельского он автоматически стал самым знатным человеком в военной иерархии Московского государства. А значит, первым. Взошел на самую вершину, выше в России просто некуда. Поэтому его из года в год разряжают на «береговую службу» — сторожить и отбивать набеги крымцев.

В апреле 1576 г. князь Мстиславский отправляется в Серпухов как первый воевода большого полка и более никогда не занимает менее высоких постов. Он исполнял обязанности главнокомандующего сил обороны на юге Московского

Кесь (Цесис). Макет крепости

Цесис. Современная фотография

государства бесменно с 1576-го по 1580 г., пять лет. Татары то враждуют с Польско-Литовским государством, то мирятся, и тогда вновь открывается угроза их набегов на русские земли. Порой Ивану Фёдоровичу приходится задержаться на много месяцев при полках у побережья Оки, а иногда — погоняться за стремительными отрядами захватчиков. Базируется он чаще всего на Серпухов.

Русская оборона при Мстиславском стоит прочно. Никаких катастрофических прорывов, вроде событий 1571 г., не происходит. Каждую весну Иван Фёдорович выходит с полками на юг, ждет неприятеля, а если придется, то и отражает его. Лишь в апреле 1580 г. на этом посту сменил его сын, князь Федор Иванович Мстиславский, унаследовавший знатность отца и его высокое положение, но, к сожалению, не его воинские способности...

Но главным в конце 70-х гг. становится Ливонский фронт. И он не отпускает старого полководца.

С именем князя Мстиславского связана загадка, основанная на путанице в разрядных документах. Официальные источники грозненской эпохи сообщают, что Иван Фёдорович во второй половине 70-х гг. совершил два похода к городу Кесь (Цесис, он же Венден). Вообще, Кесь стала камнем преткновения для русской армии. Борьба за этот город привела к большим жертвам с обеих сторон. Она впервые показала признаки тяжелого кризиса, охватившего Московское царство в целом и его военную машину в частности. Она выявила устойчивое нежелание самих ливонцев оставаться под властью Ивана IV: в конце 50-х — начале 60-х гг., когда Ливонская война только началась, отношение к России было не столь непримиримым.

Итак, в разрядах пишут, что в конце 1576-го или в первой половине 1577 г. Иван Фёдорович ходил с войском из пяти пол-

ков и мощной артиллерией под Кесь и город взял. Но рядом стоит приписка, общий смысл которой таков: составитель разряда не уверен, точно ли он передает ход событий, поскольку в следующем году тот же Мстиславский, по его сведениям, совершил новый поход туда же, но на этот раз неудачно. Более того, воеводы в полках перечислены ровно те же.

Так сколько было на самом деле походов? Попробуем разобратся.

Летом 1577 г. по Южной Ливонии прошел с огромной армией сам царь. Тогда ему покорилось множество городов. До начала похода он обещал Кесь своему союзнику королю Магнусу — марионеточному правителю части ливонских земель. Была ли она тогда под контролем русских войск? Непонятно. Ведь Магнус вошел со своими отрядами в Кесь лишь тогда, когда грозненский поход уже был в разгаре (август 1577-го). Ливонцы, предпочитавшие жить под властью Магнуса, более мягкого монарха, чем Иван Грозный, не только впустили его в город, но и добровольно провозгласили своим правителем⁶⁸. Значит, еще до начала похода наша армия потеряла Кесь. Но когда? В источниках ничего об этом не говорится. В результате конфликта между Магнусом и русским государем Кесь перешла под контроль русской армии. Когда поход завершился, наше командование оставило там небольшой гарнизон. А спустя несколько месяцев, зимой, неприятель вновь захватил город — хитростью, с помощью самих ливонцев.

Поскольку Кесь считалась стратегически важным пунктом, ее постарались как можно быстрее вернуть. В феврале 1578 г. у ее стен побывал князь Мстиславский. Он осаждал город четыре недели и сделал большой пролом в стене. Но взять Кесь не удалось, поскольку гарнизон получил помощь от поляков. Другие источники подтверждают, что февральский поход действительно был и ситуация при осаде Кеси была именно такова. Тут — никаких сомнений. Обстановка в Ливонии тогда складывалась наихудшим образом для русских. Наши гарнизоны, незначительные по численности, не могли удержать недавние завоевания. Город за городом переходил к противнику. Составитель разрядной записи еще с удовлетворением пи-

шет об удачном возвращении армии Мстиславского на исходный рубеж: в столь враждебном окружении Иван Фёдорович рисковал не только судьбой Кеси, но и судьбой своих полков...

Осенью 1578 г. новая осадная армия вновь не выполнит боевую задачу под Кесью. Более того, русские полки подвергнутся полному разгрому. Он станет межевым камнем, отделившим последнюю полосу удач России в Ливонии от полосы тяжких потерь. Страна уже не могла наступать. Мало того, она оказалась измотанной до такой степени, что и оборону способна была держать с большим трудом.

Возвращаясь к первому выходу Мстиславского под Кесь, остается сказать следующее: во-первых, нет уверенности в том, что этот поход все-таки состоялся; во-вторых, февральский поход 1578 г. точно был; в-третьих, если все-таки в конце 1576 или начале 1577 г. Иван Фёдорович взял Кесь, то русские продержались там всего несколько месяцев, затем туда вошел Магнус, а после него — опять русский отряд. Впрочем, даже после триумфальных завоеваний самого царя гарнизоны, разбросанные по всей Ливонии, продержались не дольше того. Борьба за Кесь оказалась обреченной на неудачу в силу генерального истощения России, уже не имевшей военного потенциала, достаточного для удержания новых земель.

В течение всего 1579 и 1580 г. вооруженные силы России готовились то к масштабному контрнаступлению, то к большой оборонительной операции. Но ничего подобного не происходило. Лишь время от времени Московское государство огрызалось короткими контрударами. Сил катастрофически не хватало. С запада наступал Баторий, с севера — шведы, в Ливонии поддержку им оказывало местное население.

Мстиславский трижды выходил с полками к передовому рубежу, но не получал распоряжения наступать. Последний раз армия из трех полков во главе со служилым татарским «царем» Симеоном Бекбулатовичем и князем Мстиславским была развернута на оборонительном рубеже у Волока Ламского (август 1580 г.).

На этом его военная карьера завершилась. Никаких походов, никаких боев, никаких воеводских назначений. Решаю-

щую точку в ливонской войне поставил уже не Иван Фёдорович, а князь Шуйский, перемоловший отборную польскую армию под Псковом.

В судьбе полководца Мстиславского нет сюжета с хэппи эндом. Звездный час в его судьбе остался в далеком 1560-м... Последние годы жизни не принесли ему ярких, знаменитых побед, только тяжкую работу в трудных условиях. 33 года Иван Фёдорович провел в походах. К 1580-му он подошел в пятидесятилетнем возрасте. Как и всякий «командарм» грозненской эпохи, входивший в военную элиту, он служил в условиях, которые предполагали страшный износ организма. Завод кончился. Английский торговый агент Джером Горсей, знавший князя на излете его военной карьеры, принимал его за восьмидесятилетнего старика. Трудно сказать, был ли у него яркий военный талант. Но, во всяком случае, Мстиславского отличали опыт, ответственность, ум, личное мужество, а также способность удержать армию от распада и бегства в самых трудных обстоятельствах. Он всю жизнь прожил работягой, лил кровь за отечество, упрямо стоял на пути татар к сердцу Московского государства. В конечном итоге именно такие люди, как он, и составили костяк командного корпуса России, именно они придали русской военной машине необыкновенную стойкость.

Итак, биография воеводы Мстиславского завершилась в 1580 г.

Но биография вельможи Мстиславского имела неожиданное продолжение...

На вершине власти

В последние годы царствования Ивана Грозного немолодой воевода возглавлял список бояр⁶⁹. Со второй половины 70-х царь поручает ему рассуживать бесконечные местнические споры, и власть князя ни у кого не вызывает сомнений. В начале 80-х решение Боярской думы озвучивается так: «Иван Федорович Мстиславский с товарищи приговорили». Иностранцы неизменно называли его среди главных вельмож царства. Действительно, после смерти князя Ивана Дмитриевича Бельского он оказался старшим среди бояр Московского царства.

Тягаться с ним просто некому. И не только по родовитости, но и по заслугам перед государем и всей державой.

Но вот грозный владыка России умирает. На престол восходит его сын Фёдор — блаженный, к делам правления не склонный. Отец, зная эту слабость наследника, назначил регентский совет, который должен был помогать Фёдору Ивановичу в государственной работе, а по сути — править вместо него. Разумеется, Иван Фёдорович вошел в состав совета.

О конфликте, разгоревшемся между тремя партиями, во главе которых стояли регенты, подробнее рассказано в очерке о князе Иване Шуйском. Мстиславский возглавлял ту же самую «партию», сконцентрировавшую главные силы высшей аристократии. И не только формально. В самом начале царствования он активно участвовал в политической борьбе и оказался среди тех, кто «съел» худородных выдвигенцев Ивана Грозного.

Любопытно, что в бытность судьей по местническим спорам Иван Фёдорович угодил и Шуйским, и Годуновым. Во второй половине 1581 года Мстиславский разбирал местническую тяжбу между князьями В. Шуйским и М. Одоевским. Решение было принято в пользу Шуйского, а учитывая высокий статус семейства Одоевских в иерархии русской знати, этот подарок дорогого стоил. Что же касается Годуновых, то по отношению к ним Иван Фёдорович вел себя просто как отец родной! Еще в царствование Ивана Васильевича князь судил местнические разбирательства сначала между Годуновыми и князьями Сицкими, а затем между Годуновыми и старинными московскими боярами Салтыковыми. Следуя лаконичным формулировкам документов XVI столетия, Мстиславский дважды «оправил» Годуновых, т.е. выдал «вердикт» в их пользу. Иными словами, в начале правления Фёдора Ивановича князь никому не был врагом. Он, как представляется, должен был жить в ладу и согласии со злейшими врагами нового царствования — Шуйскими и Годуновыми.

Но... бес попутал.

Второму человеку на царстве просто некуда расти, кроме как в направлении самого трона. И честолюбивые мечтания, как видно, вырастили язву в сердце воеводы. Гордыня принимает

разные обличия, но в каком бы ни приходила она одеянии, а поведет всегда к падению и злу. Иван Фёдорович, человек умный, повидавший на своем веку всякое, уберегшийся от тяжелой руки Ивана Грозного, тут сплеховал. Призрак со сверкающей звездой на челе указал ему дорогу выше, выше... и по той дороге боярин дошел до пропасти.

Итак, смутила его бездетность царя Фёдора Ивановича. В случае его смерти претендентами на русский престол оказывались многие персоны: вдова Ирина Годунова, которая могла заключить новый брачный союз и передать царский венец супругу... Или просто способствовать тому, чтобы на троне оказался кто-то из ближайшей родни. Так и произойдет в 1598 г., когда на трон поднимется Борис Фёдорович Годунов. Еще один претендент — младенец Дмитрий, незаконный сын покойного Ивана Грозного и брат царствующего Федора. Ему Иван Фёдорович приходился крестным отцом. Но пока Дмитрий пребывал во младенческом возрасте, его нетрудно было «убрать с доски», что и случится в 1591 г. Третий претендент — крещеный татарский царь Симеон Бекбулатович (зять Ивана Фёдоровича!), уже правивший, хоть и формально, Московской державой. Далее идут отпрыски Московского правящего дома женского пола, затем «принцы крови» Шуйские, и где-то вдалеке маячит фигура самого князя Мстиславского. В списке тех, кто мог заявить права на высшую власть, ему досталось, используя современную парламентскую лексику, явно «непроходное» место. А «первая позиция» контролировалась Годуновыми. Но Мстиславский, да и Шуйские, вполне были бы довольны особым порядком правления, а именно... личной унией между Россией и Речью Посполитой, когда русский трон занял бы польский король Стефан Баторий. Добродоты Батория могли ожидать от него многих милостей за помощь в возведении на царское место. Иван Фёдорович явно благоволил полякам при царе Фёдоре Ивановиче... однако этим планам не суждено было воплотиться в жизнь. Видимо, даже в аристократических кругах откровенная игра в пользу поляков вызывала осуждение. Тогда возник иной план: почему бы не развести царя с Годуновой и женить на ком-то *ближе?*

По словам шведского агента Петра Петрея, бояре приняли решение устроить царю новый брак — с молодой дочерью Мстиславского! Митрополит Дионисий, возглавлявший тогда Русскую церковь, оказался на стороне аристократической партии. Он помнил опыт его предшественника, митрополита Даниила, управлявшего Русской церковью при Василии III. Именно Даниил дал благословение на новый брак государя, страдавшего от «бесчадия» в долгом браке с Соломонией Сабуровой. Государыня тогда проявила необыкновенную крепость духа и доброту, позволив супругу развод, уступив место второй жене — Елене Глинской⁷⁰. Не напрасно эту женщину с голубиным сердцем впоследствии причислили к лику святых и в церковные анналы она вошла как преподобная София Суздальская. Второй брак и рождение наследников у Василия III избавили страну от жесточайшего династического кризиса. Но Ирина Годунова уступать звание царицы не собиралась, поскольку с мужем ее связывала прочная нить любви, и сам он не желал отпустить царицу на постриг. Да и ее амбициозная

*Елена Глинская.
Реконструированный
скульптурный портрет*

родня ничуть не желала такого оборота. Годуновы из-готовились грызться за сохранение первого брака. Между тем Мстиславские, Шуйские, а с ними и митрополит Дионисий нажимали: царица бесплодна! Царю нужен преемник, и если женщина не способна его дать — пусть уйдет!

О добром ли мыслил тогда Иван Фёдорович? О мире ли в государстве? Сомнительно. Три с половиной десятилетия князь верой и правдой служил Московскому царству, так на закате жизни, устав служить, он, как видно, решил по своей

воле «обустроить» русскую землю. Но державами правят не «командармы», а государи и — выше них — сам Господь. А Господь не попустил новому кризису разрешиться так же просто, как при Василии III.

Царица забеременела.

Нет, судьба ее потомства не будет счастливой. Маленькая царевна Феодосия умрет во младенчестве. Нет, не получит царь Фёдор Иванович долгожданного наследника, и одинокая вдова оплачет его кончину, не имея утешения в детях. Нет, не спасется Россия от Смуты — видно, за грехи всей земли открыл ее врата Господь.

Но это станет ясно через много лет. А пока прояснилась лишь судьба заговорщиков-аристократов. Им теперь полага-лась сполна расплатиться за проект «второго брака».

С Шуйскими партия Годуновых расправились, проявив недюжинное жестокосердие. Мстиславскому повезло больше. Он был дальним родственником царя, и он когда-то благоволил самим Годуновым. Поэтому боярину сказали: «Ты уйдешь. Но у тебя есть выбор — бороться и увлечь за собой все семейство на позор и поругание, или тихо отойти от дел, тогда родня твоя останется в чести». Иван Фёдорович склонил голову. Сила оказалась не на его стороне, а на семье не лежало никакой вины за его неудачную интригу. Он сделал выбор — как добрый человек. Не было никакого суда и расследования. Летом 1585 г. регенту дали съездить на покаяние в Соловецкий монастырь. Затем он отправился в Кириллову обитель на Белоозеро, где и постригся в чернецы под именем Ионы. Был Иван — стал Иона. Переменил имя и для мира сделался мертвецом. В последний путь к тихой келье боярина — на всякий случай! — сопровождал вооруженный эскорт. Старого полководца, будто одряхлевшего льва, все еще побаивались. Но он не пытался пойти на попятный. Поэтому и недруги решили соблюсти условия «джентльменского соглашения»: его семья не подверглась опале, унижению и конфискации земель. Его сыну оставили высокое положение при дворе и в войсках⁷¹. Даже за рубежом об отставке Мстиславского объявили с небывалой корректностью: мол, поехал молиться по монастырям, а делами заниматься перестал. Только дочь Ивана Фё-

*Кирилло-Белозерский монастырь.
Современная фотография*

доровича, несчастливая царская «невеста», разделила участь отца.

Точная дата кончины князя Мстиславского не известна. Либо конец 1585-го, либо 1586 г. Ничто не свидетельствует о насильственной смерти. Исключить ее нельзя — торжествующие Годуновы могли избавиться от опасной фигуры *наверняка*, удалив ее из столицы. Но тут вступает в свои права фантазия, а фактов нет. Ведь в стенах иноческой обители оказался человек совсем неюный, пятидесяти пяти — шестидесяти лет, к тому же рано постаревший от походной жизни. Горечь политического поражения тисками сжимала сердце воеводы...

Он умер достойно. Видел победы, видел поражения. Знал, какова огромная власть регента при бездействующем царе, знал и вкус унижения, испытанного по воле другого, самовластного правителя. Под занавес жизни прикоснулся к жгучим яствам гордыни и тщеславия, а потом, спасая семью, попробовал постную пищу смирения... Хорошая, христианская судьба. Все к месту и ко времени. Когда обветшавший корабль добрался до иноческой гавани, Господь своими руками снял крест со спины одряхлевшего титана и отпустил его.

Отдохнуть.

«СЧАСТЛИВЧИК» КНЯЗЬ СЕМЁН ИВАНОВИЧ МИКУЛИНСКИЙ

Почти все «командармы» Ивана Грозного, почти все, кто входил в военную элиту времен его царствования, должны были миновать две темные полосы. Во-первых, опричные годы, выбившие из русской армии немало хороших воевод. Во-вторых, конец Ливонской войны — время черное, страшное... В запустевших уездах тщетно искали новобранцев, полки не желали идти на фронт, а грозный неприятель разгрызал одну русскую твердыню за другой, пока не сломал зубы о Псков.

Воевода Хворостинин пережил и то и другое, а на последнем году жизни увидел, как русское оружие отвоевывает все то, что было потеряно в несчастной войне за Ливонию. Большинство же военачальников грозненской эпохи не дожило до этого...

Но были и «счастливики», умершие намного раньше. Тогда русская военная машина была на подъеме, крепости и царства падали под копыта низкорослых ногайских лошадок, которыми пользовалась наша конница, а знамена московского государя восходили на чужие стены. Лучшим из этих «счастливиц» был искусный полководец князь Семён Иванович Пунков-Микулинский.

Ныне забытый напрочь.

Тверской род

Он происходил из семьи родовитой и богатой. Ее история связана с Тверской землей.

В Великом княжестве Тверском было несколько уделов. Они доставались родичам правителей, а также представителям боковых ветвей Тверского правящего дома. Как раз из такой младшей ветви выросли роды князей Микулинских, Телятевских и Пунковых. Все они представляли «наследников по прямой» одного из величайших политических деятелей Руси XIV века — великого князя Михаила Ярославича. Но Тверь понемногу слабела, а Москва усиливалась. С середины XV столетия отпрыски семейства по одному переходили на службу к великому князю московскому. В 1485 г. Тверь лишилась

независимости. Вся земля Тверская присоединилась к Московскому государству, а вместе с нею и последние княжеские роды, сохранявшие верность тверскому сюзерену.

Пунковы, хоть и родовитые Рюриковичи, относились к одной из младших ветвей разветвленного семейства. Они не отличались ни богатством, ни высокими чинами, ни влиянием при московском дворе. Отец Семёна Ивановича служил честно, однако в большие чины не вышел. Время от времени его ставили командовать полками, но в Боярскую думу не пустили. Между тем старшая ветвь, владевшая старинным родовым гнездом — городом Микулин — и носившая гордое имя князей Микулинских, добилась существенно больших успехов на московской службе. Собственно, пока был жив старший родич Пунковых, князь Василий Андреевич Микулинский, их самих не очень-то звали Микулинскими, в документах чаще видишь — Пунковы да Пунковы...

В отличие от большинства русских воевод XVI века, почти точно известно, когда родился Семён Иванович, — в 1509 или 1510 г. А супругой его стала дочь Василия Григорьевича Морозова из старинного боярского рода.

*Икона Св. благоверного князя
Михаила Ярославича
Тверского
(фрагмент)*

Первые победы

Впервые имя Семёна Ивановича появляется в воеводском списке мая 1533 г. Его назначили командовать передовым полком в армии, развернутой для противодействия крымским татарам. Не известно, занимал ли он до того должности менее высокие.

С этой даты князь играет роль фигуры, постоянно присутствующей на «Степном фронте» Московского государства, протянувшемся колоссальной дугой от Мещёрской земли до Новгорода-Северского. Он проведет здесь двадцать лет и ни разу не проиграет дела.

Система обороны русского юга строилась на протяжении долгих десятилетий⁷². Она возникла из тактического опыта, щедро оплаченного кровью воинов и пеплом городов. К началу царствования Ивана IV она представляла собой хорошо отлаженную машину.

В русских городах, расположенных южнее и восточнее линии Угра — Ока, стояли гарнизоны с пушками и пищалями. Они вряд ли могли самостоятельно отбиться от большой армии крымцев, казанцев или ногайцев, но вполне способны были отбить набег малого отряда или выдержать натиск основных сил неприятеля в течение нескольких дней. Перед ними постоянно ездили «сторожи». Они несли дозор на тех дорогах, где чаще всего появлялись вражеские рати. По линии Угра — Ока выросло ожерелье мощных крепостей, где из года в год сосредотачивались главные силы Московского государства. Это Муром, Рязань, Коломна, Кашира, Серпухов, Таруса и Калуга.

Для того чтобы понимать психологию защитников России от татарских набегов, надо усвоить две «детали» в устройстве нашей обороны.

Во-первых, «большие воеводы» с полками выходили из Москвы на берег, то есть к Оке, *каждый год*. Есть ли известия о движении татар, нет ли их, — все равно полки отправляются из столицы и выстаивают положенные несколько месяцев, когда опасность нападения особенно велика. Московское командование могло поменять отдельные отряды — усилить, передвинуть, отвести в глубь России, произвести «рокировку» свежих полков и уставших, могло бросить их на строительство нового опорного пункта, а могло заменить воевод... Но в любом случае заслонная армия присутствует на «Степном фронте» из года в год, без исключения. Неважно, как идут дела на других театрах военных действий — в Ливонии, в Карелии или, скажем, в Сибири. Любая подвижка в сторону ослабления «живого заслона» быстро заканчивалась крупными неприятностями. Сокращение ее численности стало одной из главных причин страшного разгрома Москвы в 1571 г., произведенного полчищами Девлет-Гирея. Таким образом, русская цивилизация должна была ежегодно обеспечивать вывод не-

скольких десятков тысяч хорошо вооруженных воинов с одной-единственной целью — чтобы выжить. И все от мала до велика в России знали: это необходимо, без этого стране наступит конец. Лучше всего понимали простую истину «Степного фронта» русские воеводы. Им татарин с луком и нагайкой не раз втолковывал ее самыми простыми и действенными мерами.

Во-вторых, все, кто жил южнее Оки, добрую половину года, примерно с марта по октябрь, знали: каждый день может прийти татарин с нагайкой и луком. Тот, кто не успеет добежать до крепости, либо умрет, либо отправится на работорговый рынок. Сеешь ли ты хлеб, играешь ли свадьбу, вышел ли рыбу поудить, а может, хоронишь родню, — послушивай: нет ли громового стука копыт с полуденной стороны? Поглядывай: не видно ли сигнальных дымов? И будь резвым! В твоих ногах — твоя судьба. А когда прибежал в крепость, можешь перевести дух, да и всходи на стену. Там в самом скором времени понадобятся твои руки, чтобы стрелять, рубить, лить кипяток на бритые татарские черепа, подтаскивать ядра и переворачивать котлы с раскаленной смолой. Ты должен знать: если из-за Оки успеют подойти «большие воеводы» государевы, то всё в твоей жизни будет хорошо: хлеб досеешь, свадьбу доиграешь, гроб до могилы дотащишь, рыбку выловишь из реки. Но такая благодать снизойдет на тебя лишь в одном случае: *если свои не выдадут*, поспеют вовремя из-за Оки! Если свои не побоятся хорошей драки! И если свои осилят неприятеля... А те, кто за Окой, знали: если они не поспеют вовремя, если струсят, если покажут слабинку, то через несколько дней на местах, где побывали нежданные гости, будут только пепел да мертвецы.

Так и жили из года в год.

Пока не пали Казань, Астрахань, Ногайская орда и Крым. И как только сворачивали шею очередному хищнику, легче делалось и свободнее всему «христьянству», как тогда говорили, смешивая православный народ с крестьянами-землепашцами.

Государевы большие воеводы, пробывшие несколько лет на «линии фронта», узнавали характер и привычки противника.

Обычно татары приходили не для «прямого дела», они избегали лобового столкновения с основными силами русских. Их больше интересовало ограбление городов и уездов, а потом — безнаказанный отход с «полоном». Но бывали случаи, когда степной враг решался на генеральное сражение. В некоторых случаях сама величина атакующей орды укрепляла желание ее вождя силой прорвать оборону на Оке, дотянуться до самых богатых, давно не грабленных уездов Московского государства, а то и до русской столицы. Иногда и сами русские воеводы глубоко заходили на территорию, которую неприятель считал своей. Или, иначе, сам ход боевых действий мог привести к неизбежности открытого боя.

Поэтому полки, шедшие из центра, могли в любой момент вступить в бой с сильным врагом. Их поражение означало одно: теперь единственной линией обороны становится московская крепостная стена. Обычно им удавалось одним своим движением отогнать татар. Чаще всего осада какого-нибудь окраинного городка в заокских далях кончалась в тот момент, когда татары узнавали о приближении «государевых больших воевод». Русским командирам оставалось дать бой легким отрядам врага, задержавшимся в разбое у соседних сел, да гнать вражеский арьергард, стараясь отбить «полон», уводимый в степь. Но это — чаще всего. А раз в несколько лет все-таки происходило жестокое столкновение лоб в лоб. Тогда дрались до смерти, на уничтожение, не щадя ни себя, ни врага. Надеяться в таких случаях можно было только на себя, да еще на Бога.

Вот чем был русский Юг в XVI и XVII веках.

Вот каким его увидел Семён Иванович в 30-х гг.

Первый раз он наблюдал врага в том же году, когда получил воеводское назначение. Август — сентябрь 1533-го застал его вторым воеводой на Туле. Тогда крымцы «с многими людьми» разорjali Рязанщину.

Минул год, и опять татары — азовцы и крымцы — появились на Рязанской земле. Ока делает здесь два поворота, кладя широкие петли в южном направлении. Тянутся к югу реки Проня и Цна, но течение их таково, что дорогу захватчикам они не перегораживают. И весь окский «угол» далеко выдается

к юго-востоку, представляя собой окраину державы. В силу подобного расположения Рязанщина в течение столетий служила идеальной мишенью для татарских набегов.

В 1534 г. Семён Иванович стоял на Рязани воеводой «за городом», т.е. с войском, предназначенным для разведки и отбивания легких татарских отрядов. Имея незначительные силы, князь бросился на врага, надеясь смелостью своих действий отпугнуть его. Маневр удался. Ударив по татарам на реке Проне, воевода опрокинул их, многих положил на месте, да еще в Москву отправил 53 пленника.

Первая победа!

В ту пору великий князь московский еще не вышел из младенческого возраста, и за него правила мать — регентша Елена Глинская. С удивлением великая княгиня вглядывалась в лицо молодого воеводы, жалуя его от имени сынишки. До сей поры Семёна Ивановича никто не знал. Мудрено ли! Ему едва исполнилось 24 года.

Теперь узнали.

Позднее князь все так же несет службу «на берегу» в небольших чинах.

Осенью 1539 г. происходит новая его встреча со «старыми знакомыми» — крымцами, явившимися на Русь. Крымский царевич Имин явился в конце октября «на Каширские места» с сильным отрядом. От Рязани двинулся им наперерез Семён Иванович, как видно, уже уходящий с «боевого дежурства». Ему удалось захватить «языков». Не зная, какими силами располагает русский воевода, татары почли за благо отступить, не взяв «полона». По словам летописца, не столько силой, сколько «Божьим страхом» Имин и его люди «дрогнули и пошли прочь от украины великого князя».

Еще один успех в послужном списке молодого воеводы.

И в конце 1539-го (то ли в первой половине 1540-го) он уже командует небольшой армией из трех полков на Рязани.

До сих пор у Семёна Ивановича была дюжинная карьера. Пять воеводских назначений, из них два в ранге первого лица. Победы принесли ему очевидное возвышение — командование трехполковой ратью, но это могло быть и частным случаем. Бог весть, сумел бы он удержаться на этом уровне, или нет.

До того весь рисунок служб князя Микулинского напоминал первые шаги того же Дмитрия Ивановича Хворостинина. Ничего блестящего в начале командирской деятельности, много трудной работы и второстепенных постов в ее середине... Такое же будущее ждало, по всей вероятности, и Семёна Ивановича. Боевые успехи, как и в биографии Хворостинина, время от времени *незначительно* повышали бы его статус. Да, так бы все и было... если бы не одно обстоятельство, враз переменявшее его судьбу.

Как раз около 1540 г. умер его старший родич, князь Василий Андреевич Микулинский. И на молодого полководца свалилось наследство, моментально сделавшее его персоной богатой и влиятельной. Ему достался титул Микулинского князя, вассалы и сам город, где Семён Иванович оказывался полновластным владыкой. Почти что удельным князем давних времен, хотя и на службе у государя московского.

Теперь перед тридцатилетним военачальником открылись возможности для *совсем другой* карьеры.

И он ими блистательно воспользовался.

Москва против Крыма: лобовое столкновение

Еще один год спустя произошло то самое прямое столкновение, от которого никогда не были застрахованы воеводы на русском юге.

Август 1541-го князь Семен Иванович Пунков-Микулинский встретил первым воеводой в Зарайске. Или, как говорили в старину, «у Николы Заразского». Крымский хан Сагиб-Гирей явился с большим войском к побережью Оки.

На Москве в ту пору было смутно. Великая княгиня Елена скончалась еще в 1538 г. У подножия трона, занятого маленьким мальчиком, воцарилось боярское правление. Придворные партии вырывали друг у друга кормило власти.

Но в ту пору наша политическая элита — бояре, князья, семейства больших московских дворян — крепко держала в своих руках судьбу страны. Затевая междоусобные свары, ни во что не ставя государя-отрока, она все же с полным единодушием выходила в поле, когда требовалось отбить от ворот Руси опасного неприятеля. Московское государство управлялось

*Фрагмент западной стороны
зарайского кремля*

очень гордой и очень амбициозной, но притом еще и очень ответственной элитой. Это были сильные духом люди...

Русская сторожа передала разведывательные данные: сам крымский хан явился со своими людьми, царевичем Имином, при поддержке ногайцев, турецкого отряда, с мощной артиллерией и наемными стрелками из пищалей. Всего — более 100 000 бойцов. Замышлялось большое нашествие, вроде новой Батыевой рати! Эти сведения шли через Зарайск, т.е. через князя Микулинского, и вызвали общий сбор всех во-

оруженных сил Московского государства. В столице по-настоящему встревожились за южный рубеж. Но даже при самой скорой скачке от Зарайска до Москвы — неближний свет, а потом еще из Москвы в разные города... И где появятся крымцы? В спешном порядке прикрывались разные направления, от Пахры до Владимирщины и даже Мещёры. На всякий случай готовились к осаде в самой столице. Бояре думали даже вывезти государя из города, но митрополит Иоасаф отсоветовал. Москва во главе с освященным собором и самим митрополитам молилась у своих святынь о «избавлении от нахождения иноплеменников». А ратные люди расставляли орудия по стенам, ставили по улицам надолбы, расписывали караульные команды.

Передовой отряд крымцев ударил на городок Осетр близ Зарайска⁷³. Тамошний воевода Назар Глебов неожиданно напал на татар с частью гарнизона и вооруженными горожанами, когда враг входил на городские посады. Потеряв девятерых бойцов пленными, крымский авангард бесславно откатился.

Вскоре Сагиб-Гирей вышел со всей ордой к Оке напротив Ростиславля. Ему противостояла армия князя Дмитрия Бельского, базировавшаяся на Коломну. Русские полки самым скорым ходом двинулись к Ростиславлю, намереваясь защищать от татар переправы. Гарнизоны близких крепостей снимались для содействия основным силам. Пошел на неприятеля и Микулинский с маленьким зарайским отрядом.

Ядро боевых сил Бельского с гарантией не успевало занять окские переправы, к которым вышел Сагиб-Гирей. Но маленький передовой полк — успевал. И, значит, ему оставалось намертво вцепиться в переправы, отбивая татар, пока не явится подкрепление. Полковой воевода князь Иван Пронский-Турунтай знал, во что ему станет сражение с превосходящим по численности противником.

Одним словом, перед всей вражеской громадой оказался один полк, не имевший шансов победить. Люди, вставшие заслоном на пути крымцев, готовились к смерти. Незадолго до этого страшного стояния на Оке от имени царя в армию пришла грамота. В ней обещалось «великое жалование» тем, кто защитит державу от чужой орды, а также семьям погибших; воевод просили крепко стоять за христианство, не имея между собой розни. Когда содержание грамоты стало известно не только военачальникам, но и всей армии, она ответила: «Мы готовы, мы вооружились, хотим с татарами смертную чашу пить». Теперь настал черед выполнять сказанное.

Татары на лошадях, плотах и прочих средствах устремились к русскому берегу. Русские воеводы приказали отбивать их стрелами. По Оке поплыли мертвые тела...

Вторая попытка штурма сопровождалась пищальным огнем: наемники по приказу хана попытались свинцовым градом сбить полк с занимаемых позиций. Турецкие пушкарки встали к орудиям, и в наших воинов полетели ядра. Крымцы вновь полезли в воду. Полк стоял, как мог. Дворяне один за другим падали с лошадей, и без того малые силы полка таяли, таяли, таяли... Все меньше стрел падало на головы татарских штурмовых отрядов.

Наконец многострадальный передовой полк дрогнул. Наши конники стали понемногу отходить от берега, освобождая

место татарам. И быть бы прорыву через Оку... но тут ему на выручку подоспел зарайский отряд Микулинского. Крымцы опять несли тяжелые потери, опять против них стояли свежие войска. Перестрелка возобновилась.

Первый, самый страшный натиск вражеской армии удалось сдержать. Понемногу начали прибывать части большого полка, явился вместе с главными силами и русский главнокомандующий, князь Дмитрий Бельский. Доплывших до нашего берега татар секли топорами и саблями. Прибыла московская артиллерия, и вскоре турки с проклятиями бросали свои разбитые орудия. Русские стрелки открыли огонь из пищалей, ветер носил густой дым над гладью реки, треск пальбы не прекращался ни на минуту. А за спинами подоспевших сил виделись в отдалении все новые и новые полки...

Поражение крымцев стало очевидным.

С русского берега неслись оскорбительные предложения: «Освободите место! Мы сами переправимся и побьем вас!»

Сумерки поставили точку в сражении на переправе. Ночью в лагерь Бельского прибыл «большой наряд» — тяжелая артиллерия. Узнав об этом, хан с основными силами орды ударился в бегство. На утро покинул берег Оки его сын, а потом и прочие вожди татарской армии. Они бежали к спасительному югу, «с великим срамом... — по словам летописца, — ...бросив пушки и пищали, и телеги, и всякую рухлядь воинскую».

Немногие крымцы беспечно остались, мечтая заняться грабежом ближних волостей. На них обрушился князь Микулинский, уничтожая последние татарские отряды у Оки.

Самым неугомонным оказался царевич Имин. Он, «отворотил» от войск отца, ринувшись на «Одоевские места». Но тут его встретил местный воевода князь Владимир Иванович Воротынский. Его контрудар и здесь опрокинул татар, а полсотни самых медлительных отправились пленниками к великому государю.

От них стало известно, что Сагиб-Гирей все еще не смирился с поражением. Хуже воинской неудачи его сердце жег позор: собрать великую армию и ничего не совершить с нею! Это роняло авторитет хана в самом Крыму. Да и высокий союзник — Турция — перестанет относиться к нему как к серьезной силе,

если он сейчас отступит безо всякого успеха. Татарская знать, видя в бесславном отступлении поруху и своей чести, напомнила хану о Тамерлане: Железный Хромец ходил на Русь с огромным войском, но ограничился тем, что спалил и разграбил маленький город Елец. Так не взять ли на щит какой-нибудь русский городок, покрыв большой неуспех малой победою? «Пусть не говорят, что хан приходил на Русь, но не учинил ей ничего», — кратко передает летописец содержание их речей. Прикидывая так и этак, выбрали в качестве мишени Пронск, расположенный неподалеку.

Крымцы обложили Пронск, открыли по нему огонь из оставшихся пушек, пошли на штурм. Но маленький гарнизон во главе с Василием Жулебиным из боярского рода, исстари служившего московских князьям, встретил их ответной пальбой. Запершись в крепостице, горожане не устрашились татар, приняв решение стоять насмерть. Крымские мурзы, видя большую убыль в бойцах, начали было переговоры с Жулебиным, обещая милостивое отношение, если воевода добровольно сдаст Пронск. Тот ответил: «Божьим попусциением город ставится, а без Божией воли кто может его взять? Хан же пускай помедлит под стенами еще немного: как раз идут по его следам государевы воеводы». Сагиб-Гирей в ярости приказал готовиться к новому приступу. Жулебин в ответ вызвал всех, кто мог носить оружие, на стены. С мужьями пришли и жены. У маленьких башен складывали заостренные колья, которыми собирались сбивать татар с лестниц, груды тяжелого камня, ставили котлы с кипятком. Тайком в Пронск пробрались семеро бойцов из отряда князя Микулинского. Они подали весть: «Держите оборону! Мы спешно идем к городу с большими силами». Осажденные радовались доброй вести, ждали скорого избавления. Один из горожан попал тогда в плен к татарам. От него-то хан и узнал о приближении русского войска. Не столь уж многое грозило крымцам: Микулинский располагал легким отрядом, прочие же воеводы не решились преследовать Сагиб-Гирея. Русские военачальники опасались покидать окский оборонительный рубеж: не попробует ли противник под видом отступления перейти реку в другом месте? Но на воображение хана продолжала действовать страшная

картина — несокрушимый строй огромного московского войска, стоящий на высоком берегу Оки... Убоявшись полного разгрома, враг опять ударился в бегство, бросив осадные сооружения и уничтожив собственные пушки. Быстро переправившись за Дон, крымцы бежали, не останавливаясь...

Столица, да и вся Русь праздновали большую победу. От имени государя-отрока воевод, побывавших в деле, щедро одачивали шубами, драгоценными кубками... Надо полагать, награды удостоился и Семен Иванович. Он со своим отрядом оказался в центре оборонительной операции. Его действия спасли передовой полк и обеспечили тем самым успех всего сражения.

На следующий год крымцы опять попробовали крепость русской обороны — история битвы на Оке и неудачной осады Пронска получила бурное продолжение.

Ранней весной, как только зазеленела трава, по грязям, на Северские места пришла рать крымского царевича Имин-Гирея, уже битого русскими год и три года назад. Татары наплывали широкой волной, грабя наши волости под Стародубом, Путивлем, другими городами. Однако царевича вновь хорошенько стукнули: в Москву отправилось 20 пленников, остальные крымцы в столкновении с русскими полками частично погибли, частично же рассеялись.

Вскоре начались переговоры с Казанью и Астраханью, складывавшиеся к пользе России. Год начинался удачно...

Но на всякий случай в июне 1542-го мощная оборонительная армия князя Д.Ф. Бельского была развернута в районе Коломны. Князь Микулинский командовал передовым полком, а его помощником назначили Дмитрия, родного брата Семена Ивановича. Как выяснилось, «в поле» было кого останавливать: весенняя атака царевича сыграла роль разведки боем. В августе крупная орда крымцев явилась «на рязанские места», затем свернула к Зарайску. Тамошние воеводы, ободлив немногочисленный гарнизон, сделали вылазку. Не ожидавшие отпора татары вновь отступили на рязанские земли и, откатываясь, занялись тут спешной ловлей «полона», грабежом, поджогами. Эта жадность стоила им дорого. По пятам шел зарайский воевода, из Рязани устремился на преследование

передовой полк во главе с Микулинским, легкие отряды бросились вдогон отступающему врагу из Тулы, Одоева, Серпухова, с окских переправ. Бешеная погоня шла день и ночь. За Доном, на поле Куликовом, как раз на том месте, где Дмитрий Донской более полутора веков назад разгромил Мамаю, русский авангард настиг татарские «сторожи» и сцепился с ними. Быстрый конный бой закончился разгромом крымцев. Теряя людей, они ушли в степь и там доложили мурзам, возглавлявшим основные силы, что русская кавалерия дышит в спину. Тогда побежало все войско, бросая награбленное.

За первые десять лет службы князь Микулинский минимум четырежды видел спину неприятеля и ни разу не показал ему своей. Он знал, каким бывает большое сражение... и большая победа.

Молодость полководца подарила ему лучший боевой опыт изо всех мыслимых. Никто из грозненских «командармов» не начинал так блестяще, как Семен Иванович.

Казанские походы: полоса испытаний

В 1540-х гг. инициатива наступательного действия перешла к русским. Самым близким было Казанское ханство, в котором московское правительство видело очень опасного врага.

Весной 1545 г. под Казань отправляется по Волге «судовая рать», то есть корпус, посаженный на речные суда. Три полка под командой князя Микулинского отплыли из Нижнего в апреле, по высокой воде. С Вятки под Казань отправился на стругах второй отряд. Обе рати сошлись в указанном месте с небывалой точностью. О дальнейшем летописец сообщает: «Воеводы великого князя князь Семен с товарищи, придя к городу Казани многих людей казанских побили, кабаки царевы [казанского хана. — Д.В.] пожгли. А на Свягу реку послали от себя воеводы детей боярских, и тамо Божиим милосердием такоже многих людей казанских побили». Князь Микулинский захватил также знатного пленника — Муртову-мурзу «княжеского» рода. «Государь воевод и детей боярских жаловал великим своим жалованием: кто о чем бил челом, тех всех по челобитью их жаловал»⁷⁴.

Москва и Казань то враждовали, то мирились с XV века. Наступал решающий раунд их борьбы, сделаны были первые шаги.

В феврале 1547-го Семен Иванович вновь идет к Казани — вторым воеводой большого полка, под общей командой князя Бориса Александровича Горбатого-Шуйского, которому Микулинский немного уступал в знатности. На землях вокруг Казани обитала «черемиса» — коренные народы, имевшие разные обычаи и разную степень воинственности. Часть ее отложилась тогда в пользу Москвы, и русская армия отправилась им на поддержку.

А в декабре того же года на Казань пошла большая московская армия с молодым царем во главе.

Поход сразу не задался. Из-за дождей пушки долго передвигали к Владимиру, а оттуда — к Нижнему Новгороду. Когда армия вышла от Нижнего и двинулась на вражеские земли, открылась оттепель. Лед покрыла вода, пушки и люди то и дело проваливались в полыньи. Отойдя от Нижнего совсем недалеко, Иван IV остановил движение армии у речки Роботки. Дальше двигаться было рискованно. Государь стоял три дня, «ожидая путного шествия, и никак же путь не обрется». Войско могло потерять всю артиллерию и добрую половину бойцов...

На военном совете царь с воеводами приняли решение: главные силы вернутся в Москву, но небольшой отряд пойдет дальше — разорять казанские земли, беспокоить неприятеля. Во главе «мобильного корпуса» поставили служилого татарского «царя» Щигалея и того же князя Бельского. Семен Иванович взял на себя передовой полк. Шел февраль 1548-го.

То, что произошло в дальнейшем, показывает две важных черты в характере князя Микулинского. Во-первых, личную смелость. Он отважился забраться в самое логово неприятеля и не торопился оттуда уходить. Вероятно, его удивляло отсутствие у татар такой же мощной системы обороны, что и русских. А раз ее нет, вторгшийся отряд мог чувствовать себя почти безнаказанно. Во-вторых, в крови у большинства русских военачальников того времени жило стремление отогнать татар, отбить «полон», самим взять на чужой территории «рух-

лядишки»... Микулинский был настроен иначе. Он стремился не отогнать, а уничтожить противника, а потому всегда оказывался сторонником решительных действий.

Вторжение московских полков оказалось неожиданным для казанцев. Современник досадовал: жаль, не взяли тогда столицу ханства, снаряженных к бою людей там стояло совсем немного... Неприятельские земли преданы были огню и мечу: русские вели себя на территории татар точно так же, как те — на территории русских.

Хан Сафа-Гирей, казанский правитель, охотился тогда неподалеку от своей столицы. Он нарвался на русскую армию, располагая лишь «небольшой дружиной» да ловчими псами. Тем не менее хан решил принять бой, и был разбит таранным ударом одного передового полка князя Микулинского, «втоптавшего» Сафа-Гирея в город. Победителям достались шатры, казна, даже пища хана.

Когда русское нашествие удалилось от стен Казани, хан собрал оставшихся людей и отправил сильный отряд в погоню. После нескольких дней преследования татары утомились и решили, что враг ушел. Они остановились на ночлег, но не выставили охрану и даже караульных при конских табунах. И вот среди ночи казанцев разбудил беспощадный неприятель, ударивший из укрытия. Большая часть полегла на месте, многие оказались в плену, и лишь незначительной части удалось скрыться. Небывалый разгром!

Иван IV вновь раздает дары военачальникам.

Русские воеводы могли уйти из казанской земли, вдоволь набрав «полона» и разорив противника. Но им требовалось не только это, но также истребление живой силы неприятеля. И они дважды вступали в «прямое дело», хотя такой задачи перед ними не ставилось. В чем тут причина? Прежде всего — в том, что все они, в том числе и князь Микулинский, знали: следующая встреча с теми, кого они пощадили на чужой земле, может состояться на своей.

По границам России того времени проходил «цивилизационный разлом», там шла борьба разных вер, этносов и мировоззрений, а потому рубежи страны кипели беспощадно жестокой войной.

В следующем большом походе против Казани Семен Иванович числится одним из бояр в царской свите и вторым воеводой государева полка. Пост — далеко не самый высокий. Первым воеводой в том же полку шел князь Иван Фёдорович Мстиславский, бывший намного моложе, менее опытен, зато более знатным, нежели Семен Иванович. В январе 1550 г. войско, возглавленное самим царем, вышло из Нижнего. На этот раз главные силы русских сумели добраться до Казани, но здесь их ждала неудача.

Зима выдалась студеной. От мороза гибли люди и лошади. Весна началась с проливных дождей. В русском лагере начались разговоры о «казанских волхвах», губивших неприятельское воинство с помощью колдовства.

Штурм города принес обеим сторонам страшные потери. Казанцы стояли крепко, сбросить их со стен не удавалось.

Надвигалась полная распутица или, как выразился летописец, «аерное нестроение». Пушки не могли работать из-за дождей, дороги развезло, земля у стен Казани превратилась в жидкую грязь. Простояв 11 дней у столицы ханства, русская армия была вынуждена оставить город в покое. Началось медленное отступление.

Добравшись до реки Свияги, молодой царь заметил живописную гору Круглую.

Взобравшись на нее, Иван IV увидел, насколько неприступной может быть крепость, если воздвигнуть ее на горе. Очевидно, именно тогда, в феврале или марте 1550-го, ему в голову пришла мысль о создании тут нового городка. Этой идее суждено надолго определить течение жизни Семена Ивановича.

Но пока князь нужнее всего в коренных землях Московского царства. Несколько месяцев он отдыхал от ратных забот, а в июле вышел в царской свите для нового похода. Войско пошло к Коломне. Ждали двадцатитысячную орду из Крыма. Никто не знал, где ждать очередного нашествия.

В начале августа пришли грозные известия: да, с крымским «царевичем» идут 30 000 войска на Рязань и Мещёру. Иван IV посылает туда Семена Ивановича с пятью полками. Вскоре сам царь, помолвившись «у Николы Зарайского», отправился вслед за полками в Рязань. Как видно, в тот год ждали

нового масштабного столкновения. Но уже 16 августа Иван Васильевич возвращается в Москву: большого сражения не произошло. По всей вероятности, татары, узнав о выдвижении крупных сил, не решились вступить в противоборство и повернули назад.

Воеводе достается еще один глоток мирной жизни перед большим военным делом. Через нескольких месяцев после «язанской тревоги» он отправится на Свиягу...

Казанские походы принесли Семену Ивановичу громкую славу. По свидетельству современника, князь превосходно владел оружием, был красив и отличался большим долготерпением к житейским неудачам. Царь ценил его, как человека, способного дать мудрый совет. Врагам же его присутствие в войске внушало тревогу: «Многие русские воины и вражеские бойцы видели издалека, когда сходились для боя полки, как скачет он, словно огненный, на своем коне, и меч его и копье, словно пламень, во все стороны обрушиваются на врагов и посекают их, пробивая в них улицы, и конь его, казавшийся змеем крылатым, летает выше знамен...»⁷⁵ Воевода князь Андрей Курбский, знавший Семена Ивановича по походам начала 1550-х гг., называл его человеком «очень храбрым и искусным в героических делах»⁷⁶.

Помимо известности полководец обрел также боярский чин — высший в Думе. Богатство, знатность и очевидные заслуги перед государем позволили ему «перескочить» через чин окольничего. Это произошло в 1549 г. Боярские списки середины XVI века показывают: Микулинский считался ровней высокородным Шуйским, Палецким, Глинским, Пронским и явно превосходил в статусе большинство аристократов из старых боярских родов Москвы — Шереметевых, Шеиных или, скажем, Заболоцких. Ну а «верхнему ярусу» служилой знати, тем же заоблачным Гедиминовичам — Бельским, Мстиславским, или, например, Щенятевым, он уступал... Правда, совсем немного.

Свияжск

Для русского командования после нескольких тяжелых походов на восток стало очевидным: переброска войск с рус-

Свияжск. Современная фотография

ской территории до Казани сопряжена с опасным разрывом коммуникаций⁷⁷. Для успеха под стенами чужой столицы требовался опорный пункт, вынесенный далеко в земли неприятеля. А чтобы создать его и удержать в отсутствие большой армии, нужен был человек большого мужества и рассудительности. Ведь никто в Москве не собирался вечно держать крупное полевое соединение на восточной окраине России. И, значит, кому-то следовало доверить судьбу новой крепости в окружении воинственных народов.

Царь призвал князя Микулинского.

Семену Ивановичу с легкой ратью пришлось пойти на Круглую гору — начинать строительство города. А впереди него с малым числом людей двинулся князь Петр Серебряный, который, собственно, первым и встал на месте строительства будущего города, в пятнадцати или двадцати верстах от Казани. Это произошло 17 мая 1551 г. 18-го он ввязался в жестокий бой на казанском посаде, понес потери, но поста своего на Свияге все-таки не оставил. Одновременно на разных направлениях по казанцам ударили отряды русских служилых людей, отвлекая их внимание от свияжского строительства. А ученый дьяк Иван Григорьевич Выродков, талантливый военный инженер, в тот момент с помощниками рубил в лесах под Угличем стены и дома, предназначенные для перевозки к будущей крепости.

Московское командование проводило сложную, многоходовую операцию.

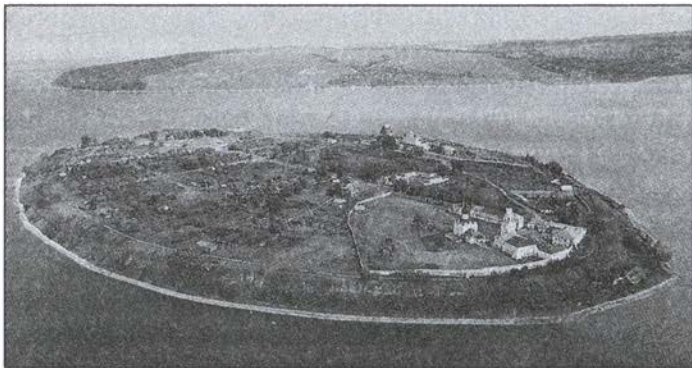
К месту на Волге, так понравившемуся Ивану IV, отправилась на стругах большая рать во главе со служилым «царем» Щигалеем и боярином князем Юрием Михайловичем Булгаковым. Через неделю после того, как князь Серебряный занял место для строительства, она вышла на Свяягу и доставила Выродкова с его строениями. Как выяснилось, запасенных «деталей» хватало лишь на половину работы. Пришлось в срочном порядке доделывать дело на месте. 24 мая 1551 г. на месте будущего Свяжска застучали русские топоры. По периметру будущей стены прошел крестный ход... А всего через месяц город был готов.

30 июня 1551 г. на месте пустынном, заросшем лесом и людьми покинутом, стоял новый город Свяжск.

В Свяжске видели не только крепость и не только базу, где на складах будет храниться порох, свинец и провизия. В этом городе с самого начала видели заставу на переднем крае христианства. Военные экспедиции против Казани мыслились царем, митрополитом и их современниками как своего рода крестовые походы. Соответственно, Свяжск задумывался в качестве твердыни православия, со всех сторон окруженной иноверцами и предназначенной для наступления на «басурманскую веру». Поэтому в город привезли не только заготовки для укреплений, хозяйственных и административных зданий. Туда из дальних мест доставили также срубы древнейших церквей Свяжска.

Современник пишет: «Поставили... деревянную соборную церковь Рождества пречистой Богородицы и построили внутри города шесть монастырей, в одном из них — храм преподобного Сергия-чудотворца. И все воеводы и бояре, и купцы, богатые люди и простые жители поставили себе в городе светлые дома и хорошо устроили свою жизнь. И наполнились все люди радостью и прославили Бога»⁷⁸. Место, где ныне стоит Свяжск, овеяно сказаниями о многих и различных знамениях, связанных с его возникновением.

Любопытно, что современный Свяжск в какой-то мере вернул себе изначальное предназначение. Это остров православия

*Свияжск и окрестности. Современная
фотография*

на просторах мусульманского по преимуществу Татарстана. И это остров в прямом смысле слова: в остров его превратило частичное затопление от разлива водохранилища. В советское время он подвергся страшному разорению, по сравнению с началом XX столетия население уменьшилось в десять раз. С 1551 г. сохранилась основа деревянного Троицкого храма, стоящего ныне на территории Иоанно-Предтеченского монастыря⁷⁹. Главной, соборной была в Свияжске Богородице-Рождественская церковь. Именно ее-то и привезли в виде разобранного сруба из-под Углича. Впоследствии на месте скромного деревянного храма вырос величественный каменный преемник... В советское время собор взорвали.

Местная «черемиса» и чувашаи, почувствовав, что у земли меняется хозяин и больше казанскому хану их господином не быть, приходили к Свияжску, чтобы «бить челом» о переходе под руку царя московского. Теперь их знать схватывалась уже с казанцами.

В Казани ядром сил сопротивления, упорно насакивавших на русских, служили приезжие крымцы и ногайцы. Как только они потерпели поражение в боях с нашими отрядами, местная знать решила пойти на серьезные уступки. Она сдала русским воеводам своего хана Утемыш-Гирея с семьей (из крымцев), уступила России часть территории ханства, и без того отложившуюся и управляемую последние месяцы из Свияжска, а

также обещала посадить на ханский престол служилого «царя» Щигалея, который был ставленником Ивана IV. Более того, Казань обещала отдать всех русских пленников, находившихся на территории ханства. И, действительно, из города вышло около 7000 пленников, а в целом со всей Казанской земли — 60 000...

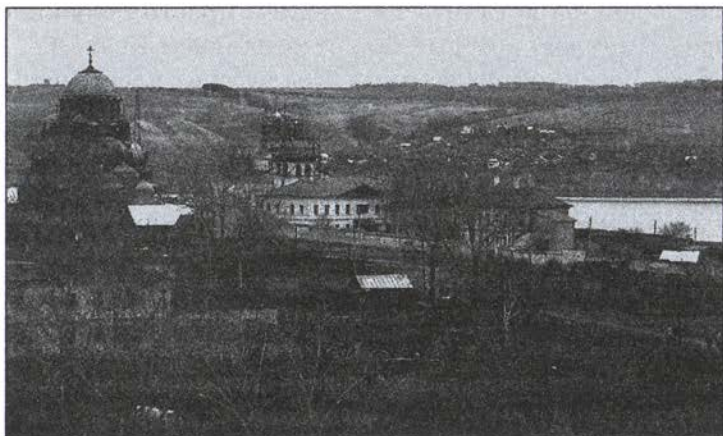
Когда Щигалей занял ханский престол, при нем осталось сравнительно небольшое войско. Русская армия, оставив также гарнизон в Свияжске, ушла домой. Ханство фактически утратило статус самостоятельного государства и стало полувисимым от России политическим формированием. В Казани сидел правитель, поставленный из Москвы, а в Свияжске, недалеко от него, — воинская сила, всегда готовая поддержать хана силой оружия.

Это громадная перемена совершилась всего за несколько месяцев. В августе 1551 г. Щигалей уже утвердился на казанском престоле. А русский гарнизон, оставленный на Свияге, возглавил князь Микулинский. Его, как тогда говорили, посадили в новом городе на «годование» — боевое дежурство, длившееся год. И за сохранность главного форпоста России на востоке теперь отвечал он.

Семену Ивановичу досталась беспокойная должность. Зимой город жил бедно, припасов не хватало. Люди умирали от голода, жестоко страдали от цинги. Но отвод русских войск со Свияги обернулся бы катастрофой. Щигалей сидел в Казани непрочно. Человек жестокого нрава, он конфликтовал с подданными. Подливало масло в огонь и то, что русских пленников, оставшихся у местных, после отхода большой рати князя Булгакова, отдавали очень неохотно. А Иван IV нажимал в посланиях к Щигалею: если на русскую землю не вернется хотя бы один христианин, то ему придется вновь применить силу. Часть казанской знати обратилась к Ивану Васильевичу с просьбой дать Казани русского наместника вместо непопулярного «царя» Щигалея.

И Щигалей продержался недолго. В марте 1552 г. он сошел с Казани. Обещая местным «мурзам» и «уланам» мирное прощание, он попросил сопроводить его до Свияжска. Но дойдя до русского города, он велел взять под стражу 84 знатных людей.

Иоанно-Предтеченский монастырь

Своевольная казанская «аристократия» не имела единого мнения: принять ли действительно русского наместника или же вернуть себе независимость? Переговоры с князем Микулинским велись сначала в самом благожелательном тоне. Вроде бы Казань готовилась подчиниться ему, как представителю Ивана IV. Однако потом в городе произошли волнения, и верх взяли противники подчинения. Старая договоренность оказалась нарушенной. Семена Ивановича не пустили в Казань. Он приказал арестовать представителей города, но посадов пока не жег и к стенам не приступал. Отчасти он надеялся все-таки окончить дело миром, отчасти же просто вел себя осторожно: за его спиной стояла Москва с ее многотысячными ратями, но здесь, в Свяжске, князь располагал лишь маленьким воинством полумертвых от цинги людей. Семен Иванович старался сохранить силы для обороны своей деревянной крепости, если дело дойдет до настоящей войны.

Так и произошло. Казанцы, осмелев, попытались вернуть силой «горную черемису», перешедшую под власть русского царя. Почувяв слабость свияжского гарнизона, местные князьки принялись баламутить народ: не перекинуться ли опять под руку Казани?

Князь Микулинский отправил отряды для блокирования «перевозов» через Волгу и запросил немедленной подмоги у Москвы. С великим поспешением помощь ему была отправлена, и прибыла она вовремя. Казанская земля превратилась в кипящий котел. «Черемиса» изменила вся, полностью. На русские отряды постоянно совершались нападения, пленники подвергались казни, исчезали «воеводские стада». В Казань тайно пробрался астраханский и ногайский «царевич» Едигер, ставший новым казанским ханом. Во всей этой кровавой каше единственным несокрушимым оплотом русской власти оставался Свияжск. Семен Иванович держал его крепко и не собирался отступить.

Учитывая прибывшее на помощь войско, в распоряжении русских оказалось около 15 000 конницы да несколько тысяч стрельцов. Явно недостаточно для того, чтобы контролировать все казанские земли. В Москве пришли к выводу: нового большого похода не избежать. И начали готовить армию.

Митрополит Макарий, желая укрепить сердце князя Микулинского и дух его подчиненных, отправил в Свияжск послание, написанное в мае 1552 г. В нем митрополит увещевал войско, больше года простоявшее вдалеке от семей и родных домов, удерживаться от содомского греха. Макарий требовал также у воеводы и всего свияжского гарнизона соблюдать Господни заповеди, быть образцом христианской добродетели в земле, на которую должен быть распространен свет православия. В послании, среди прочего, говорилось: «Чада! Вам следует исполнять евангельские заповеди и апостольское и отеческое предание. Вы обязаны также учить и наказывать во благо тех, кто вам подвластен, поскольку вы — голова, и не попускайте прочим заблудить от истинного пути Божия».

Наконец отряды для очередного похода соединились.

Летом 1552 г. на Казань пошла новая русская армия, собравшая в кулак вооруженные силы всего государства. С нею шел и сам Иван IV. Поход безуспешно пытались сорвать крымцы, но были отброшены под Тулой. Русские полки неотвратимо двигались к своей цели.

Тем временем на территории Казанского ханства готовили отпор. Бунтовавшая «черемиса» начала собираться для контрудара, но князь Микулинский, узнав об этом, вышел из Сви-

Святитель митрополит Макарий

яжска и разгромил ее. В июле об этом доложили Ивану IV, а в августе воевода уже и сам встречал царскую рать в Свяжске. К гарнизону присоединилось 4000 черемисских бойцов под командой «замирной» знати.

Огромное войско отдыхает после долгого перехода, набирается сил, молится в недавно построенных храмах. Несколько

дней спустя оно выходит для последнего броска к столице ханства, и вместе с ним прощается со Свяжском и Семен Иванович. Ему вновь достался передовой полк.

Долгое, трудное, опасное «свяжское сидение» закончилось. Князь Микулинский провел на этой рискованной работе год и три месяца. В его жизни не было ничего более ответственного и более важного для судьбы всей России. Что же, дело он свое сделал, Свяжск удержал.

Взятие Казани

Русская армия приступила к решению тяжелой задачи: осаде и взятию Казани.

В истории казанской эпопеи князю Микулинскому отведена особая страница. Когда город был плотно обложен русскими полками, за спиной у них оказались крупные силы татар и «черемисы», изо дня в день беспокоившие наших. Две вражеских рати — конная и в стругах — составляли около 25 000 бойцов. Порой очередной набег на русские позиции превращался в настоящее сражение. Воевода князь Андрей Курбский, участник «казанского взятия», жаловался впоследствии, что войску наносили большие потери отряды татар, скрывшиеся в лесах и нападавшие на тылы русских полков. Не хватало продуктов, даже сухарей. Всякую ночь многие люди оставались без сна, стоя в караулах при артиллерийских орудиях. Курбский, в частности, пишет: «Хуже всего от этих набегов было тем христианским полкам, которые, как мы, стояли на Арском поле у Галицкой дороги со стороны луговых черемисов... А что бы я рассказал о том, какой урон наносили нам в людях и лошадях, когда ездили наши слуги добывать траву для лошадей, притом что командиры, охраняя их со своими отрядами, не всегда могли защитить их вследствие коварства басурман и стремительных, внезапных и быстрых их набегов? Действительно... не написать в подробностях, сколько их убито и ранено»⁸⁰.

Бедствия, испытанные армией под Казанью, колебали решимость монарха продолжать осаду. Разделились мнения и его воевод. Многие, видя неудачу открытых приступов, минной войны и особенно страшный ущерб от действий внешних от-

рядов, поговаривали о возвращении домой. Семен Иванович оказался среди тех, кто старался укрепить волю Ивана IV к одолению неприятеля.

В конце концов русское командование выделило особый трехполковой корпус, предназначенный для ликвидации деблокирующей группировки неприятеля. Его сняли с осадных работ и направили для борьбы с внешними силами врага. Начальником корпуса стал боярин князь Александр Борисович Горбатый, а передовой полк отдали Семену Ивановичу. По сведениям Курбского, под их руководством находилось около 30 000 дворянской конницы, а также 15 000 казаков и стрельцов. Возможно, это преувеличение, но в любом случае силы, отобранные для внешнего рейда, были весьма значительными.

В первом бою, недалеко от русских осадных укреплений, наши воеводы заманили противника под удар засады и разгромили его наголову. Путь к отступлению отрезали стрелецкие сотни. Враг, оставляя на поле бесчисленное множество мертвых тел, обратился в беспорядочное бегство. Около 1000 воинов попали в плен (по другим данным, около 400).

Но в лесах оставались большие отряды. Поэтому 6 сентября 1552 г. корпус Горбатого-Шуйского отправился искать встречи с основными силами неприятеля.

*Взятие Казани Иваном Грозным.
Художник Б.А. Чориков*

Роль главной базы, опираясь на которую действовали внешние отряды татар и «черемисы», играл «Арский острог». Русским полкам достался крепкий орешек: острог стоял на высокой горе, среди болот и оврагов, мощные стены с башнями и бойницами преграждали путь штурмовым отрядам, а защитники готовились к решительному отпору. У Арского острога наш корпус стоял два или даже три дня. Первый приступ окончился неудачно: дворяне, спешившие с коней, пошли в атаку вместе со стрельцами, но их встретил плотный огонь из пищалей, луков и пушек. Горбатый-Шуйский, оставив князя Микулинского, попытался найти обходной путь в болотах, но неизвестно, удалось ли ему найти уязвимое место в обороне Арского острога. Семен Иванович и его помощник Данила Романов со своими бойцами оказались основной силой, штурмовавшей укрепления. Князь Микулинский, не зная, удастся ли затея начальника, видел перед собой только один маршрут для приступа, и он упирался в главные ворота острога. Воевода, не тратя сил напрасно, дождался подхода артиллерии. Он сосредоточил мощную батарею против ворот острога, поставил рядом с ней стрельцов и велел бить по цели до полного сноса укреплений, не давая «черемисе» отвечать огнем со стен. Артиллерийская бомбардировка оказала решающее воздействие: защитники сдались. В остроге оказалось «двенадцать арских князей», «семь черемисских воевод», двести или триста «сотников и старейшин», а также до 5000 бойцов⁸¹. Нашим полкам досталась богатая добыча.

Всего ночь отдыхали в захваченном остроге войска Горбатого-Шуйского и Микулинского. Затем они отправились в сторону большого «Арского городища» или «Арского города» — регионального центра. Его «черемиса» побоялась защищать и сдала без боя. Так же, как и множество других городков, сел, деревень, не оказавших никакого сопротивления после того, как пала главная твердыня — «Арский острог». На протяжении десяти дней наши полки прошли всю Арскую область, захватывая скот и пленников. Голодная армия отъедалась на богатых хлебах. Как напишет через много лет Курбский, войско «застряло» там, «...потому что в земле той большие поля, чрезвычайно изобильные и щедрые на всякий плод... села

часты, а хлеба всякого такое множество, что поистине невозможно рассказать и поверить — сравнимо, пожалуй, со множеством небесных звезд! Бесчисленно также множество ценной добычи и стад разного скота...» Пригнав скот к полкам, осаждавшим Казань, воеводы сняли их с «голодного пайка».

В «Арском остроге» и других населенных пунктах русский корпус освободил от многолетнего рабства множество пленников, отправленных впоследствии на русскую землю через Васильсурск.

Вернувшись из похода, Семен Иванович успел принять участие в решающем штурме Казани. Официальная летопись сообщает, что князя под конец битвы отрядили перехватывать татарские отряды, пытавшиеся пробиться из города, когда его участь была окончательно решена. С этим делом Микулинский успешно справился, однако его «работа» в тот день далеко не ограничивалась ловлей беглых казанцев.

Из воинской повести «Казанская история» известно, что Семен Иванович с частью полка дрался на ответственном участке не только *после*, но и *во время* общего штурма. Он прорывался в Муралиевых воротах, расположенных в северной части Казани, у самого ханского дворца. Князь оказался в гуще рукопашной схватки. Здесь ему нанесли множество легких ранений. Через несколько дней лекари поставят Семена Ивановича на ноги. Но тот решающий штурм принес ему потерю горшугу, нежели кровь, вытекшая из его ран. Выстрелом из казанской пушки убило его брата, Дмитрия. Обезображенное тело Дмитрия Микулинского слуги едва смогли вытащить из свалки.

Ожесточенный бой был перенесен от ворот и брешей в стенах на улицы города. Русские постепенно ломали сопротивление защитников. Был миг, когда русских бойцов явно не хватало, исход всего дела заколебался. «С некоторых... казанцев сошел страх перед смертью, и расхрабрились они, и встали в городских воротах и возле проломов, и схватились с русскими и татарами (служилыми татарами Ивана IV. — Д.В.), смешавшись в яростном бою с... воинами, уже проникшими в город, и крепко бились, рыча, словно дикие звери. И страшно было видеть храбрость и мужество тех и других... Отчаявшись

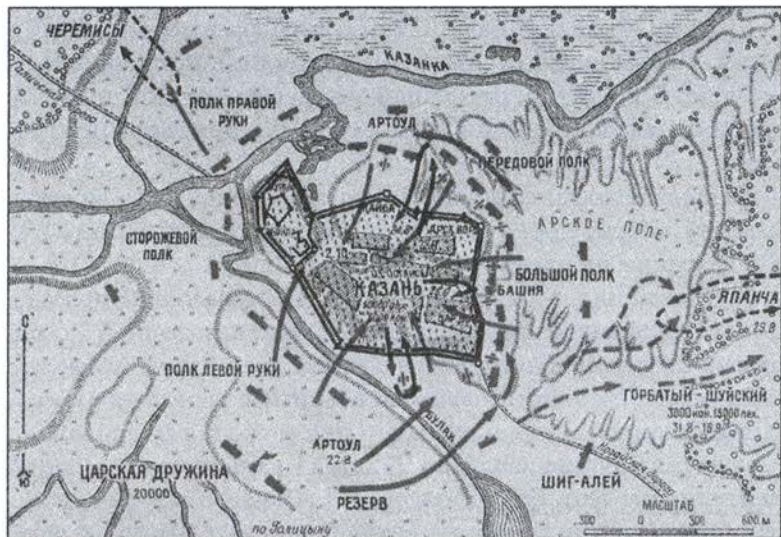

остаться в живых, крепко бились они, неотступно твердя себе: «Все равно нам умирать!» И трещали копыта, и сулицы, и мечи в их руках, и гремели, словно сильный гром, голоса и крики и тех и других...»⁸² Подход свежих подкреплений окончательно решил дело в пользу русского войска. В итоге последние бойцы, еще державшие в руках сабли, либо погибли, либо сдались на милость победителя.

2 октября 1552 г. город был взят.

Московские ратники захватили самого хана казанского Едигера. Напротив, многие тысячи русских пленников, пребывавших у казанцев в рабстве, были освобождены и отправлены домой.

Казань перестала быть страшной угрозой всей восточной окраине Московского государства. На протяжении нескольких десятилетий местные жители поднимали бунты, но неизменно бывали разбиты. Постепенно произошло «замирение» края и переселение туда множества выходцев из центрально-русских областей. Казанское ханство влилось в Россию и стало частью его территории.

Взятие Казани русскими войсками 2 октября 1552 г.

Поход на «черемису»

Весной — летом следующего года Семен Иванович вновь был призван на службу. В Серпухове он стоял как царский воевода рядом с войсками удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. И царские полки, и удельные выставлены были «на берег» для защиты от крымцев. 1 августа князя «отпустили» из Серпухова «для казанской службы».

Это означало следующее: после покорения Казани очень быстро начался первый мятеж «луговой черемисы». Несколько месяцев Микулинский готовил к походу армию, во главе которой отправился воевать в отлично ему знакомых местах. Войско двинулось под Казань в декабре 1553-го. По дороге к нему присоединился отряд из свияжского гарнизона, а также мощный корпус служилых татар.

А в феврале 1554 г. из тех мест в Москву прибыл от князя Микулинского гонец, Назарий Глебов. Он сообщил о полной и совершенной победе.

Русские полки прошли мятежные земли вдоль и поперек, уничтожая неприятельские отряды. Они двигались по «Арским местам», где, неподалеку от Казани, жила «черемиса», по землям чувашей, по рекам Каме, Меше и Вятке, добрались до Уржума. Основная база мятежа, городок на Меше, был сожжен. Огнем и мечом князь Микулинский очищал область от бунта. В конечном итоге представители местной знати попросили мира, изъявив готовность покориться, платить дань.

Наше войско взяло в плен 6 «честных людей», т.е. представителей знати, военачальников, а также освободило еще 8000 русских из плена.

К 1554 г. князь Семен Иванович Микулинский подошел зрелым человеком. Ему 44 года, он знаменит по всей России своими победами и погружен в военное дело более, чем во что-либо другое. За блистательными военными успехами «командарма» стояла нелегкая судьба. Отец и братья полководца к тому времени ушли из жизни. В детях князь также не мог найти утешения, ведь Бог их ему не дал. Семен Иванович знал: с его кончиной вся семейная ветвь Пунковых-Микулинских, как тогда говорили, «изведется». Жену он видел в перерывах

между походами. Лучшая часть жизни прошла в службах, сидении по дальним городам да в сражениях.

Может быть, Семен Иванович хотел от этой жизни чего-то еще, чего-то большего, ему не хватало каких-то неведомых радостей или перспектив. Поэтому, когда бес лукавый подсунил ему соблазн, князь поддался. В душе, как видно, стало пусто, и служба ту пустоту не закрывала полностью.

Опала

В 1554 г. блистательная карьера князя Микулинского прервалась по политическим причинам.

Еще в 1553-м на Москву легла тень смуты. Молодой царь тяжело заболел и потребовал от вельмож дать присягу малолетнему сыну Дмитрию... Но у тех были свои соображения по поводу того, кому отдать престол. И на месте малыша-наследника многие видели его взрослого родича — князя Владимира Андреевича Старицкого. Был в одной «думе» с аристократической партией, которая хотела служить князю Владимиру Андреевичу Старицкому, и князь Микулинский. Но тогда его «шатание» осталось для царя тайной. Иван IV выздоровел, вопрос о престолонаследии оказался снят сам собой, а в поле зрения государя оказались только явные бунтари.

На следующий год за рубеж пытался бежать князь Семен Лобанов-Ростовской, входивший в эту группировку, но попался и в ходе расследования выдал многие имена, в том числе и своего тайного единомышленника — князя Микулинского. Масла в огонь мог подлить тот факт, что воевода стоял тогда в Серпухове по соседству с удельной армией Владимира Андреевича Старицкого: это наводило на мысль о подготовке военного переворота... С тех пор Семен Иванович на пять лет исчезает из летописей и воеводских списков. Очевидно, его постигла тяжкая опала... Бог весть, сколь суровым вышло наказание. Тот же князь Лобанов-Ростовский чуть не лишился головы, но по заступничеству митрополита сохранил жизнь, отправившись в тюрьму на Белоозеро. Надо полагать, с недавним победителем «черемисы» обошлись намного мягче, но к государственным и военным делам его больше не подпускали.

Соблазн политической интриги скосил многих знаменитых «командармов» грозненского времени. Некоторые «удостоились» опалы, ссылки, насильственного пострига в монахи, кто-то впал в бесчестие, а кого-то и жизни лишили. Они летали высоко, наши полководцы того времени. Но все дело в том, что военная элита на две трети была тождественна элите политической. Судьбы страны, государственных учреждений и самой династии нередко держали в руках те самые «командармы», которым назавтра после очередного заседания Боярской думы надлежало убыть на «боевое дежурство» куда-нибудь в Серпухов — отражать крымцев. И чуть только поддавался аристократ, военная косточка, соблазну подправить нечто большее, нежели порядок старшинства подчиненных ему воевод, так его сейчас же могло постигнуть большое несчастье. Тех, кому ведомы вершины жизни этой, Господь знакомит и с пропастью, с самым их дном...

Лишь в связи с началом Ливонской войны Семена Ивановича вновь призывают на царскую службу. Ему повезло «воскреснуть» от государевой опалы.

Битва у Чествина

Ливонская война, которая принесет России и великие победы, и великие тяготы, начиналась триумфально. Русским воеводам сдались Юрьев, Нарва, Раковор и многие другие города. Однако в конце года власти Ливонского ордена опомнились и собрали силы для контрнаступления. Войска орденского магистра нанесли несколько чувствительных ударов. В перспективе это грозило для Московского государства потерей стратегической инициативы.

Тогда из Москвы пришел приказ: провести акцию устрашения, которая надолго отобьет у ливонцев охоту к такого рода затеям.

В декабре 1558 г. «на ливонские немцы» отправилась рать из пяти полков под командованием князя Семена Ивановича Микулинского. Старшим по знатности в этой войске был служилый татарский «царевич» Тохтамыш. С русскими полками шел огромный сводный корпус служилых татар и северокавказских народов. Псковский летописец с изумлением перечис-

ляет их отряды: «...черкасы пятигорские и царевич Тохтамыш и татары и черемиса юрьевские».

Армия князя Микулинского ворвалась на земли Ордена в районе Алыста (Алуksне) и двигалась в общем направлении на Ригу. Стояли страшные морозы, и старожилы удивлялись, как можно воевать в такую стужу! Тем не менее воевода «пустил войну» на огромной территории: «Не было места, где бы не воевали, — сообщает летописец. — И разорили той зимой 7 городов, множество кораблей пожгли в море под Ригою». У Чествина ливонцы выставили заслон, который атаковал передовой полк русских. Подробности боя неизвестны, но, судя по потерям, сеча выдалась жестокая... В сражении противник был разгромлен, причем на месте легло 400 вражеских бойцов, погибли «воеводы немецкие Гедерт и Ганус».

Боевые действия начались в середине января, а уже 17 февраля 1559 г. армия вернулась на русские земли с «бесчисленным множеством» пленников, среди них — 34 дворянина и некий Янатув, «печатник» архиепископа Рижского. По официальному отчету Семена Ивановича, ливонцы принуждены были оставить 11 «городков», которые были выжжены московскими воеводами. Русские отряды вывезли оттуда колокола, артиллерию и ценное имущество, но гарнизоны оставлять в опустевших и выгоревших укреплениях не стали, поскольку они располагались далеко от русского рубежа, и вовремя поддержать их в случае контрнаступления ливонцев все равно не удалось бы.

Это был серьезный успех. Ударный кулак Ордена утратил боеспособность. Бить стало нечем. Иван IV, вполне удовлетворенный действиями князя Микулинского, «послал с жалованием» ему и его воеводам⁸³. Вскоре на Ливонском театре военных действий установилось полугодовое перемирие.

В воинской повести «Казанская история» рассказана история смерти князя. Возвращаясь из Ливонского похода, Семен Иванович нес «на шее своей смертельную рану», от которой вскоре скончался на пятидесятом году жизни⁸⁴. Князь навеки закрыл глаза в августе 1559 г. Его тело «проводил до могилы» сам царь. Похоронили воеводу в родовом гнезде — Мику-

лине, в каменном храме, построенном по распоряжению покойного. Богомольный, значит, был человек...

Этот храм дошел до нашего времени. Он имеет древнюю историю и является семейной усыпальницей князей тверского рода. Предположительно, первая церковь на этом месте возникла в 1398 или 1399 г.: ее возвели по приказу князя Михаила Александровича. А в середине XVI века Семен Иванович выстроил на месте обветшалого здания новый храм, удивительно красивый, поражающий до сих пор необыкновенной гармонией архитектурных форм.

Автор «Казанской истории» оплакивает кончину князя печальными словами: «Прегорькая, злая смерть, ни красоты человеческой не милующая, ни храброго мужа не щадящая, ни богатого не почитающая, ни царя, над многими властвующего, не боящаяся, но всех равно из этой жизни забирающая и в темный гроб кладущая трехлокотной, засыпаемый землей! И кто может избежать крепкой твоей хватки? И куда девается тогда красота, храбрость и слава — все мимо проходит, словно сон».

Но так ли горька гибель от смертельной раны в сорок девять лет?

Ведь это — превосходная смерть для полководца. По сравнению с прочими «большими воеводами» того времени князь Микулинский — настоящий счастливчик. Наши «командармы» грозненской поры жили трудно. Колотушка войны часто выбивала их из жизни до срока, а кому-то доставалась смерть пострашнее военной. Петр Шуйский погиб от рук жадных крестьян после тяжелого поражения, Ивана Шуйского убили за интригу, Алексея Басманова казнили по подозрению в измене, Ермак погиб в бою, Иван Бельский задохнулся от пожарного зноя и дыма, Михаила Воротынского истребили по причинам, до сих пор не понятным, Юрий Токмаков умер в походе... Везло на хорошую кончину немногим. Разве что Дмитрию Хворостинину, да в какой-то степени Ивану Мстиславскому.

Так вот, Семен Иванович скончался дома, как победитель, в чести и славе человека, никем никогда не битого.

Что может быть лучше для «командарма»?

СПЕЦИАЛИСТ ПО ЮЖНОМУ НАПРАВЛЕНИЮ. КНЯЗЬ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ

Князь Михаил Иванович Воротынский был чудовищно богат.

В предыдущих главах рассказывалось о тех полководцах, которые располагали в жизни сей солидным подспорьем для безбедного существования — крупными земельными владениями. А земля в эпоху Средневековья играла роль главного богатства. Пожалуй, лишь Хворостинин первую половину жизни провел как средней руки помещик, да и то в зрелые годы он получил значительные пожалования, став видным землевладельцем. Ну а Микулинские, Шуйские, Мстиславские были не ему чета — из богатейших людей Русского царства.

Но что они — все они! — такое по сравнению с князем Воротынским? Голь, беднота. *Никакого сравнения.*

Ибо после кончины нескольких родственников Михаил Иванович оказался владельцем колоссальной области, включившей несколько городов: Перемышль, Старый Одоев, Новосиль, часть Воротынска и другие волости. Фактически князь Воротынский был хозяином территории, равной европейскому государству средних размеров. К тому же в отношении своих земель он имел права полусамостоятельного правителя. Этого хватило бы вполне, чтобы сделаться *полностью самостоятельным* государем, независимым и от Москвы, и от Литвы. Доходы, которые он получил с нескольких городов, а также войско, которое он мог выставить в одиночку, без каких-либо союзников, позволяли такой оборот событий. Препятствовало подобному кульбиту, по большому счету, одно. Если посмотреть на карту, станет ясно: «держжава» Воротынского располагалась к югу от основного течения Оки, по соседству с Диким полем. Поэтому, порвав с сюзеренитетом московских государей, Воротынский оказался бы под ударом с трех сторон. Его «княжество» превратилось бы в «трофей» для той же Москвы, для Литвы и — хуже всего! — для воинственных

крымцев, которые разорили бы его города за два или три года. Без союзников на юге в ту пору было не выжить...

Для простого выживания требовалось, чтобы на главный оборонительный рубеж русских земель, к Оке, выходили «государевы большие воеводы» с грозными полками Московского царства. Пока эта сила нависала смертельной опасностью над пестрыми отрядами татарских «царей», «царевичей», «уланов» и «мурз», за Окой могло существовать русское землешество, могли цвести русские города.

Эти обстоятельства повлияли на весь ход судьбы князя, на всю его карьеру.

Во-первых, его никогда, ни единого раза, не использовали как военачальника в Карелии, на литовском и ливонском рубежах. Только на юге и юго-востоке. Это и выглядит естественно: здесь князь мог свободно располагать воинскими силами своих городов, быстро собирать их и бросать на отпор неприятелю.

*Василий III на гравюре
западноевропейского мастера*

К тому же он был кровно заинтересован в том, чтобы принадлежащие ему земли не разорялись от татарских набегов... Так Воротынский волей-неволей оказался «специалистом» по южному направлению.

Во-вторых, благодаря полной экономической самостоятельности и политической силе Михаила Ивановича московское правительство вечно опасалось измены с его стороны. Когда перебежчиком становится провинциальный сын боярский — это, по большому счету, ерунда в масштабах всего государства. Когда бежит за рубеж окольный или боярин (особенно если это значительный воевода), — это болезненная проблема, крупная неприятность... Но, в общем, подобная «авария» тоже исправима. А вот переход на неприятельскую сторону такого «полудержавного властелина», как Воротынский, или хотя бы какая-то тайная договоренность его с крымцами (скажем, о беспрепятственном пропуске их войска через владения князя), могли обернуться катастрофой. Михаила Ивановича побаивались, за ним приглядывали, его «обезвреживали» опалой; исход его судьбы отчасти предreshен был высочайшим положением князя. Такой крупный человек жерновами московской государственности не перемалывался, не становился меньше — настолько меньше, чтобы стать безопасным... Казнь притягивала к себе Воротынского, притягивала, звала, несколько раз приближалась вплотную, заглядывала в самые очи, но медлила; под конец она все-таки добралась до князя. Смерть его была нехороша, никому не пожелаешь такой смерти. Он ушел из жизни в терновом венце опального победителя, фальшивого изменника. Ушел страшно. Неудобный человек, он принадлежал минувшей эпохе. В XV веке десятки таких властителей правили лоскутной Русью. В XVI осталось двое-трое. Но и этого было слишком много, ибо время поменяло цвета. Единодержавие утверждало себя сталью и кровью. Оно было благом, и в то же время — тяжким бременем для страны.

Воротынские происходили от черниговских князей Рюриковичей. Их семейство перешло на службу великому князю московскому Ивану III Великому в 1487 г. Затем они служили — иногда удачно, иногда не слишком — его наследнику Василию III.

Исчерпывающее «резюме» всей карьере отца нашего герцога, князя Ивана Михайловича, принадлежит перу историка А.А. Зимина: «И.М. Воротынский при дворе Василия III занимал высокое положение “слуги”, сохраняя остатки былой независимости. В военных действиях он принимал участие только тогда, когда речь шла о южных и западных границах Руси, т.е. о территориях, непосредственно связанных с его уделом... В военных службах при кн. Иване, как и при других служилых князьях, то в первых, то во вторых воеводах неотступно находились московские военачальники, как бы страхуя Василия III от возможной измены Воротынского князя. Самостоятельное руководство крупными вооруженными соединениями И.М. Воротынскому не поручалось»⁸⁵.

Остается добавить: ни отцу Михаила Ивановича, ни ему самому долгое время не давали думных чинов, позволявших проявить себя у рычагов центральной власти. Отец князя ушел из жизни, так и не получив боярского (и даже окольного!) чина. Михаилу Ивановичу боярство досталось всего за несколько лет до гибели. Причина проста: все та же осторожность московского правительства, все то же недоверие его к богатым служилым князьям. В ряде случаев этот расчет полностью себя оправдывал. Так, в регентство Елены Глинской бежали в Литву князь Семен Федорович Бельский и окольный Иван Васильевич Ляцкий, две очень крупные фигуры. Первый из них впоследствии наводил татар на русские «украины».

В середине XVI столетия переходы представителей русской служилой знати в Литву стали довольно часты. Тут было чего опасаться...

Первая опала

В первую опалу Михаил Иванович попал вместе с отцом, как раз по делу о перебежчиках Бельском и Ляцком. Летопись бесстрастно доносит историю большой трагедии: «Со службы... из Серпухова побежали князь Семен Федорович Бельской да окольный Иван Васильевич сын Лятцкого с сыном. А советников их, брата князя Семенова князя Ивана Федоровича Бельского же да князя Ивана Михайловича Воротынского же и з детьми (а значит, и с юным Михаилом Воротынским. — Д.В.),

велел поимати князь великий и мати его великая княгиня и, оковá, за приставы посадити»⁸⁶. Это произошло летом 1534 г. Какие-то связи между Воротынскими и Ляцким действительно могли иметь место. Так, Иван Михайлович был женат первым браком на Анастасии Ивановне Захарьиной — близкой родственнице И.В. Ляцкого. Подозрения в том, что князь сыграл роль «советника» в «изменном деле», — как тогда выражались, небеспочвенны.

Видимо, условия содержания под стражей оказались тяжелыми — через год Воротынского-старшего не стало. Для него это была вторая большая опала. Первая, относящаяся к 1522 г., продлилась три года и, надо полагать, подкосила его здоровье. Что ж, дети не отвечают за грехи отцов, но часто следуют дорогами, которые были когда-то избраны их родителями. Так вышло и в судьбе Михаила Ивановича.

В каком возрасте он попал под удар тяжелой правительственной длани? Точно сказать трудно. От ареста до первых служб его отделяет почти десятилетие. В 1534 г. его считают еще слишком молодым для того, чтобы играть самостоятельную политическую роль, но все же не столь маленьким, чтобы от него совсем не исходило угрозы правящему дому. Елена Глинская, прожив после смерти мужа, Василия III, пять лет, словно птица крыльями закрывала птенцов. Она всею огромной властью регентши была по малейшим врагам маленьких сыновей, оставшихся без отца. Она не щадила никого и в любом неповиновении могла усмотреть большую опасность для потомства. В будущем так же станет действовать Екатерина Медичи... Так вот, младенца Елена Глинская, быть может, еще пощадила бы, но юноша должен был отправиться в заключение вместе с отцом. Таким образом, Михаилу Ивановичу тогда было, всего вероятнее, где-то между пятнадцатью и восемнадцатью годами. Для московской старины пятнадцать лет — возраст очевидной зрелости, пора на службу, да и жену можно заводить... Возраст, когда человек еще юн, но уже может представлять угрозу. Стало быть, родился будущий «командарм» приблизительно между 1516 и 1519 гг.

Вместе с тем, по свидетельству кн. А. Курбского, князь Воротынский умер, несколько не достигнув шестидесятилетия.

То ли нескольких месяцев, то ли нескольких лет — по тексту понять невозможно. Это произошло в 1573 г. Следовательно, речь идет о 1516 г. рождения, плюс-минус год-другой.

Первая служба

Начало служебной деятельности вышло у Воротынского довольно дюжинным. Его карьера стартовала без особого блеска — с точки зрения военного искусства. Вплоть до взятия Казани в 1552 г. Михаил Иванович не проявлял выдающихся полководческих талантов. Иногда в нем виден честный служилец, иногда — нечто худшее и меньшее, нежели простой честный служилец. Правда, за долгие годы «работы» на южной направлении князь Воротынский набрал колоссальный боевой опыт, который впоследствии очень ему пригодится.

Знатность и богатство Михаила Ивановича с первых служб выдвигают его в высший эшелон армейской иерархии.

В августе 1542 г. он участвует с отрядом из Одоева в погоне за отступающими крымцами. Погоня заканчивается, как уже говорилось в предыдущей главе, боем на поле Куликовом, выигранном русскими.

В июне 1543 г. мы видим Михаила Ивановича в роли первого воеводы с отрядом у Белёва. Годом позже Воротынский служит в Калуге наместником, а заодно числится вторым воеводой в большом полку армии, вышедшей для «береговой службы».

Спустя полгода, в декабре 1544-го, князь, что называется, сплоховал. Впрочем, не он один. «Безвестно» к Белёву и Одоеву пришло большое войско крымцев во главе со старшим сыном хана, «царевичем» Имин-Гиреем. Это не было «великое нашествие», как, например, в 1541 г. Для русских воевод, оборонявших тогда южный рубеж — князей Петра Щенятева, Константина Курлятева и Михаила Воротынского — не составило бы особого труда отбить «царевича». Но они сами разрушили боевое единство, затеяв тяжелую местническую свару. Летописец с ужасом сообщает: «Того ради не пошли помогать тем местам, из-за чего татары, захватив многих пленников, ушли». Это был большой позор.

И следующее назначение князя Воротынского свидетельствует о том, что его постарались вразумить. Он «годует» на

воеводстве в далеком и опасном Васильсурске. Должность явно не по нему, уровнем ниже. Что же, впредь — наука, когда надо проявлять быстроту и расторопность...

В 1547—1550 гг. Михаил Иванович принял участие в двух больших царских походах против Казани, возглавляя отдельные полки. В ту пору он не снискал ни большой славы, ни большого позора. Просто теперь он хорошо знал не только крымское, но и казанское направление.

С весны 1550 г. князь Воротынский поставлен в наместники на Костроме. Несколько месяцев спустя в этой должности он участвует в отражении крымских татар. Весну 1551-го воевода встречает в своем Одоеве. А осенью сторожит ногайцев на Рязани.

Любопытно, что к началу 1550-х относится получение Воротынским высокого звания «слуги» государева, — на всю Россию таких было лишь несколько человек среди служилых князей. Но это звание он мог получить после нескольких лет военной службы, главным образом по знатности и богатству. На его положение в системе чисто армейских чинов оно не повлияло.

Настоящую большую славу принесет Воротынскому Казань. До нее князь выглядит как один из множества русских воевод, ничем не прославившихся и мало известных даже современникам.

Герой «Казанского взятия»

О «Казанском взятии» в этой книге рассказывалось уже дважды: в главах, посвященных князьям Мстиславскому и Микулинскому. Повторять все ранее сказанное нет причин. Имеет смысл рассказать лишь о том, что связано с участием Михаила Ивановича в казанской эпопее.

Прежде всего, когда огромная русская армия двинулась к Казани, крымский хан Девлет-Гирей нанес отвлекающий удар. Под Тулой явилась орда из семи тысяч конников под командой одного из крымских «царевичей». Возможно, целью этого удара был срыв большой экспедиции под Казань.

Семитысячный отряд прошелся под Тулой «скорым изгоном», разведал обстановку и вызвал отвод из состава главных

сил Ивана IV некоторых частей под командой пятерых опытных воевод. Одним из них был князь Воротынский.

Рейд крымцев ввел в заблуждение и русское командование, и самого Девлет-Гирея. 21 июня тульский воевода князь Григорий Иванович Темкин-Ростовский отправил гонца: отражаем малые силы неприятеля. В ответ пошли на помощь Туле те самые отряды пяти воевод. Подумав, Иван IV на всякий случай остановил государев полк — ядро всей армии — и развернул его на оборонительной позиции в районе Каширы. Татары же, вернувшись из рейда, доложили Девлет-Гирею: у Тулы и далее, на север, сколько-нибудь крупных сил у русских нет. 22 июня у стен города появился сам крымский хан с артиллерией и в сопровождении отряда турецких янычар. Вот это уже было очень опасно. Разворот государева полка в подобной ситуации оказался весьма уместен.

Маленький гарнизон Тулы героически отбил первый приступ, а население погасило пожары, начавшиеся от вражеской пушечной стрельбы. Однако те, кто заперся в Туле, знали: от главных сил Девлет-Гирея им не отбиться. Новый штурм мог оказаться для защитников города последним. Оставалось молить Бога о быстром приходе подмоги...

Но как только на горизонте появились облака пыли от русских отрядов, шедших на помощь Туле, крымцы отступили. Они уже знали, что армия Ивана IV задержалась и могла в любой момент обрушиться на них всей массой. За три часа до подхода передовых сил русских воевод Девлет-Гирей покинул позиции у города. Князь Темкин-Ростовский, совершив вылазку, нанес татарам серьезный урон. Он захватил несколько пушек с боеприпасами, перебил множество крымцев, в том числе ханского шурина Камбирдея.

Ни сам Иван IV, ни пятеро царских воевод *не дошли* до Тулы. Не успели. Оказывается, два маленьких гарнизона — из Пронска и Михайлова — отправились выручать своих. Именно эти воинские команды Девлет-Гирей принял за основные силы Ивана IV. Они же долго гнались за крымцами, отбивая добычу и пленников, громя отставшие банды захватчиков.

Туле очень повезло.

24 июня все было кончено. Отряды воевод, направленных к Туле, вернулись в состав большой армии, — среди них и отряд Михаила Ивановича.

Ее движение возобновилось.

Когда русские войска пришли к Казани, Воротынский числился вторым воеводой большого полка.

Через два месяца после тульских боев, в 20-х числах августа, наши полки блокировали Казань, начав правильную осаду. На их стороне была мощная артиллерия, общий высокий боевой дух, огромная численность войска, наличие опытных иностранных военных инженеров, а также присутствие в армии самого царя, что само по себе укрепляло волю осаждающих. За казанцев была отчаянная решимость защищаться, значительные силы, собранные для защиты города, мощные укрепления и сильная рать, оставленная за его пределами для нападений на русские позиции извне. Впрочем, последнюю в результате ожесточенных боев к середине сентября разгромили кн. А.Б. Горбатый-Шуйский и кн. С.И. Микулинский.

А вот сама столица ханства доставила царскому войску немало хлопот.

Часть большого полка, подчиненная Михаилу Ивановичу, спешила и занялась самой рискованной и самой тяжелой работой. Людям князя велено было подкатывать к стенам крепости «туры» — осадные укрепления в виде башенок. Делалось это под жестоким огнем противника. Тогда-то и начались деяния Воротынского, принесшие ему славу души «Казанско-го взятия». 26 августа 1552 г. перед четырьмя воротами Казани — Царевыми, Арскими, Тюменскими и Аталыковыми — началось строительство мощных земляных укреплений, а туры двинулись к стенам города. Перед турами пошли служилые казаки, боевых холопы, а также стрельцы, постоянно бывшие по татарам из пищалей. За громоздкими деревянными башнями двинулись хорошо вооруженные дворяне под командой самого воеводы. Сзади Воротынского поддерживали пальбой из осадных орудий.

Успех дался непросто. Казанцы устроили вылазку, бросившись на казаков и стрельцов. Воевода с дворянами контратаковал. «И была сеча велика и преужасна, от пушечного бою и

от пищального грома, и от воплей с обеих сторон, и от трескотни оружия, не стало слышно команд. Стоял как бы гром великий с молниями от множества пушечного огня и пищального стреляния и дымного курения. Бог помог православным, одолели они безбожных, убили множество татар и во град вбили их, и городские мосты наполнились мертвецами», — вещает летописец. Отряды Воротынского поставили туры всего в 50 саженьях от крепостной стены. Между ними князь велел прорыть окопы и стоять на завоеванной позиции. Всю ночь казанцы дерзкими наскоками пытались выбить русских из окопов, но их с потерями отбрасывали назад. Воротынский со своими людьми стоял крепко, не уступая ни пяди захваченного пространства. Время от времени Иван IV направлял на передовую бояр с подмогой. К утру казанцы обессилели и прекратили вылазки. Трое их знаменитых вождей погибли в сражении, а вместе с ними множество менее значительных князей, мурз и простых воинов. С нашей стороны пал голова Л.Б. Шушерин.

Чуть погода воевода М.Я. Морозов передвинул пушки к турам и окопам. С такого расстояния, можно сказать, в упор, артиллеристы не могли промахиваться по стенам, башням и воротам Казани.

Итак, первый раунд борьбы за Казань окончился явным успехом русских. Во многом это произошло благодаря стойкости и отваге князя Воротынского.

4 сентября был достигнут еще один тактический успех. Нашим удалось взорвать подземный ход, по которому осажденные ходили к реке за водой. Тайник завалило, от взрыва осела, а кое-где и рухнула стена. Казанцы попытались выкопать новые колодцы, но лишь в одном месте нашли худую, вонючую воду, ставшую источником болезней. В городе началась рознь: многие сочли дальнейшее сопротивление бессмысленным.

На позициях князя Воротынского даровитый военный инженер дьяк Иван Выродков соорудил мощную передвижную тринадцатиметровую башню из дерева. Ее поставили против Царевых ворот. Бомбардировка из орудий и пищалей, установленных на башне, причиняла казанцам страшный урон.

*Изображение стрельцов из книги
А.В. Висковатова*

Укрепления перед нею пришли в полуразрушенное состояние. Но татары продолжали сопротивление. Они рыли «норы» и лазы, выскакивали оттуда по ночам и атаковали русские позиции, или неожиданно открывали пальбу из тайных ям... Осажденные настроились драться до конца.

Тем временем Воротынский понемногу придвигал туры все ближе и ближе к стенам. В конце концов он поставил их прямо перед крепостным рвом. Татары с бешенством атаковали раз за разом, но терпели неудачу. Лишь однажды, в обеденное время, когда многие ушли с переднего края, чтобы поесть в более спокойных местах, целая туча казанцев вылезла из секретных нор и прогнала тех, кто оставался на страже тур.

Настал критический момент. Если противник спалит осадные укрепления, то всему огромному труду и прежним успехам — конец. Русские воеводы возглавили контратаку дворян, личным примером воодушевляя бойцов. Бой был страшный. На месте легли многие русские и татары. Князь Воротынский

получил множество ударов, но их в основном выдержал прочный доспех. Сам воевода всего лишь получил легкое ранение в лицо. Сражавшемуся рядом окольниковому Петру Морозову лицо обезобразили страшным шрамом. С этой тяжелой раной он едва встал на ноги... Князю Юрию Кашину нанесли рану в грудь. Воевод старались выбить в первую очередь: глядя на них, билось и все войско, а их смерть или ранение моментально ослабляли боевой дух...

Воротынский выстоял и здесь. Из расположения государева полка на подмогу пришел со свежими силами окольниковый Алексей Басманов-Плещеев. Тогда казанцев загнали в норы. Осадные укрепления Воротынский с Басмановым счастливо отбили. По всей линии наших позиций враг с позором откатился в город.

Бомбардировка города с ближайшего расстояния продолжалась.

30 сентября рванули русские мины, поставленные каскадом в разных местах. На большом участке стена Казани перестала существовать. Заранее изготовившиеся к приступу отряды русских воевод переждали, пока закончится дождь из бревен, и ринулись на штурм.

Началась рукопашная.

Казанцы, ошеломленные взрывами, позволили осаждающим ворваться в город. Пали Арские ворота, захвачена была часть стены и башня. Князь Воротынский вместе со своими бойцами взошел на стены. Прочие участки городских укреплений пострадали от пожара. Кое-где от них остались одни головешки. В других местах выгорели деревянные срубы, поставленные в основании стен и углубленные в землю: почва тут осыпалась и вместо земляного вала появлялись ямы.

Казанцы срочно заделывали бреши, сооружали новую стену против Арских ворот.

Михаил Иванович отправил к царю гонца с требованием большого общего приступа... но его не последовало.

Воротынский сидел с бойцами на казанской стене в течение двух дней. Все это время ему никто не шел на помощь: полки то ли не были готовы к решающему штурму, то ли оробели перед генеральным сражением... День и ночь Михаил

Иванович, не смыкая глаз, ждал ответного удара татар, видел, как они возводят оборонительные сооружения заново, и недоумевал: почему нет штурма? Почему армия бездействует?

Русское командование не решилось ворваться в город на плечах отступающего противника. Мало того, и те отряды, которые увлеклись преследованием врага после взрывов, были по царскому приказу отозваны. Возможно, опасались беспорядочного уличного боя, где авангард штурмовых частей запросто сложил бы головы, так и не сломив сопротивления татар... А может быть, просто боялись поверить своей удаче и упустили выгодный момент.

К защитникам отправилось посольство с предложением мирной сдачи. Ответ не оставлял надежд на бескровный исход дела: «Пусть Русь стоит на стенах и в башне! Мы поставим иную стену. Или погибнем все, или отсидимся!»

Армия готовилась к последней битве основательно.

Воины исповедовались и причащались у священников. Царь провел ночь в беседах с духовным отцом протопопом Андреем, затем облачился в доспехи и с оружием отстоял литургию. Тем временем городские рвы заполнялись фашинами. Пушкари мешали восстановительной работе казанцев, сокрушая остатки стен.

Когда царское моление на литургии подходило к концу, в предрассветный час, ужасающей силы взрыв поднял на воздух укрепления казанцев. Михаил Иванович с помощью немецкого «розысла»⁸⁷ вывел подкоп под позицию неприятеля, закатил туда 48 бочек с порохом, и...

Второй взрыв прогремел у Ногайских ворот⁸⁸.

Итак, Воротынский дождался общего штурма. Его люди вновь оказались на острие главного удара. Они прорвали оборону татар и оказались на улицах города. Первым из всех воевод об этом успехе доложил именно Михаил Иванович. Но радость победы омрачилась тягой к грабежу и мародерству, охватившей штурмовые отряды. Немногие продолжали честно биться, прочие же бросили своих товарищей и занялись поисками ценной добычи. Как тогда говорили о подобных мерзавцах, «пали на сокровища»...

Казанцы вскоре опомнились, и сражение закипело с новой силой. Страшный копейный бой перегородил улицы от стены до стены. В этой давке даже мертвецы, нанизанные на копья, продолжали стоять. Никто не хотел уступить ни шагу.

Воротынский запросил подкрепления.

Увидев упорство татар, трусы и мародеры, оставив храбрых бойцов на произвол судьбы, обратились в бегство. Толпы негодяев, выбегая из города, в ужасе орали: «Секут! Секут!» Тут даже царь заколебался. Не сгинет ли армия в боях за каждый переулок, за каждый дом? Не уготовал ли ему этот день поражение вместо победы срам, вместо славы? Да и удастся ли выжить в обстановке всеобщего бегства?

Государь, по словам князя Андрея Курбского, участвовавшего в штурме, потерял твердость духа. Видя беглецов, он «...не только лицом изменился, но и сердце у него сокрушилось при мысли, что все войско христианское басурманы изгнали уже из города. Мудрые и опытные его сенаторы, видя это, *распорядились* воздвигнуть большую христианскую хоругвь у городских ворот, называемых Царскими, и самого царя, *взяв за узду коня его, — волей или неволей — у хоругви поставили*: были ведь между теми сенаторами кое-какие мужи в возрасте наших отцов⁸⁹, состарившиеся в добрых делах и в военных предприятиях. И тотчас приказали они примерно половине большого царского полка... сойти с коней, то же приказали они не только детям своим и родственникам, но и самих их половина, сойдя с коней, устремилась в город на помощь усталым... воинам»⁹⁰.

Таким образом, военачальники с многочисленными пешцами из состава государева полка направились на поддержку Воротынского. Прибытие свежих войск дало русским решающий перевес. В кровавых уличных стычках они теснили и теснили врага. «Головы же царские с детьми боярскими мужественно нападают на иноверных, и бьются царевы воины во многих местах... хватали друга друга с врагами за руки, дрались копьями и саблями, в тесноте резались ножами», — рассказывает летописец.

Последний очаг сопротивления пылал у ханского дворца и мечети Кулшериф. Здесь храбрейшие из татар дали последний

бой. Наконец сюда подоспел Воротынский со своими отрядами. Помолившись Богу о помощи, он напал на казанцев, «...зло сеча их... Так они и были побиты. Пали тут... князи и мурзы казанские, и вси люди могущи воинские, и вси жильцы дворовые казанского царя, и вси воины, способные носить оружие. И пролилась их кровь, как вода по удолиям...»⁹¹ Автор воинской повести «Казанская история» так рассказывает о бесславном конце последних защитников города: «Безжалостно наступали русские воины казанцев своими мечами и рассекали их секирами, и копьями и сулицами протыкали их насквозь, и нещадно резали их, словно свиней... И вбежали казанцы... на царский двор и в царские палаты и бились с русскими камнями и дубинками, и обшивочными досками, шатаясь, словно в темноте, сами себя убивая и не давая живыми схватить себя. И вскоре побеждены были казанцы — словно трава посечены».

Казанская пахота закончилась, последняя борозда завершилась у межи...

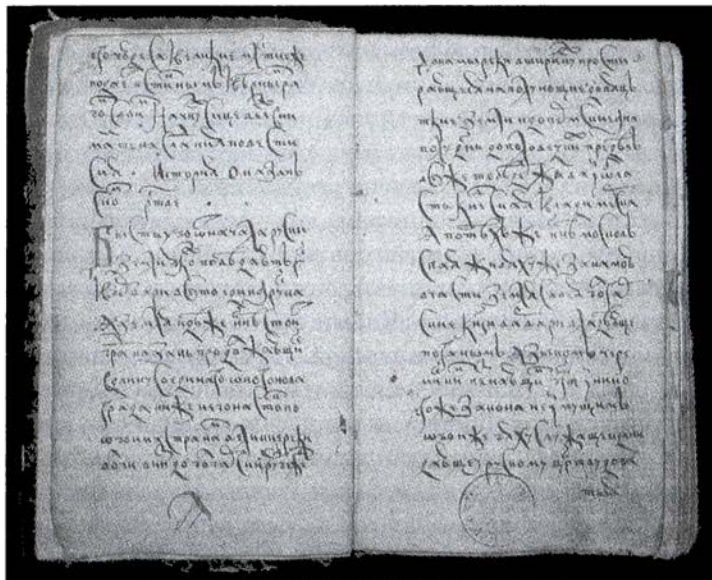
Иван IV во главе победоносных полков, под православными хоругвями торжественно въехал в поверженный город.

Слава искусного полководца и отчаянно храброго человека быстро сказала на статусе Михаила Ивановича. Осенью 1552 г. большая русская армия возвращалась на Русь из похода. Она разделилась на две части. Первая из них шла речным путем, на судах. Вторая же отправилась домой «полем», на конях. Она состояла из трех полков, и первым воеводой большого полка, т.е. главнокомандующим, поставили князя Воротынского. Это было поручение, сопряженное с большой честью для имени самого воеводы и всего рода Воротынских.

Князь Андрей Курбский, знавший Михаила Ивановича по «казанскому взятию», писал о нем: «Славный между русскими князьями» и «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный»⁹².

Будни

Казанская страда ушла в прошлое, победители вернулись на родину, и героическое напряжение, овладевшее русские войска на протяжении нескольких месяцев, спало. Вступили в силу будни обычной боевой работы.

«Казанская история». Список XVI в.

Князь Михаил Иванович Воротынский должен был вновь принять на себя обязанности «специалиста» по южному направлению. А вместе с тем и довершать завоевание казанской земли. «Черемиса», населявшая прежнее Казанское ханство, еще много раз поднималась на мятеж, причем первые годы, т.е. середина 1560-х, — ее восстания отличались особенным размахом.

То ли осенью 1553 г., то ли в начале 1554-го Воротынский во главе обширной администрации заступил на «годование» в Свияжск — место крайне беспокойное, но стратегически очень важное. Фактически, Свияжск рассматривался как ключ от Казани⁹³. Так вот, Михаил Иванович просидит на этом месте в самый разгар черемисских мятежей необыкновенно долго — до осени 1555 г., когда его, наконец, сменил князь В.С. Серебряный-Оболенский. Можно сделать вывод, что Воротынскому тогда в высшей степени доверяли... и в то же время не особенно его берегли. Полезный человек, дельный, да... но не из любимцев государевых.

Полководцу дали отдохнуть от службы всего несколько зимних месяцев — после возвращения на Русь.

В июне 1553 г., еще до отправки на свияжское воеводство, а затем с весны 1556-го по 1562-й князь Мстиславский постоянно выполняет разные службы на юге, в оборонительной войне против крымцев. В разное время он командует гарнизонами в Одоеве, Калуге, на Туле. Время от времени он назначается полковым воеводой на «береговую службу» — во главе передового полка или вторым воеводой большого полка. Воротынский превосходит в боевом опыте и богатстве князей Ивана Дмитриевича Бельского и Ивана Федоровича Мстиславского, но по части знатности он обоим уступает. Поэтому, когда один из них командует полками на южном рубеже, Михаил Иванович получает второстепенную должность. Но когда они заняты на других службах, Воротынскому доверяют самостоятельное командование оборонительными силами на Оке. Впервые князь получает такое назначение в июне 1558 г. Тогда его поставили против крымцев, нападения которых ждали в самом скором времени.

Документы не донесли до нашего времени известий о каких-либо значительных сражениях с татарами, в которых мог тогда принимать участие Воротынский. Стычки, очевидно, были, — это норма состояния южных границ Московского государства.

Чертеж Московии (фрагмент), 1550 г. Составители: Антоний Вид и Иван Васильевич Ляцкой

Разве что в начале 1559 г., зимой, на Русь тайно пошел сын крымского хана «царевич» Магмет-Кирей с большой армией. Крымцы надеялись на то, что основные силы московского государя заняты на Ливонском театре военных действий. Но по показаниям взятых «языков» они скоро узнали: русские полки исправно стоят на «береговой» службе. Не веря в победу над оборонительной армией Ивана IV в открытом столкновении, крымцы и их союзники ногайцы пошли прочь. Воротынский выступил в спешном порядке из Калуги — преследовать врага, уходившего с «полоном». Но крымцев он догнать не сумел. Его людям удалось взять лишь нескольких «языков». Неприятель бежал, убивая и бросая лошадей и верблюдов, испытывая недостаток в продовольствии. Люди и скот умирали от голода. Татары ушли с позором, но заслуга Воротынского тут невелика. Скорее, худо, что он не поспел за татарами...

Михаила Ивановича в ту пору не щадят: назначения сыплются с интервалом в несколько месяцев... Но ему все еще доверяют. Так, однажды Михаил Иванович получил ответственное поручение: выбрать наиболее удачную позицию для выхода государева полка далеко на юг, под Деделов.

Но в 1562-м князь Воротынский исчезает из воеводских списков на три года.

Доверие кончилось.

Началась опала.

Вторая опала

13 сентября 1562 г. Иван IV вернулся в Москву из Можайска, где готовил величайшее военное предприятие всего царствования — поход русской армии на Полоцк. Через два дня после приезда, едва ознакомившись с текущими делами, царь положил опалу на братьев Воротынских — князей Михаила и Александра Ивановичей. Формулировка опалы не предвещала ничего хорошего: воевод наказывали за «их изменные дела». У рода Воротынских была отобрана их семейная вотчина — Новосиль, Одоев, Перемышль и принадлежавшая им часть Воротынска. Удар страшный. Но этим дело не ограничилось. Михаил Иванович с супругой отправились в тюрьму

на Белоозеро, а его брат с женой отправился в далекий Галич, под арест. Еще недавно столь богатому воеводе позволили взять с собою лишь дюжину слуг. История некоторых знатных и могущественных родов русской аристократии XVI века порою так и заканчивалась...

Итак, наказали обоих Воротыньских, причем вина Михаила выглядела в представлении царя более тяжелой. Чем же они провинились?

К сожалению, провалом того дела, которое им было поручено. А важнее этого дела на Руси в ту пору ничего не существовало.

Летом 1562-го царь посетил Можайск, занимаясь военными приготовлениями, накапливая на западном рубеже силы для последующего сокрушительного удара. В то же время московские полки привычно вышли в Оке и сосредоточились в районе Серпухова. Во главе царских войск стоял Михаил Иванович — первый воевода большого полка. Полком правой руки командовал Александр Иванович. Всего рать состояла из пяти полков. К ним присоединились удельные отряды князя Владимира Андреевича Старицкого. Солидные силы!

Так вот, в июле русскую оборону вновь попробовали на прочность татары. Крымский хан с войском в 15 000 всадников вышел на Мценск. Пятнадцать тысяч — совсем немного для набега самого хана. Атака крымцев была способом «отработать» деньги, присланные им из Литвы. Летописец говорит о Девлет-Гирее: «Приходил в невеликой силе... а раньше никогда “царь” не являлся [на русские земли] со столь малым собранием»⁹⁴. Татарам удалось выжечь значительную часть мценских посадов, остальные же отбил храбрец местный воевода — князь Федор Иванович Татев-Хрипунов.

Узнав о том, что не все силы переведены на западный рубеж и у Серпухова стоят воеводы «со многими людьми», Девлет-Гирей, захватив добычу, решил отступить без большого сражения. Часть его людей отделилась от орды и попыталась «распустить войну» под Болховым и Белёвом. Тут их отряды были наголову разбиты карачевским воеводой Василием Бутурлиным. Ему удалось «полон отполонить». Но ядро армии крымцев безнаказанно уходило в степь с «полоном», взятым

у Мценска. Воротынский привел армию под Мценск и Девлет-Гирея уже не застал. Он организовал погоню, однако действовал слишком медлительно, и крымцы с «полоном» успели оторваться от преследования.

Михаил Иванович проштрафился не первый раз, причем опять допустил ту же оплошность, что и в 1544, и в 1559 г. Он не особенно торопился догонять крымцев, отбивать у них пленников, захваченных на Руси. Он *не успевал*. А для стремительной войны на юге России это было серьезным пороком. Вся она состояла из молниеносных рейдов, засад, погоня и носила маневренный характер. «Кунктаторы» тут всегда оказывались проигрывающей стороной. Под Казанью, когда противник никуда не бежал, а с яростью оборонялся, Воротынский был хорош. А в ситуации игры маневров и контрманевров он не проявлял достаточной скорости действий. Князь Микулинский входил в борьбу скоростей и тактических уловок, как рыба в воду; он умел и любил подобные состязания, а вот Михаилу Ивановичу они давались с трудом. И в Москве могли заподозрить худшее: а не стало ли это «неуспевание» результатом договоренностей с крымским ханом? Давненько он не приходил под города, принадлежащие Воротынскому...

Подозрение, касающееся столь крупного человека, рискованного решать в его пользу.

Отсюда и наказание.

Не было ли оно слишком тяжелым?

Трудно сказать. Можно лишь повторить сказанное в другой главе: русская элита XVI столетия жила в почете и богатстве. Но в нужный момент она обязана была победить; победа всё оправдывала, а поражение ставило вопрос: зачем такой человек нужен государю, да и всему русскому обществу?

Воротынского не казнили, помня его прежние заслуги времен «казанского взятия». И это можно рассматривать как милостивое решение вопроса.

Возвращение к службе

Простили полководца лишь в 1565 г. К тому времени уже существовало разделение страны на «опричнину» и «земщину».

В опричнину царь забрал Новосиль из обширной конфискованной «вотчины» Воротынских...

Осенью 1565-го Михаил Иванович был назначен возглавлять земскую армию, вышедшую на южный рубеж, к Туле. Снятие опалы сопровождалось большим пожалованием со стороны Ивана IV. Князю Воротынскому дали боярский чин в земской думе. Более того, ему вернули часть огромного «удела» — Одоев и Новосиль⁹⁵.

Пребывание Воротынского на Белоозере не носило столь мучительного характера, как сидение в тюрьме, погубившее его отца в 1535 г. Михаила Ивановича сносно содержали, ни о каких «оковах» речь не шла. Но государева опала наносила урон чести рода. Она означала позор, утрату влияния и временную потерю состояния. Человек, испытывавший все прелести опалы на протяжении трех лет, мог выйти из тюрьмы озлобленным, с мыслями о мести государю или о переходе на сторону Литвы. Выпустив столь высокородную персону из «нятства», как тогда говорили, Иван IV рассчитывал в будущем на ее благодарность и, разумеется, на верную службу. Пожалование боярского чина и назначение на пост главнокомандующего южнороссийской оборонительной армией стали дополнительным стимулом для примирения между царем и вельможей.

Политика ранней опричнины (1565—1567) обходилась без масштабных репрессий, ставших нормой позднее. До 1565 г. Иван IV делил власть над страной с влиятельными родами высшей аристократии. Ему весьма затруднительно было задействовать какой-либо экономический, политический или военный ресурс, если они оказывали сплоченное сопротивление. Но вот из состава единой державы выделился «государев удел», где царь мог всевластно распоряжаться всем и всеми. Иными словами, у него появились ресурсы для оперативного использования. Прежде всего — опричное землевладение, которым обеспечивались служилые люди из опричного боевого корпуса. Этот корпус должен был стать ядром новой, легкоуправляемой армии, а также решающей силой в очередных военных кампаниях России. Заглядывая вперед, можно сразу сказать: этого не произошло. Но на первых порах, надо

полагать, Иван IV планировал направить развитие страны именно по такому пути. И масштабный террор в картину военно-политической реформы не вписывался⁹⁶. Людей наиболее неудобных царь подверг смертной казни в первые же месяцы опричнины, но их насчитывалось немного — всего пятеро. Среди них, правда, оказался весьма популярный военачальник, герой Казани, князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Освобождение Воротынского, такого же героя «казанского взятия», стало актом лавирования по отношению к служилой знати. Царь пока еще не шел на трагическое обострение конфликта с нею. Он показывал: кого-то казню, а кого-то, не менее достойного, жалую...

Возврат Михаила Ивановича диктовался и кадровыми проблемами. За несколько лет Россия лишилась четырех крупнейших полководцев: князь Семен Микулинский умер от смертельной раны в 1559-м, Алексей Басманов-Плещеев одряхлел и больше не участвовал в сражениях, Михаилу Морозову шел восьмой десяток, князь Петр Шуйский трагически погиб в 1564-м, а судьба князя Александра Горбатого-Шуйского прервалась плахой. Высший командный состав требовал пополнения.

Правда, доверие Ивана IV в полной мере к Михаилу Ивановичу не вернулось. В апреле 1566 г. 3 боярина, 2 окольных и 7 других представителей служилой знати подписали «поручную запись» по князе Воротынском. Они поручились за воеводу в том, что он не «отъедет» в Литву, Крым, иное государство и не перейдет на службу к удельным князьям (например, к тому же Старицкому). В противном случае они обещали заплатить 15 000 рублей.

В конце 1560-х — начале 70-х г. военная деятельность князя Воротынского полностью сосредоточилась на «крымской угрозе». Его используют как военачальника исключительно для обороны Поочья.

Воротынский в оборонительной армии, выходящей к окскому рубежу, как правило, командует передовым полком или полком правой руки, в то время как главнокомандующими назначаются князья И.Д. Бельский или И.Ф. Мстиславский. Михаил Иванович — третье лицо в земской армии и земской

думе. Иногда, прежде всего в случае занятости двух первых военачальников, ему дают самостоятельное командование полевыми армиями. Так, зимой 1568—1569 гг. он ходил во главе «легкой» рати из двух полков под Рязань — отражать очередного крымского «царевича». Когда московское командование планирует бросить за Оку, навстречу крымской орде, русский корпус, то опять фигурирует имя Воротынского. Доверие? Не совсем. Если в рамках одной оборонительной операции участвует земский полководец князь Воротынский и опричный — например, Федор Басманов, — то общее командование ею отдается опричному воеводе. Даже если он на порядок уступает Воротынскому по части боевого опыта.

В августе — сентябре 1570 г. князь в очередной раз вышел как первый воевода передового полка стоять на пути у крымцев. Однако помимо этого рутинно-опасного «боевого дежурства» его мысли были заняты другим делом. Последнее время вооруженные силы Московского государства все больше и больше переключались с Южного, «Степного», театра военных действий на Ливонский. Туда уходили лучшие силы, там были заняты лучшие полководцы. Соответственно, оголялся юг, откуда не исчезла все та же смертельно опасная для державы возможность глубокого прорыва крымцев. В перспективе это грозило крупными неприятностями. А значит, следовало наладить сторожевую и караульную службу наилучшим образом, — чтобы задолго узнавать о появлении вражеского войска недалеко от русских границ, понимать его намерения, иметь представление о его численности. Последнее время сторожи несколько раз ошибались, обнаруживая крымские рати там, где их не было...

Придя с этими мыслями к Ивану IV, князь Воротынский получил высокое назначение: с 1 января 1571-го он «ведает» станицы и сторожи «и «всякие государевы польские службы»⁹⁷.

Вскоре Михаил Иванович собрал в столице людей, постоянно служивших на беспокойном юге и знавших особенности ТВД — «станичников» да «сторожей». В большинстве своем они были знакомы воеводе по совместной службе. Посоветовавшись с ними, Воротынский вынес на обсуждение земской думы документ, который считают первым уставом пограничных

войск России. Именовался он «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». По решению думы он вступил в силу 16 февраля 1571 г.

«Боярский приговор» четко регламентировал службу постоянных дозорных застав («сторбж») и разведывательных отрядов, совершавших глубокие рейды в сердце степи («станиц»). Служилым людям были указаны точные сроки их дежурств, основные маршруты движения, способы оповещения основных сил на Оке, количество и качество коней, нормы выплат за пребывание на опасных участках и т.п. Документ, разработанный Воротынским «со товарищи», предусматривал суровое наказание за оплошку: «А которые сторожа, не дождавшись себе смены, со сторбжи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинится война, и тем сторожам быть казненным смертью». Русским «пограничникам» предписывалось также, останавливаясь на ночлег, не расседлывать коней, не разжигать огня для приготовления пищи в одном месте дважды за день, не оставлять наблюдения за врагом после того, как он обнаружен. По «Боярскому приговору» можно судить: пограничная служба в XVI веке была смертельно опасной. Только очень рискованные люди могли отважиться на такую «работу». Летописи и разряды пестрят случаями, когда вести о неприятеле приходили от «сторбжей» и «станичников» задолго до его появления у Оки, оказываясь, таким образом, спасительными для всей системы русской обороны. Но время от времени «станичник» оказывался в плену у татар, и жить ему оставалось столько, сколько выдержит человеческая плоть под скорой и беспощадной пыткой...

Введенный зимой 1571 г., «Боярский приговор» улучшил качество пограничной службы. Но он никак не мог повлиять на количество сил основной оборонительной армии. Тем более — на схему ее управления. А тут всё было худо... Несколько лет государственного легкомыслия пришлось оплатить по самому жестокому тарифу.

Московская катастрофа

В мае 1571 г. Девлет-Гирей прорвался через Оку в районе Кром. В распоряжении хана находилась огромная сводная

армия, куда помимо крымцев вошли ногайцы, турки, азовцы и «кочевые татары».

Ему противостояли значительные силы, но...

— во-первых, командование земскими и опричными полками не было единым, поэтому координация их действий оставляла желать лучшего;

— во-вторых, большая армия вела боевые действия в Ливонии, причем ее усилили частью опричного боевого корпуса, поэтому на юге оборонительная армия оказалась меньше, чем могла бы быть;

— в-третьих, крымцам помогли русские дворяне, как видно, решившиеся на измену, после того как их затронули массовые репрессии опричных времен;

— наконец, в-четвертых, и главное: допустим, дальние «сторожи» сделали свое дело — московские войска вышли к Оке заранее, они ждали Девлет-Гирея, но в самих полках разведка и караульная служба велись отвратительно, и когда крымский хан обошел оборонительную армию по флангу, о его движении стало известно в последний момент...

Узнав об обходном маневре татар, русские полки форсированным маршем пошли к столице.

За день до прибытия татар под Москву к столичным предместьям подошли земские и опричные воеводы. В том числе и князь Воротынский с земским передовым полком. Он встал на отшибе, несколько в стороне от общей позиции — «на Таганском лугу против Крутицы». Поэтому главный удар крымцев пришелся не по нему. Когда Девлет-Гирей поджег дальние посадки, ветер разнес пламя по всей Москве. Опричный отряд, большой полк и полк правой руки фактически погибли в огне. Что же касается передового полка, то он, по всей видимости, уцелел и продолжал оказывать сопротивление.

Поэтому в тот момент, когда Девлет-Гирей увидел Москву опустошенной, на руины великого города его все еще не пустил Воротынский. «Распустив войну» по южным уездам, добывая повсюду пленников, грабя и сжигая села, крымцы отправились назад. Михаил Иванович преследовал их, отбивая «полон» до Дикого поля. Однако сил его полка явно не хватало для большого сражения. Если бы Девлет-Гирей развернулся

против него, скорее всего, полку пришлось бы либо бежать, либо погибнуть. Всё, что мог Воротынский в подобных обстоятельствах, — «покусывать» врага, беспокоить его, бить его отдельные отряды...

Молоди

После московского разгрома князь Воротынский оказался старшим из земских воевод. Бельский погиб, Мстиславского представили народу как виновника поражения, хоть он и не был таковым. Теперь старшим в земской думе, да и в земской армии стал Михаил Иванович.

На следующий год Девлет-Гирея ждали с новой ордой. Он обещал союзникам, что воцарится здесь, что за год завоюет всю русскую землю из конца в конец. Хан даже давал купцам грамоты на беспошлинную торговлю по Волге — в русских владениях! Роль главнокомандующего всей предстоящей оборонительной операции естественным образом досталась Воротынскому. Тут других вариантов просто не было.

Зная, что одной из причин страшного поражения под Москвой был недостаток сил, отвлеченных от обороны юга борьбой со шведами, ливонцами, поляками и литовцами, Иван IV все-таки не собирался завершить тяжелую Ливонскую войну. Ему казались недостаточными те приобретения, которые уже добыло для него русское оружие. Он решил, не считаясь с жертвами, довести до победного конца борьбу с многими противниками одновременно. Поэтому через полгода после Девлет-Гиреева погрома он отправил в Карелию, против шведов, большую рать. Поход не принес удачи, а вот потери оказались значительными. Эта авантюрная политика следующей весной поставит Россию на грань жизни и смерти.

Михаил Иванович перед весенне-летней кампанией 1572 г. получил «наказ» (инструкцию), подробно расписывавший, какие действия следует предпринимать по организации обороны. Так, броды и «перелазы» на Оке следовало укрепить плетнями и «чесноком» — особыми устройствами из дерева и прутьев, затруднявшими действия вражеской конницы. 900 вятчан с пищальями и луками во время перехода крымцами Оки должны были подойти на стругах и открыть по ним огонь с близ-

кого расстояния. В том случае, если крымцев придется встречать не на берегу реки, Воротынскому указывали отыскать «место крепкое», т.е. местность, которую удобно укрепить, где можно вырыть земляные ячейки для стрельцов, поставить «гуляй-город». Воеводе строго запрещали сходиться с татарами «на походе», зная, что даже слабые укрепления на порядок повышают боеспособность русских войск: в открытом поле они могут отступить, а в самых мелких и неказистых окопах «перестоят» любой удар. Эта национальная особенность ведения войны стала явной именно в XVI столетии... Наконец, как только начнутся боевые действия, воевода обязан был «без вести не держати» ни Москву, ни самого государя, иными словами, спешно отправлять гонцов с докладами обо всем происходящем.

В числе прочих предписаний Воротынскому велели провести большой воинский смотр.

Итак, в апреле 1572 г. царь явился на Коломну, где сосредоточилось ядро южной оборонительной армии. Там Воротынский повелел устроить большой смотр — специально для Ивана Васильевича. Проезжая на коне перед войсками, государь видел: людей стало меньше, чем в славный год завоевания Казани, и заметно меньше, чем их было при взятии Полоцка. Много молодых лиц: опытных бойцов старшего возраста поубило. И, главное, столь сильное ранее дворянское ополчение сократилось в боях, походах, от эпидемии, недавно обрушившейся на Московское царство, а также от массовых опричных репрессий. Все больше казаки, стрельцы, наемники, а лучших бойцов — дворян — катастрофически не хватает. Людей так мало, что разделить их на опричные полки и земские уже невозможно. С несчастной весны 1571-го опричный боевой корпус перестал существовать. У каждого полка, как водится по московским воинским обычаям, двое-трое воевод; но теперь среди них смешались как те, кто числился в опричнине, так и те, кто был в земщине. Так же и боевые отряды стояли в одном стою вне зависимости от того, опричный ли, земский ли уезд их выставил. Царь со вздохом говорит Воротынскому: «Встанешь против татар сам, без меня. Дела ждут твоего государя в Новгороде». Царь не решился возглавить это

войско. Слишком мало людей. Слишком боялся он новых изменников. Слишком уверенно вел себя Девлет-Гирей после прошлогодней победы. Слишком сильна была вражда в людях, разделенных опричною чертой и озлобленных друг против друга.

Когда крымский хан приблизится со своим войском, Иван IV действительно будет в Новгороде. Государь готовился тогда к худшему и даже писал завещание...

Между тем князь Воротынский, пусть и с ослабленной армией, не терял надежды. Ему опять, как когда-то в Казани, следовало встать насмерть. Не пускать врага во внутренние области страны ни при каких обстоятельствах. И он готовился победить или умереть. Незадолго до решающих событий в расположение его войск прибыл из Новгорода князь Осип Щербатый с «государевым жалованным словом и з денежным жалованием». Зная, что теперь поставлено на кон, царь пытался ободрить армию.

На исходе июля сторожи сообщили князю: татары идут. Он выдвинул армию на центр окской позиции — к Серпухову.

Какими силами располагал Михаил Иванович?

В его распоряжении находилось чуть более 20 000 бойцов⁹⁸, плюс небольшой отряд казаков Михаила Черкашенина, неучтенный в общей численности войска⁹⁹. Под его непосредственной командой находилась часть большого полка в 1840 конников-дворян. Вроде бы значительная сила. Но дворян во всей армии — менее 14 000. Да и стрельцов немного: всего порядка 2000. Отряд немецких наемников обладал высокой боеспособностью, но он был очень невелик. Что же касается остальной массы — казачьей — то она ценилась меньше всего, и в бою решала немного. Для сравнения: в походе под Полоцк зимой 1562—1563 гг. у Ивана IV было примерно на 10 000 дворян больше, а стрельцов — от 12 до 20 тысяч! Разительная перемена...

Кроме того, в данном случае русское командование не решилось использовать служилых татар, как делалось в Ливонии и даже под Казанью. Очевидно, боялись их перехода на сторону крымцев.

В Москве тем временем готовился к осадному «сидению» воевода князь Юрий Иванович Токмаков.

Орда Девлет-Гирея, по самым скромным подсчетам, превосходила московские полки по численности вдвое. Вся сила Крымского ханства шла с ним, к ней прибавилось еще 20 000 ногайцев, плюс отряды черкесов и беглых астраханских татар. Несколько знатных турок сопровождали ханский походный штаб.

26 июля 1572 г. Девлет-Гирей появился перед Окой. Его не интересовали Рязань, Владимир и Мещёра. Он хотел взять Москву и добить русскую мощь. По сообщению летописца, «...Лета 7080-го... прииде “царь” (т.е. крымский хан. — Д.В.) с великими похвалами и с многими силами на Русскую землю, и росписав всю Русскую землю, комуждо что дати, как при Батые. И прииде преже на Тулу и посады пожег, и от Тулы к берегу»¹⁰⁰.

Его встретил передовой полк князя Ивана Шуйского и, как видно, отбил. Ока во многих местах была укреплена земляными насыпями с частоколом, из-за которого метко падали пищальники, стоя в длинном мелком окопчике. Девлет-Гирей остался у выгоднейших для наступления на Москву «перелазов» через Оку, а ногайцев отправил во главе с Теребердеем-мурзой в обход.

27 июля Теребердей-мурза, разгромив заслон из 200 дворян, перешел Оку на Сенькином перевозе. Неся потери от «плетней» и «чеснока», ногайский военачальник велел выкопать их, разрушить частокол, и лишь потом устремился в сторону Москвы. Ночью с 27 на 28 июля он обошел позиции Воротынского.

Тем временем на протяжении второй половины 28-го шла перестрелка из пушек и пищалей на направлении главного удара. Девлет-Гирей пытался перейти Оку там, но его успешно отбивали огнем. В конце концов крымский хан уверился в бесперспективности этой затеи. 28 июля, в ночное время, он оставил перед главными силами Воротынского 2000 конников, наказав им отвлекать внимание русских, имитируя попытки перейти Оку, а сам пошел по пути, открытому на Сенькином перевозе Теребердеем-мурзой. В понедельник 29-го он уже стоял на московском берегу Оки. Ногайцы к тому моменту приблизились к Москве и блокировали дороги. Зловещим призна-

Ручная пищаль

ком стало их необычное поведение: отряды Теребердей-мурзы не «распускали войну», т.е. не отправляли отряды за добычей и пленниками, они концентрировались для разгрома русской армии. Очевидно, «малые призы» в виде незащищенных сел татар уже не интересовали, они мечтали о «царском призе» — Москве со всеми ее богатствами. В то же время Теребердей-мурза не отважился в одиночку штурмовать столицу России. Он просто перерезал коммуникации за спиной у Воротынского и ждал прибытия самого Девлет-Гирея.

Путь ногайцам попытался преградить полк правой руки, но второй воевода Федор Шереметев бежал с поля боя, бросив оружие. Первый воевода, князь Никита Одоевский, честно сражался, но выправить положение не смог — его оттеснили с дороги.

29 июля началась «гонка»: крымский хан быстро двигался к Москве, на соединение с ногайцами, а на хвосте у него сидел Воротынский. Михаил Иванович разгадал отвлекающий маневр Девлет-Гирея, поскольку за Окой было установлено постоянное наблюдение и переход основных сил татар на нашу сторону не стал для него неожиданностью. В авангарде русской армии шел сторожевой полк князей Андрея Хованского и Дмитрия Хворостинина. Их пробный удар опрокинул арьергард крымцев, шедший во главе с «царевичами». Девлет-Гирею стало ясно: его стремление к Москве бесцельно и опасно, покуда в тылу у него неприятельское войско, решившее дратья всерьез.

Пришло время разворачиваться против Воротынского.

Сначала Девлет-Гирей направил 12 000 крымцев и ногайцев для контрудара по сторожевому и передовому полкам. Русские быстро отходили... отходили... и навели татар на гуляй-город,

который встретил неприятеля жестоким артиллерийским огнем. Всадники один за другим падали в ров, спешно выкопанный незадолго до их появления. Неприятельская рать рассеялась. Таким образом, тактический успех, достигнутый крымцами ранее, сошел на нет. Оборонительная операция принесла русским полкам первые удачи.

Но тогда же крымский хан вновь усилился, соединившись с ногайскими союзниками.

Наши продолжали наступать, отбрасывая арьергардные отряды татар. До большого боя дело не доходило. Девлет-Гирей, уже перешедший Пахру, наконец развернул основные силы и пошел на русскую армию. В момент разворота он был менее чем в одном дне пути до Москвы.

30 июля, в среду, началось генеральное сражение, от которого зависела судьба Московского царства. У Воротынского были в прошлом заслуги и неудачи, но Бог даровал ему главный звездный час: ради спасения Русской цивилизации Он привел «командарма» на поле близ деревни Молоди. Этим страшным многодневным сражением у Молодей, этой победой, спасительной для страны, полководец и вошел в русскую историю.

Центром и основой нашей позиции стал гуляй-город — легкое укрепление из телег с деревянными щитами. Его поставили на всхолмии близ речки Рожай. Из гуляй-города по крымцам били пушки и пищали, из окопов палили по ним стрельцы, дворяне осыпали атакующих татар стрелами. За гуляй-городом встали конные дворяне и казаки. Их берегли для контратак.

Волна за волной татары накатывали на гуляй-город, бились с чудовищным упорством, получали по флангам удары конных полков и отходили прочь, устилая поле трупами. Армия Воротынского стояла непоколебимо. Погиб ногайский предводитель Теребердей-мурза. В плену оказался крупный полководец неприятеля — Дивей-мурза¹⁰¹, а также некий «астраханский царевич», несколько мурз и трое «ширинских князей». Для Девлет-Гирея битва в среду окончилась полной неудачей. В четверг и пятницу крымский зверь зализывал раны, не решаясь опять ударить на русские порядки. Тут и там

вспыхивали отдельные стычки. Татары надеялись вызвать русских на прорыв: в лагере Воротынского начался голод и конский падеж, не хватало воды. Пленный Дивей-мурза высокомерно издевался над русскими военачальниками: «Если бы крымский царь был взят в плен вместо меня, я освободил бы его, а вас, мужиков, всех согнал бы пленниками в Крым!.. Я выморил бы вас голодом в вашем “гуляй-городе” за 5—6 дней»¹⁰². Обоз был брошен Воротынским во время погони за крымцами, а отпустить полки с позиции по соседним деревням на фуражировку и за пищей не представлялось возможным: нельзя было расплыть силы, когда их и без того совсем немного. Приходилось резать боевых коней и питаться их мясом. Михаил Иванович твердо придерживался оборонительной тактики. В атаках на гуляй-город татары понемногу растрчивали численное превосходство, а открытое сражение сразу поставило бы московских воевод в проигрышную ситуацию. В такой — патовой, по большому счету, — ситуации главнокомандующему оставалось молиться, призывая помощь Божью.

Решающий бой произошел в субботу 2 августа. Скупые на подробности военные документы той поры сохранили картину страшного напряжения той битвы: «...татаровя пришли к “гуляю” и изымалися у города за стену руками. И тут многих татар побили и руки пообсекли безчисленно много. И боярин князь Михайло Иванович Воротынской обошел с своим большим полком крымских людей долом, а пушкарям приказал всем из большого наряда, из пушек и изо всех пищалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всего наряду, и князь Михайло Воротынский прилез на крымские полки ззади, а из “гуляя-города” князь Дмитрий Хворостинин с немцы вышел»¹⁰³. Удар с двух сторон ошеломил крымцев и отнял у них инициативу. Они бежали, оставив мысль о взятии гуляй-города, многих бойцов оставив на поле.

Девлет-Гирей оказался на перепутье. С одной стороны, он все еще был силен и мог продолжать военные действия. С другой стороны, большие потери и неудачи подорвали боевой дух его войска. Ждали триумфального шествия на московские пепелища, а вышла беспощадная сеча, где уже сложили голову ханский сын и внук...

Неизвестно, как сложились бы обстоятельства. Воротынский одолел татар раз, другой. Возможно, отбросил бы их и в третий, и в четвертый раз... А может быть, стойкость его людей иссякла бы. Война — стихия ошибок. Их допускают все. Побеждает тот, кто делает меньшее их количество и готов сражаться до конца. При Молодях победил не только талант князей Воротынского и Хворостинина, да и не только их мужество, победило прежде всего русское упорство. Девлет-Гирей наши ратники «перестояли».

И еще помог победить героизм безвестного русского человека, вечная ему память и добрая слава! Его «подсунули» с фальшивым донесением крымскому хану — на верную смерть... Девлет-Гирей, колебавшийся — уйти или продолжить бой, — прочитал донесение и лишился воле к победе.

Вот как об этом рассказывает Пискаревский летописец: «А в полкех учал быти голод людем и лошадем великой; аще бы не Бог смилосердовался, не пошел царь царь (Девлет-Гирей. — *Д.В.*) вскоре назад, быть было великой беде. А князь велики (Иван IV. — *Д.В.*) в ту пору был в Новгороде в Великом со всем, а на Москве оставил князя Юрья Токмакова с товарищи. А как царь царь (Девлет-Гирей. — *Д.В.*) стоял на Молодях, и князь Юрья, умысля, послал гонца к воеводам з грамотами в обоз, чтобы сидели безстрашно: а идеть рать наугородца многая. И царь (Девлет-Гирей. — *Д.В.*) того гонца взял, и пытал, и казнил, а сам пошел тотчас назад»¹⁰⁴.

Как его звали, этого гонца, отдавшегося в плен с грамотой князя Токмакова? Где могила его? Есть ли на ней крест, или татары бросили мертвое тело псам на съедение? Ничего не известно. А ведь какой это был человек! На таких-то камнях русский дом и стоял столетиями.

Выставив заслон из 3000 конников, Девлет-Гирей устремился за Оку, домой. На «перелазе» также осталось еще 2000 крымцев. Князь Воротынский, пребывавший в тревоге всю ночь, наутро 3 августа узнал об отступлении врага. Два неприятельских заслона были разбиты и большей частью уничтожены. Преследовать Девлет-Гирей за Окой Воротынский не решился. А может быть, и сил у армии не осталось: всякому напряжению есть предел...

*Политическая карта Причерноморья
после поражения Крымского ханства*

хватит одного просто слова: выстояли! Есть в Молодинском сражении множество черт, роднящих его с битвой за Москву в 1941 г.

Загадка смерти князя Воротынского

Во второй половине 1572 г. солнце князя Воротынского стояло в зените. Слава его распространилась по всей Руси. Многие историки даже считали его победу главным поводом для отмены опричнины¹⁰⁵.

А в следующем году его не стало.

В апреле 1573-го он вышел «на берег», к Серпухову, с оборонительной армией юга России. Ничто не предвещало беды.

Вдруг возникло большое местническое дело между воеводой сторожевого полка князем Василием Юрьевичем Голицыным и Михаилом Ивановичем, далеко превзошедшим его в военной иерархии: пост первого воеводы большого полка, т.е. командующего армией, давал Воротынскому полное и неоспоримое преимущество. О степени знатности обоих можно дискутировать... но факт остается фактом: Иван IV встал за сторону Голицына. Он получил 11 июля 1573 г. так называемую «невместную грамоту». В этом документе говорилось от царского имени: «Мы тебя пожаловали, велели быть со князем Михаилом Воротынским без мест... А как вам береговая

Полки встали на свои прежние места. Они порешили. Возможно, из трех бойцов только один мог вновь выйти на Оку. Но кто мог — все вышли на государеву службу. От Ивана IV из Новгорода вскоре прибыл Афанасий Нагой с наградным золотом.

Тут добавить-то нечего. Такие дела в пышных комментариях не нуждаются. Наверное,

служба минетца и будет тебе до князь Михаила Воротынского дело в отечестве, и мы тебя пожалуем, велим тебе на Воротынского суд дать и велим вас в вашем отечестве счесть». Когда же Голицын вернулся со службы (между августом и октябрём 1572 г.), никакого суда не состоялось, поскольку князь М.И. Воротынский был взят под стражу и отправлен в Москву, где его казнили вместе с первым воеводой полка правой руки кн. Н.Р. Одоевским и вторым воеводой большого полка М.Я. Морозовым. Все они оказались под арестом, подверглись опале и смертной казни. Причем Морозов даже не успел заступить на береговое «дежурство» в апреле.

Значит, какое-то расследование по «делу трех воевод» началось еще весной 1572-го, в апреле. Следствие шло как минимум до середины июля. А вскоре после этого все трое были мертвы.

Гибель трех крупных военачальников, фактически командной «головки» всей армии, выглядит загадочно. Московское правительство и сам царь никогда не давали на этот счет никаких объяснений. Опалу и казнь невозможно объяснить служебной оплошностью, поскольку один из казненных не успел прибыть на службу, следовательно, не мог совершить на ней никакой ошибки. Само местническое дело не становилось тогда поводом для смертной казни, — в худшем случае строптивого местника отправляли в тюрьму. Казнь ему полагалась только за военное поражение, случившееся из-за местнического спора во время боевых действий. Да и то трудно сыскать такие примеры... Скорее князь Голицын почувствовал какой-то разлад между царем и князем Воротынским, да и постарался его использовать себе на благо: на пустом месте обрел местническую «находку». Опальный вельможа становился источником местнических «потерек» для всего рода, его не щадили...

Значит, еще весной, в самом начале «береговой службы», Ивана IV увидел в чем-то очень крупную вину трех воевод. Что за вина?

Князь Андрей Курбский, современник Воротынского и эмигрант, неплохо осведомленный о событиях Молодинской битвы, предложил следующую версию событий: Михаил Ива-

нович ни в чем не был виноват, его оговорили по распоряжению царя. Имеет смысл полностью привести объемистый рассказ Курбского: «Потом были убиты славный... Михаил Воротынский и Никита, князь Одоевский, родственник его с детками младенцами ...Спустя примерно год (после Молодинской битвы. — Д.В.) велел он (Иван IV. — Д.В.) схватить, связать, привести и поставить перед собой этого Победоносца и защитника своего и всей земли Русской. Найдя какого-то раба его, обокравшего своего господина — я же думаю, что тот был подучен им: ведь тогда еще князья эти сидели на своих уделах и имели под собой большие вотчины, а с них, почитай, по несколько тысяч воинов были их слугами, а он им, князьям, завидовал и потому их губил, — царь сказал князю: “Вот свидетельствует против тебя твой слуга, что хотел ты меня околдовать и искал для этого баб-ворожеек”. Но тот... отвечал: “Не привык я, царь, и не научился от предков своих колдовать и верить в бесовство, лишь хвалить Бога единого, в Троице славимого, и тебе, царю и государю моему, служить верой. Этот клеветник — раб мой, он убежал от меня, меня обокрав. Не подобает тебе верить ему и принимать от него свидетельства как от злодея и предателя, ложно на меня клеветующего”. Но он тотчас повелел блистательнейшего родом, разумом и делами мужа, положив связанным на дерево, жечь между двух огней. Говорят, что и сам он явился как главный палач к палачам, терзающим Победоносца, и подгребал под святое тело горящие угли своим проклятым жезлом... Велел он также подвергнуть разным пыткам и... Никиту Одоевского... А того прославленного победителя, без вины замученного и обгоревшего в огне, полумертвого и едва дышащего, велел он отвезти в темницу на Белоозере. Провезли его мили три, и отошел он с этого жестокого пути в путь приятный и радостный восхождения на небо к своему Христу...»¹⁰⁶

Оговор? Это возможно. Царь по характеру своему был мистиком, верил в волхвование и даже в прорицания колдунов. Мог бы он поверить в реальную опасность для себя и своей семьи, если бы Воротынского, а то и нескольких воевод сразу, оговорил, подсунув клеветника, например... тот же Голицын (все они стояли выше него в воинской иерархии по воеводскому

списку 1573 г.)? Да, мог. Сбрасывать эту версию со счетов нельзя.

Возможно, Иваном IV двигали иные причины — политического, а не мистического характера. Курбский считал, что Иван Васильевич из «зависти» разрушал крупные уделы знатных князей. Мотив? Нет, никакой не мотив. Царь уже распорядился достаточно вольно огромными владениями Воротынского, отправляя его в ссылку десять лет назад. И прекрасно обошелся при этом без казни самого Михаила Ивановича, а также его родни. Непонятно, к чему было дополнять очередную конфискацию земель убийством их владельца, плюс одного из родственников, но оставить при этом в живых прочих молодых наследников — а род Воротынских далеко не «извесь» на Михаиле Ивановиче¹⁰⁷. Не клеится. И при чем тут Морозов? Тоже какая-то родня Воротынских? Было бы красиво закончить жизнеописание полководца, замкнув сюжет на возвращении сына к истории отца, слишком могущественного, а потому подозрительного для московских правителей человека... Но... эта версия не объясняет всех фактов.

Допустим, царь увидел в трех военачальниках, контролировавших основные силы южной армии, потенциальных военных заговорщиков. Ведь их объединяет лишь одно — служебное положение в апреле 1573 г. Могли у Ивана IV возникнуть подобные подозрения? Да, могли. Есть одно «но». Тогда Воротынского и казнили бы за попытку заговора. При чем тут колдовство?

В главе, посвященной князю Мстиславскому, была рассказана история о том, как Иван IV под пыткой допрашивал русских беглецов из крымского плена. Так вот, точно так же как и с Мстиславским, царь услышал отрицательный ответ на свой вопрос о том, имел ли сношения с крымцами князь Воротынский. А услышав его, пытками выжал из допрашиваемого признание в измене Михаила Ивановича... который был к тому времени мертв. И казнили князя не по обвинению в сношениях с крымцами, а по обвинению во вредоносном колдовстве. Зачем? Очевидно, царь знал, что за Воротынским нет вины. Но ему требовалось показать воеводу персоной кругом виноватой — и в том, и в этом...

Тогда, возможно, царь взревновал к славе Воротынского. Князь победил крымцев, в то время как сам Иван IV отсиживался в Новгороде Великом. Современники честили царя на все лады за этот эпизод. Такие разные люди, как Курбский и Штаден, писали о «новгородском сидении» первого русского царя весьма пренебрежительно, поскольку сочли его трусом¹⁰⁸. Если же вспомнить бегство от Девлет-Гирея в 1572 г., картина выйдет совсем некрасивая. Иван IV мог жестоко страдать из-за косых взглядов и дурных разговоров, связанных с двойным позором в его жизни. Между тем авторитет Воротынского рос. В январе 1573 г. русская армия во главе с Иваном IV взяла Пайду. Царь вернул себе лавры отважного человека и удачливого полководца. Теперь он мог уничтожить Воротынского, не вызывая пересудов о зависти к этому человеку.

Однако и тут есть свои «но». Допустим, князя Воротынский и Одоевский справедливо пользовались славой героев, сражавшихся с крымцами в 1572-м и одолевших опаснейшего врага. Но пользовались ею также и Хворостинин (допустим, слишком мелкий человек, чтобы вызвать у царя зависть) или, скажем, Иван Шуйский (этот уж совсем не мелок). Допустим, кто-то вел себя поскромнее, а кто-то слишком гордился своею победой. Допустим также, что самыми большими гордецами оказались Воротынский и Одоевский. Но Морозов-то вообще не присутствовал среди полковых воевод на Молодях, вот незадача! Как можно ревновать к славе человека, который ее не имеет?

Возможно, Михаил Яковлевич Морозов к делу Воротынского непричастен, да и вообще не существовало никакого «дела трех воевод». Морозов только что прибыл из Ливонии, где числился вторым воеводой большого полка в армии князя И.Ф. Мстиславского. Эта армия потерпела тяжелое поражение под Коловерью. Морозов, хоть и получил там ранение, но всё же мог быть

а) одним из реальных виновников разгрома;

б) удобной кандидатурой для обвинения в срыве похода, в поражении русских войск и т.п. Ведь Мстиславского-то царь уже простил. И он к тому же считался «столпом царства», а таких людей трогают лишь по очень серьезному поводу.

Можно выбрать версию по вкусу, но, видимо, в любом случае Морозова стоит отделить от князей Воротынского и Одоевского. Курбский, например, этой связки не видит. И ни о каких обвинениях по поводу колдовства в отношении Морозова не выдвигалось — нет таких сведений. А вот за Коловерь он мог ответить жизнью, как отвечали в то царствование иные воеводы за иные поражения. Хотя «командармом» он был выдающимся и прежде умел приносить победы Московскому государству.

Михаила Яковлевича казнили в возрасте мало не восьми-десяти лет — как он только в походы ходил! Одновременно лишили жизни его жену и двух сыновей. А в 1583 г. царь отправил в Троице-Сергиев монастырь большой персональный вклад по душе Морозова — 100 рублей. Князя Воротынский и Одоевский такой почести удостоены не были. И тут — отличие.

Итак, было, по всей видимости, два дела: одно — Морозовых и другое — Воротынского с Одоевским. Отсюда вывод: «фигурантов» второго дела могли казнить по одной из двух причин — либо из-за ревности Ивана IV к победе у Молодей, либо из-за какой-то служебной оплошности (ведь отделив

Вид на Троице-Сергиеву лавру. 1890-е гг.

Морозова, мы можем вернуться и к этому варианту). Из всех версий наиболее вероятной представляется та, которая объясняет смерть Воротынского и Одоевского недобрым чувством Ивана IV к их боевому успеху при собственных неудачах. И на этом можно остановиться. Более точно раскрыть тайну гибели Михаила Ивановича не представляется возможным.

Был ли князь Воротынский талантливым полководцем? Трудно сказать. Южные рубежи России он оборонял небезупречно. Когда приходило время «испить смертную чашу» в бою против татар, он одолевал неприятеля мужеством, стойкостью, опытом. Но талантом ли? Яркий, острый талант был у князей Хворостинина и Микулинского. Склонность к затейливой «игре» с неприятелем, т.е. тактический дар, можно увидеть в действиях князя Шуйского. А Михаил Иванович Воротынский был, надо полагать, несколько улучшенным изданием князя Мстиславского. Честный, умный, бесстрашный человек. В нем видна та разновидность воинской доблести, которая делала победителями спартанских гоплитов: лучше им было погибнуть, нежели опозориться, отступив, побросав щиты. Таков и Воротынский, медлительно-стойкий воевода. Не самый расторопный из наших «командармов» грозненской эпохи, он был, может быть, самым твердым в прямом бою с татарами. Именно это свойство вывело Михаила Ивановича в спасители России.

Приложение I

ВОЕННАЯ ЭЛИТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ИВАНЕ IV

Государственные и частные разряды, летописи, а также, в меньшей степени, иностранные источники и делопроизводительные материалы позволяют составить представление о командирском составе вооруженных сил Московского государства в XVI веке. Современный историк располагает массовыми данными о воеводском корпусе России XVI столетия от стрелецких голов до воевод высшего ранга. К последнему следует причислять первых воевод в большом полку, когда полевая армия имеет в своем составе от двух полков и выше; первых воевод или наместников в крупных крепостях (таких, как Новгород Великий, Псков, Казань, Астрахань, Юрьев Ливонский, Нарва, Полоцк); дворовых («дворцовых») воевод, т.е. персон, возглавляющих «государев полк» или «государев двор», когда он включается в полевую армию.

Если исключить из общего числа лиц, попавших в перечисленные источники, всех тех, кто никогда не занимал важнейших воеводских постов, да и на меньшие попадал лишь в единичных случаях¹⁰⁹, останется еще очень значительный список людей, составлявших командный костяк вооруженных сил Московского государства. За все годы правления Ивана IV (1533—1584) он составлял приблизительно 200 человек. У всех этих военачальников можно проследить хотя бы основные пункты карьеры, однако для составления более развернутых биографий материала явно не хватает.

Зато его достаточно в отношении военной элиты — сравнительно небольшого круга полководцев, получавших высокие и высшие воеводские назначения постоянно, на протяжении многих лет. Этот критерий сыграл роль основного при выделении названной «элитной» группы из разрядных списков. Особая важность придавалась назначениям на должности, которые давали право командовать полевой армией. Составление «реестра» военной элиты производилась с учетом следующих дополнительных факторов: сведения о проявлении полководческого искусства, опыт участия в боевых действиях, служба при Василии III (1505—1533), а также после смерти Ивана IV при Фёдоре Ивановиче (1584—1598).

В итоге был получен список из 35 персон:

Князь Бельский Дмитрий Федорович
князь Бельский Иван Дмитриевич
князь Булгаков Юрий Михайлович
князь Воротынский Владимир Иванович
князь Воротынский Михаил Иванович
князь Глинский Михаил Васильевич
князь Голицын-Булгаков Василий Юрьевич
князь Голицын-Булгаков Иван Юрьевич
князь Горбатый Александр Борисович
князь Курлятев-Оболенский Иван Константинович
князь Микулинский-Пунков Василий Андреевич
князь Микулинский-Пунков Семен Иванович
Морозов Михаил Яковлевич
Морозов Петр Васильевич
князь Мстиславский Иван Фёдорович
князь Мстиславский Фёдор Иванович
князь Палецкий (Полецкой) Андрей Дмитриевич
Плещеев-Колодка Иван Дмитриевич
князь Пронский Иван Турунтай Иванович
князь Пронский Семен Данилович
князь Серебряный-Оболенский Петр Семенович
князь Серебряный-Оболенский Василий Семенович
князь Телятевский Андрей Петрович
князь Трубецкой Богдан Александрович

князь Хворостинин Дмитрий Иванович
князь Черкасский Семен Ардасович
Шереметев Иван Большой Васильевич
Шереметев Фёдор Васильевич
князь Шуйский Иван Андреевич
князь Шуйский Иван Михайлович
князь Шуйский Иван Петрович
князь Шуйский Петр Иванович
князь Щенятев Петр Михайлович
Юрьев Никита Романович
Яковлев-Захарьин (Яковля) Иван Хирон Петрович

Вплотную к ним примыкает группа из 57 персон:

Басманов-Плещеев Алексей Данилович
Бутурлин Иван Михайлович
Бутурлин Роман Дмитриевич
Волынский Вороной Михаил Иванович
Воронцов Василий Федорович
Воронцов Иван Семенович
князь Воротынский Александр Иванович
Головин Владимир Васильевич
Головин Михаил Петрович
князь Горенский Петр Иванович
Карпов Долмат Фёдорович
Князь Кашин Иван Иванович
Князь Кашин Юрий Иванович
Колычев Умной Василий Иванович
князь Куракин Андрей Петрович
князь Куракин Григорий Андреевич
князь Курлятев-Оболенский Дмитрий Иванович
князь Лобанов-Ростовский Иван Семенович
князь Лыков-Оболенский Михаил Юрьевич
князь Микулинский Дмитрий Иванович
князь Ногтев-Суздальский Андрей Иванович
князь Ногтев-Суздальский Даниил Андреевич
князь Одоевский Никита Романович
князь Одоевский Роман Иванович

князь Одоевский Фёдор Иванович
князь Охлябинин Иван Залупа Петрович
Очин-Плещеев Захарий Иванович
Очин-Плещеев Никита Иванович
князь Палецкий Давыд Федорович
князь Палецкий (Полецкий) Дмитрий Федорович
Плещеев Дмитрий Михайлович
князь Пронский Иван Шемяка Васильевич Нелюбов
князь Репнин-Оболенский Андрей Васильевич
князь Репнин-Оболенский Михаил Петрович
князь Репнин-Оболенский Петр Иванович
Романов-Юрьев Даниил Романович
князь Серебряный-Оболенский Борис Васильевич
князь Сицкий Василий Андреевич
князь Сицкий Иван Васильевич
князь Татев Петр Иванович
князь Темкин-Ростовский Юрий Иванович
князь Токмаков Юрий Иванович
князь Троекуров Фёдор Иванович
князь Трубецкой Михаил Романович
князь Туренин Иван Самсонович
князь Тюфякин Михаил Васильевич
князь Хворостинин Андрей Старко Иванович
князь Хворостинин Петр Иванович
князь Хилков Василий Дмитриевич
князь Хилков Дмитрий Иванович
князь Хованский Андрей Петрович
Чепчугов-Клементьев Никифор Павлович
князь Черкасский Михаил Темрюкович
Шереметев Иван Меньшой Васильевич
князь Шуйский Фёдор Иванович
князь Щербатый Меркул (Меркур) Александрович
Яковля (Яковлев) Семен Васильевич

В списки не вошли некоторые персоны, игравшие в армейской элите того времени важные роли на протяжении первых двух десятилетий правления Ивана IV. В их числе несколько

крупных воевод из рода князей Мезецких, князя Горбатые — Борис Иванович и Михаил Васильевич, князь Александр Васильевич Кашин, князь Андрей Дмитриевич Ростовский, князь Василий Васильевич Шуйский, а также князь Иван Васильевич Шуйский — весьма заметная фигура. Причина во всех случаях одна: эти лица большей частью своей деятельностью принадлежат предыдущему правлению, временам Василия III. Люди в основном преклонного возраста, позднее они дослуживали свой век.

Карьера таких военачальников, как князя Василий Андреевич Микулинский, Фёдор Иванович Одоевский, Иван Шемяка Васильевич Нелюбов Пронский, Петр Иванович Репнин-Оболенский, а также некоторых других, сложилась также при Василии III, однако и позже они проявляли высокую активность на военном поприще, в частности, назначались на воеводские посты не менее десятка раз каждый. Поэтому в список они вошли.

Целый ряд военачальников начинали при Иване IV службу с весьма скромных постов, но затем возвысились. Это могло произойти при Фёдоре Ивановиче, Борисе Годунове или даже позднее. Подобных персон автор этих строк также не включил в списки военной элиты, так как до 1584 г. они в ее состав не входили. Определенное «снисхождение» сделано в отношении видных фигур, наилучшим образом проявивших себя на протяжении грозненского времени и уже получивших значительный опыт на высоких воеводских должностях, но лишь в последующем царствовании достигших высших чинов и назначений (или просто пребывавших в «обойме» военной элиты на протяжении многих лет после смерти первого русского царя). В качестве примеров можно привести Никиту Ивановича Очина-Плещеева, князей Михаила Романовича Трубецкого, Дмитрия Ивановича Хворостинина и Фёдора Ивановича Мстиславского¹¹⁰.

Бросается в глаза особое положение некоторых родов на военной службе: из их числа постоянно, на протяжении десятилетий, рекрутируются воеводы, занимающие высокие и высшие должности в войсках и крепостных гарнизонах.

Вот список родов, поднявшихся на военной службе особенно высоко:

Семейства боярские

Бутурлины

Волынские

Воронцовы

Головины

Колычевы

Морозовы

Плещевы (в том числе Очины-Плещевы и Басмановы-Плещевы)

Романовы-Юрьевы

Сабуровы

Салтыковы

Шеины

Шереметевы

Яковлевы-Захарьины

Семейства княжеские

Барбашины (Борбашины или Барбошины)

Бельские

Булгаковы

Воротынские

Глинские

Голицыны

Горбатые

Горенские

Засекины

Карповы

Кашины

Куракины

Курлятевы-Оболенские

Лобановы-Ростовские

Лыковы-Оболенские

Микулинские

Мстиславские

Ногтевы-Суздальские

Одоевские

Охлябинины
Палецкие
Пронские
Репнины-Оболенские
Ржевские
Ростовские
Серебряные-Оболенские
Сицкие
Татевы
Телятевские
Токмаковы
Темкины-Ростовские
Трубецкие
Туренины
Тюфякины
Хворостинины
Хилковы
Черкасские
Шуйские
Щенятевы
Щербатые

Очевидны две особенности в составе этих списков.

Во-первых, почти все перечисленные персоны и семейства представляют собой самые сливки военно-служилой аристок-

Русские бояре XVI—XVII веков

ратии Московского государства. В первом списке из 35 военачальников большинство дослужилось до боярского чина, некоторые занимали положение служилых князей.

А.П. Павлов по результатам кропотливого анализа источников сделал вывод: «Для конца XVI — начала XVII в. выделяется следующая группа фамилий, которые можно рассматривать как аристократические (“боярские”): Басмановы-Плещеевы, князя Бахтеяровы-Ростовские, Борисовы-Бороздины, князя Буйносовы-Ростовские, Бутурлины, Вельяминовы-Зерновы, “воеводичи” Волошские, князя Глинские, Годуновы, князя Голицыны, князя Гундоровы-Стародубские, князя Долгоруковы-Оболенские, князя Засекины-Ярославские, князя Звенигородские, Карповы-Долматовы, князя Катыревы-Ростовские, князя Кашины-Оболенские, князя Ковровы-Кривоборские (Стародубские), князя Куракины, князя Курлятевы-Оболенские, князя Лобановы-Ростовские, князя Лыковы-Оболенские, князя Мезецкие, Морозовы, князя Мосальские, князя Мстиславские, Мутьянские, князя Ноготковы-Оболенские, князя Ногтевы-Суздальские, князя Ноздроватые-Звенигородские, князя Одоевские, князя Охлябинины-Ярославские, Плещеевы, князя Приемковы-Ростовские, князя Прозоровские-Ярославские, князя Пронские, князя Репнины-Оболенские, Романовы-Юрьевы, князя Ромодановские-Стародубские, Сабуровы, Салтыковы, Селунские, князя Сицкие-Ярославские, князя Сулешовы, князя Татевы-Стародубские, князя Телятевские, князя Темкины-Ростовские, князя Токмаковы-Звенигородские, Траханиоты, Третьяковы-Головины, князя Троекуровы-Ярославские, князя Тростенские-Оболенские, князя Трубецкие, князя Туренины-Оболенские, князя Тюменские, князя Тюфякины-Оболенские, князя Урусовы, князя Ушатые-Ярославские, князя Хворостинины-Ярославские, князя Хилковы-Стародубские, князя Хованские, князя Черкасские, Шеины, князя Шейдяковы, Шереметевы, князя Шестуновы-Ярославские, князя Шуйские, князя Щербатые-Оболенские. Всего около 70 фамилий»¹¹¹. Речь идет о периоде 80-е гг. XVI века — 1605 г. Но этот круг аристократических семей, контролирующих назначения на важнейшие военные и административные

посты, сложился раньше, при Иване IV, и впоследствии изменялся сравнительно мало. Основным изменением было изгнание с ключевых должностей в армии, дипломатическом ведомстве и управленческом аппарате «худородных» фаворитов предыдущего царствования. Роды Яковлевых-Захарьиных (Яковлей), Воронцовых, князей Бельских, Горбатов-Суздальских, Серебряных-Оболенских, Щенятевых уже пресеклись к тому времени (до второй половины 80-х гг. XVI в.). Род князей Барбашиных-Суздальских также пресекся, побывав на верхушке опричной иерархии. Ветвь Тверского дома, именовавшая себя «князьями Микулинскими», тоже извелась. Сильно размножившиеся князья Ржевские не завоевали при дворе высокого положения. Головины в борьбе с Борисом Годуновым попали в опалу, были удалены от двора и отправлены в ссылку; но в начале правления Фёдора Ивановича они еще оставались в силе. Опала, по предположению того же А.П. Павлова, постигла и Волынских¹¹². Наиболее значительные представители семейства Колычевых при Фёдоре Ивановиче также оказались в опале, утратили влияние и надежды на карьеру. Вместо Палецких, стоявших чрезвычайно высоко в середине XVI века, поднялись другие ветви Стародубского дома. В остальном — почти полное попадание военной элиты времен Ивана IV в «аристократический список» А.П. Павлова.

Исключение одно-единственное: Никифор Павлович Чепчугов-Клементьев¹¹³. Эта фигура поистине уникальна. Родился он, скорее всего, в 30-х гг. XVI века. Карьерное продвижение Никифора Павловича шло медленно. Разряды довольно долго упоминают его на младших офицерских должностях. Так, во время похода 1558 г. на Юрьев-Ливонский он числился головой в полку правой руки, под началом первого воеводы боярина князя В.С. Серебряного. Через полгода, во время зимнего похода на Ливонию, он пребывает на той же должности в сторожевом полку, со вторым воеводой Ф.И. Салтыковым. В январе 1560 г. его отправляют головой при втором воеводе полка правой руки боярином Н.В. Шереметевым в армии, идущей на Алыст (Алуксне). В том же году он ходил головой при первом воеводе передового полка князе А.М. Курбском на Феллин¹¹⁴. Таким образом, первые, наиболее удачные годы Ливон-

ской войны не принесли ему повышения по службе. В 1566 — 1567 гг. Никифор Павлович годует головой в Себеже при воеводе В.Ю. Сабурове¹¹⁵. К концу царствования Ивана IV это уже опытный военачальник, послуживший немало. И в 1582 г.¹¹⁶ происходит небывалый взлет в его карьере: Никифора Павловича отправляют первым воеводой большого полка (т.е. командующим) в небольшой рати двухполкового состава (большой полк и передовой) из Казани на Каму «по ногайским вестям»¹¹⁷. К тому времени ему лет сорок пять, а может быть, и все пятьдесят. Год спустя он был отправлен вторым воеводой казанской рати к месту сбора для большого похода. В 1583 — 1584, а затем и в 1584 — 1585 гг. Чепчугов-Клементьев годует в Казани вторым воеводой «в остроге»¹¹⁸. Известно, что с декабря 1583 г. Никифор Павлович получил под команду стрельцов и литовских служилых людей Казани¹¹⁹. А в 1590 г., пребывая уже в преклонном возрасте, он вновь служит головой (всего-навсего головой!) у наряда во время осады Ругодива¹²⁰. Чепчуговы не были «новыми людьми», совершенно неизвестными, но с большой аристократией им было не тягаться. Они представляли нижние слои дворянства, не имевшие ни малейшего влияния при дворе московского государя. В «тысячниках» числился некий Степанко или Стенька Чепчугов сын Клементьева, записанный во вторую статью псковским городовым помещиком по Опочке¹²¹, а в Дворовой тетради 1550-х гг. Чепчуговы не отмечены. Сам Никифор Павлович в конце 80-х — начале 90-х гг., после стольких служб, ходил в выборных дворянах по Туле с окладом в 550 четей земли — не голь, но и ничего особенного¹²². Вотчины и поместья богатых аристократов измерялись тогда тысячами четвертей. Как уже говорилось, семейство Чепчуговых-Клементьевых не было ни «новым», ни совершенно «захудалым»: судя по писцовым книгам 1580-х гг., у Никифора Павловича была вотчина в Московском уезде, на реке Клязьма, а сам род, как обнаружил дотошный исследователь родословных Д.Ф. Кобеко, выводил себя от некоего (легендарного?) «честнаго мужа Облагиня», выехавшего из Швеции в 1375 г. на службу к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу¹²³. Служебная связь Чепчуговых-Клементьевых с Московским княжеским

домом, возможно, уходила корнями в давнюю старину. Однако они «высвечиваются» источниками только в середине XVI столетия, да и то положение их иначе как весьма скромным не назовешь. Только сын Никифора Павловича, Иван Никифорович, в начале XVII столетия добился службы по московскому списку¹²⁴. И если отец не местничал, то сын уже вступает в местнические споры¹²⁵. Чем же тогда объясняется доверие, которое оказали Никифору Павловичу в уникальном случае самостоятельного командования армией, отправленной на Каму? Очевидно, несколькими десятилетиями безупречной службы... Однако возможен и другой ответ: Чепчуговы связаны были с влиятельным дьяческим семейством Щелкаловых. Василий Яковлевич Щелкалов, по всей видимости, был женат на сестре Никифора Павловича, а Василий Петрович Морозов, представитель влиятельного старомосковского боярского рода, был двоюродным братом Евдокии Никифоровны Чепчуговой¹²⁶. Внука Никифора Павловича, Ивана Ивановича Чепчугова, во время одного местнического разбирательства упрекали в том, что его дед занял должность «головы у татар» по протекции Щелкаловых. Но должность головы была достижима для людей уровня Чепчуговых и без особой поддержки со стороны могущественных доброжелателей; очевидно, имелось в виду то самое воеводство в походе на татар. Таким образом, вполне вероятно и возвышение Никифора Павлови-

Карта «Московское государство» (фрагмент). 1614 г.
Составитель: Герард Гессель

ча при покровительстве сильной родни (что никак не умаляет долгой и нелегкой службы, о которой свидетельствуют данные разрядов).

Таким образом, исключение лишь подтверждает правило. Постепенное вращание в высший слой военной элиты неаристократических провинциальных родов было возможным, но крайне долгим и трудным процессом. Требовалось показать долгую, честную, успешную службу или... заручиться поддержкой влиятельных покровителей.

Во-вторых, в высшем командном составе вооруженных сил России времен правления Ивана IV (т.е. на протяжении полувека) абсолютно доминируют «княжата», иными словами, титулованная часть аристократии. Если считать по отдельным персонам, то получится, что представителей старомосковских боярских родов на верхнем эшелоне воеводского корпуса всего лишь 20 % (по первой группе армейской элиты), или порядка 25 % (по обеим группам). Если подсчитывать не отдельных личностей, а роды, то получится то же самое — чуть менее 25 %.

Процент представителей старомосковских боярских родов, имеющих думные чины (бояре и окольничие) от общего количества служилых аристократов, заслуживших таковые в период регентства Елены Глинской и царствования Ивана IV, был неизменно выше — это убедительно показал А.А. Зимин в исследовании о составе Боярской думы¹²⁷. Если считать одних только персон, имевших боярский чин, то превосходство титулованной знати, конечно, очевидно, но все-таки процент бояр не княжеского происхождения, как правило, не падает до значений около 20 %, он выше. Если анализировать состав

*Бояре, окольничие, дяки, подьячие.
Немецкая гравюра, XVI век*

окольничих, то неоднократно бывало так, что представители старомосковских боярских родов в этом чине превосходили по количеству представителей титулованной знати. А.А. Зимин, в частности, пишет в отношении практики, сложившейся в 30—40-х гг. XVI столетия: «Окольничество... обычно получали представители знатных, но не княжеских, а старомосковских боярских фамилий»¹²⁸. Если рассматривать боярский список «Тысячной книги», то там 7 представителей старомосковских боярских семейств и 11 князей (а из семи окольничих — ни единого представителя титулованной аристократии). В боярском списке «Дворовой тетради» соотношение титулованной и нетитулованной знати 36: 30 (в списке окольничих — абсолютное преобладание старомосковских боярских семейств)¹²⁹. В первые годы опричнины они получили преобладание в опричной Думе и, возможно, взлет влияния старинных семейств нетитулованной знати, издавна связанной тысячами нитей с правящей династией, подготовлен был обращенными к царю настойчивыми советами ее представителей о введении особого порядка правления. Так, Пискаревский летописец связывает возникновение опричнины с инициативой В.М. Захарьина-Юрьева и А.Д. Плещеева-Басманова. В.Б. Кобрин считал, что «...опричина была детищем старомосковского боярства, стоявшего во главе этого мрачного учреждения до рубежа 60—70-х годов XVI в.»¹³⁰, — так не стало ли господство нетитулованной знати в первый период опричного времени своего рода реваншем за усиление позиций «княжат» в военной сфере? В любом случае, соотношение титулованной и нетитулованной знати у кормила власти в Московском государстве было в среднем гораздо более ровным: не видно такого подавляющего превосходства, которое княжеские роды получили в армейском командовании.

Потомки удельных княжат потеснили заслуженных московских бояр предположительно по двум причинам.

В наибольшей степени правдоподобен ответ, основывающийся на свидетельстве Джильса Флетчера — английского дипломата, посетившего Россию в 80-х гг. XVI столетия. Флетчер указывал на обычай ставить военачальником русской армии знатнейшего аристократа¹³¹. Иное назначение нанесло бы

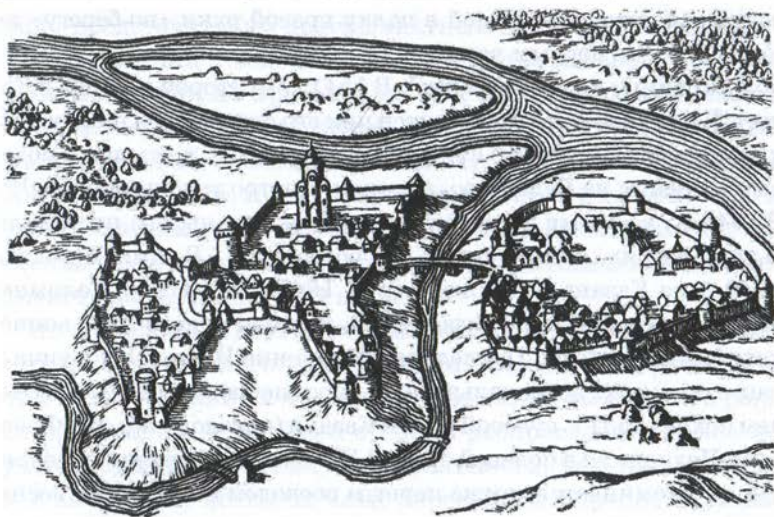
обиду представителям других знатных семейств, оказавшимся в подчинении у человека, превосходство которого по части родовитости они не признавали. Так вот, у старомосковских бояр явно не хватало знатности, чтобы меряться ею с княжескими родами Мстиславких, Бельких, Шуйских, Воротыньских, Микулинских и т.п. А в большинстве случаев они еще и не располагали земельными владениями, сравнимыми с колоссальными вотчинами и уделами, сохранившимися у этих семейств до середины XVI века.

Но возможна и другая версия, которая требует специального дополнительного исследования. Можно предположить, что у нетитулованных московских фамилий была своего рода специализация, в большей степени распространявшаяся на судебно-административную деятельность, чем на военную. Да и на военные посты их чаще определяли в крепости, нежели в полевую армию. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, нужна, повторюсь, отдельная монография. Здесь же хотелось бы привести лишь предварительные соображения.

Вот один из главнейших «столпов царства», боярин (с 1547 г.)¹³² и конюший Иван Петрович Фёдоров-Челяднин, представитель старшей линии потомков боярина Акинфа Великого, один из богатейших аристократов Московского государства. В 1568 г. он был убит, после того как попал под подозрение в заговоре с целью передачи престола князю Владимиру Андреевичу Старицкому. Но прежде Иван Петрович сделал великолепную карьеру и, как видно, пользовался доверием государя. Как пишет Р.Г. Скрынников, Челяднины «...издавно возглавляли Конюшенный приказ»¹³³. Так было и с И.П. Фёдоровым-Челядниным: он был крупным администратором, дипломатом, главой Конюшенного приказа. Но на военной службе он никогда не поднимался особенно высоко. Немногое известно об участии Ивана Петровича в походах. В 1536 г. «Иван Петров сын Федоровича» упомянут как первый воевода в полку правой руки¹³⁴. В 7045 (1536 — 1537) г. он расписан вторым воеводой в передовом полку во Владимире. А в 7048 (1539 — 1540) г. сидит воеводой в маленьком Боровске, удачно местничает с князем И.С. Ногтевым по поводу назначения по украинному разряду от поля, на-

значается первым воеводой в полку правой руки «по берегу» на Угре, а также первым воеводой сторожевого полка «от Казанской украины» (во Владимире); В 1541 г. — второй воевода в Калуге¹³⁵. На это время приходится пик его активности на воеводских службах. Затем его ожидала опала 1546 г. и ссылка в родовые владения на Белоозеро, впрочем, быстро закончившаяся¹³⁶. В 1548 г., во время большого похода на Казань, его поставили было в разряд, но отпустили «по болезни»¹³⁷. В зимнем походе 1549 г. на Казань, а также летних 1547 и 1550 гг. к Коломне, Иван Петрович сопровождает царя, не имея какого-либо воинского назначения¹³⁸. Последнее назначение Ивана Петровича в ранге полковых военачальников — пост первого воеводы в весеннем походе 1551 г. судовой рати к Казани (потолок карьеры Фёдорова-Челяднина в полевой армии)¹³⁹. В государственных разрядах он упоминается также первым воеводой Свияжска с весны 1556 г. (для боярина — незавидное назначение); на берегу в 1564 г. (но не совсем ясно, был ли он туда реально отправлен, и если да, то в какой должности); в Юрьеве-Ливонском за 7070 (1561 — 1562) г., но из записи опять-таки неясно, какой именно пост он там занимал (предположительно первого воеводы); а также в качестве первого воеводы в Полоцке за 7075 (1566 — 1567) г.¹⁴⁰ Некоторые исследователи считают, что воеводство в Полоцке могло рассматриваться как знак опалы¹⁴¹, однако это сомнительно. Огромный Полоцк представлял собой богатейшее и притом стратегически важное приобретение времен первого периода Ливонской войны, сам царь гордился этой победой: ведь именно он возглавлял армию в походе на Полоцк¹⁴². Назначение на воеводство в Полоцк — это назначение на один из высших постов в военной иерархии того времени. Но на этом завершается список сведений о деятельности конюшего на военном поприще за всю грозненскую эпоху, богатую походами и войнами. По сравнению с представителями первого списка военной элиты, не вылезавшими из походов на протяжении многих лет и командовавшими самостоятельными соединениями, Фёдоров-Челяднин выглядит довольно скромно. На военной службе ему чаще доставалась роль командующего городскими гарнизонами, чем полкового воеводы. Это был прежде всего дипломат и администратор¹⁴³, о чем прямо свидетельствует, кстати, известное за-

Полоцк. XVI век

мечание немца-опричника Генриха Штадена: «Иван Петрович Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, поэтому простой люд был к нему расположен...»¹⁴⁴

Иван Дмитриевич Шеин получил думный чин окольникового в середине 40-х гг., а боярином стал в 1552 или 1553 г., видимо, уже в преклонных годах (в 1555 или 1556 г. он умрет)¹⁴⁵. Иван Дмитриевич — отпрыск древнего семейства Морозовых, связанного службой с московским княжеским домом еще с XIV века. Шеины, одна из многочисленных ветвей Морозовых, на иерархической лестнице при дворе великих князей московский в первой половине — середине XVI века стояли весьма высоко¹⁴⁶. В 1553 г. Иван Дмитриевич вместе с кн. И.И. Турунтаем Пронским назначен за «кривой стол» на пиршестве после свадьбы «царя» Симеона Касаевича и М.А. Кутузовой-Клеопиной¹⁴⁷. Военную службу его можно проследить с назначения на должность первого воеводы сторожевого полка в 7048 (1539 — 1540) г.¹⁴⁸ В коломенском походе апреля 1546 г. он числится вторым воеводой передового полка, год спустя во втором коломенском походе — опять первый воевода сторожевого

полка; ту же самую должность он занимает в 1549 г., после того, как его расписали на второй срок, т.е. «на Николин день» в разряд «от поля и по берегу»; через год в таком же разряде И.Д. Шеин показан как первый воевода полка левой руки¹⁴⁹. Неоднократно разряды показывают его как должностное лицо, оставленное для несения службы в Москве, иными словами, не расписанное ни в одну крепость, ни в один поход, и выделенное для административной работы¹⁵⁰. Вот, собственно, и всё. Причем в роду Шеиных, давшем в середине XVI столетия несколько человек, занимавших думные чины, Иван Дмитриевич наиболее активен на военной службе.

Иван Иванович Хабаров получил боярский чин не позднее 1547 г.¹⁵¹ Он шел к месту в Боярской думе долго и трудно: мимо него прошло окольниковство, которого добивались высокие покровители Бельские, а в 1542 г. неудачи в придворной борьбе привели к тому, что он был отправлен в ссылку¹⁵². Иван Иванович происходил из разветвленного семейства Симских-Добрынских-Образцовых, служивших Московскому княжескому дому с XIV века (а их предки еще раньше). Его отец, Иван Васильевич Хабар, был одним из виднейших деятелей правления Ивана III и Василия III, талантливым полководцем¹⁵³. Во второй половине 40-х — начале 50-х Иван Иванович становится заметной фигурой: в разряде от декабря 1546 г., составленном для свадьбы Ивана IV и А.Р. Захарьиной-Юрьевой, дворецкий И.И. Хабаров поставлен «вино нести к церкви, к венчанью в склянице»¹⁵⁴. Он считался большим книжником¹⁵⁵. Так вот, и до получения боярского чина, и после этого Иван Иванович изредка назначался в полковые воеводы, но никогда сам не командовал армией и даже не бывал на высоких постах. Как видно, у него был талант к охранной и сторожевой службе: Ивана Ивановича ставили, как правило, в сторожевой полк, причем в середине 30-х гг. он числится вторым или даже третьим воеводой, и лишь в 1549—1551 гг. получает назначение первым воеводой... того же сторожевого полка¹⁵⁶. В 1552 г. под Казанью его, кстати, расписали ночами «ездити круг города по полком береженья для»¹⁵⁷. В его военной карьере виден длительный перерыв между 1538 г. (второй воевода в Серпухове) и 1543 г. (первый воевода в Нижнем

Новгороде)¹⁵⁸. Вершины его военной карьеры никак не связаны с руководством войсками в походах. Иван Иванович неоднократно назначался первым воеводой и наместником в крупные города: помимо уже упоминавшегося годования в Нижнем он был наместником в Смоленске два года с декабря 1547-го, а затем еще раз с декабря 1552 по весну 1554 г.¹⁵⁹ Позднее И.И. Хабаров принял иночество и жил в Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь он вызвал гнев Ивана IV своим неблагочестием (?) и в знаменитом царском послании настоятелю этой обители удостоился слов «дурак и упырь». По сведениям Курбского, впрочем, некоторыми исследователями оспариваемым, его родовое имущество разграбили в годы опричнины или несколько позже, а сам он вместе с сыном был убит.¹⁶⁰

Семен Константинович Заболоцкий — окольничий с 7058 (1549 — 1550) г. и боярин с 7060 (1551 — 1552) г.¹⁶¹ Род бояр Всеволожей-Заболоцких, когда-то могущественный, происходит от смоленских князей¹⁶². К середине XVI века Заболоцкие стали весьма многочисленны: в середине XVI столетия Ивану IV служит более трех десятков представителей этого рода! Однако на верхний уровень придворной иерархии сумели взойти лишь немногие из них. Так, боярином в 50-х гг. был один Семен Константинович. Да и в разряды попало менее половины дворовых служильцев... Основная же часть ветвей этого семейства не имела заметного влияния и заметных служебных достижений. Сам же Семен Константинович необыкновенно беден военными назначениями. Он никогда не ходил в полковых воеводах. Во второй половине 30-х — начале 40-х гг. Семен Константинович назначается воеводой в крупные города: Нижний Новгород, Рязань, Калугу; высшая точка его службы на военном поприще — пост «наместника за городом» в Нижнем в 7048 (1539 — 1540) г.¹⁶³ Последняя командирская служба С.К. Заболоцкого — должность второго воеводы на годовании в Свияжске с апреля 1552 г.¹⁶⁴ В середине 50-х он упоминается лишь в числе думных чинов, сопровождающих царя в походы на юг, по крымским вестям. Последний раз он расписан в разряде коломенского похода в июле 1557 г.¹⁶⁵ По данным С.Б. Веселовского, Семен Константинович упоминается в боярском звании до 1559 г.¹⁶⁶ Его сын Вла-

димир бежал в Литву¹⁶⁷, были и другие перебежчики из рода Заболоцких; несколько представителей этого рода подверглось казням (по словам Курбского, Заболоцкие пострадали «всеродне» в опричные годы)¹⁶⁸. Ни одного представителя, столь же высоко поднявшегося по службе, как С.К. Заболоцкий, этот род больше не дал.

Иван Яковлевич Чеботов (Чоботов) происходил из мощного и разветвленного семейства Остеевых-Чулковых, уходящего корнями в XIII век, когда их родоначальник Гаврила Алексич служил Александру Невскому¹⁶⁹. Есть основания считать его одним из инициаторов учреждения опричнины. Чеботов получил окольниковство в 1551 г., а боярство — в 1558 или 1559-м¹⁷⁰. В конце 1564 г., накануне учреждения опричнины, он попал в опалу¹⁷¹, но впоследствии Иван Яковлевич числился опричным боярином. По сведениям С.Б. Веселовского, он еще в феврале 1570 г. упоминается в такой роли, но в том же году или, во всяком случае, не позднее 1571 г., вновь подвергся опале¹⁷². В виде особой милости он «...получил разрешение постричься и ушел от мира в ростовский Борисоглебский монастырь, причем сохранил свою вотчину в Ростове». В 1573 г. он еще был жив¹⁷³. В годы политического расцвета Иван Яковлевич занимал место крупного деятеля и, по словам Р.Г. Скрынникова, «столпа приказного управления»¹⁷⁴. Что же представлял собой И.Я. Чеботов с точки зрения военной карьеры? В «Тысячной книге» он записан как сын боярский третьей статьи по Переславлю-Залесскому¹⁷⁵. Затем появляется у Казани, во время победоносного похода 1552 г. Здесь он занимает скромное место: ходит в ночной дозор во время осады, а после взятия города остается там на годовании одним из целой команды воевод (при этом сам воеводой не назван, а назван просто окольным) ¹⁷⁶. В походе под Коломну 1555 г. Иван Яковлевич сопровождал царя, а затем «раздавал» дворы; год спустя под Серпуховом он опять сопровождает царя, не имея никакой воеводской должности¹⁷⁷. Судя по разрядам, первый раз его ставят в полковые воеводы только в сентябре 1556 г., вторым по сторожевому полку на «первый срок» «на берег» — в Калугу, «для осеннего приходу от крымских людей». Но летом 1557 г. и во время зимнего похода 1562—1563 гг. на По-

лоцк он опять в царском сопровождении, без определенной должности¹⁷⁸. Как видно, воеводские службы были не для него, и ценным военачальником Иван Яковлевич не стал.

Нагие происходили из тверского боярства. Еще при Василии III они летали невысоко: Михаил Иванович Нагой служил в небольших дворцовых чинах, в Думе никто из них не бывал. В Тысячной книге они уже отмечены. Разительная перемена в судьбе семейства произошла в результате двух браков, связавших его с Московским правящим домом. В 1549 г. Евдокия Нагая стала первой женой князя Владимира Андреевича Старицкого, а в 1581 г. на Марии Нагой женился сам Иван IV. Это вознесло Нагих в верхнюю часть аристократической пирамиды. Но уже в 1547 г. Фёдор Немой Михайлович Нагой упоминается в разрядах как окольный, а не позднее 1559 г., по сведениям А.А. Зимина, он становится боярином¹⁷⁹ (в 1557 г. разряды его все еще именуют окольным). Ни о каких крупных военных службах Фёдора Михайловича источники не сообщают. Он главным образом сопровождал Ивана IV в похо-

Стена коломенского кремля. Современная фотография

дах, не имея воеводской должности. Разряды сообщают, что роль такого сопровождающего Ф.М. Нагой исполнял летом 1547 г. (Коломна), зимой 1547—1548 гг. (Владимир и Нижний Новгород, затем возвращение в Москву от речки Роботки), летом 1550 г. (Коломна), летом 1553 г. (Коломна) и летом 1557 г. (Коломна)¹⁸⁰. В марте 1549 г. его приставили к Щигалею при сборе рати в Нижнем Новгороде, когда стало ясно, что «...Сафа-кирея, царя крымского, не стало». Но ратью, отправленной из Москвы в Нижний, командовал не Нагой. Полковым воеводой за всю жизнь он побывал всего один раз, да и то на весьма скромном посту: третьим воеводой «у наряда» в ноябрьском походе на Казань 1549 г. С весны 1555 г. Фёдор Михайлович годовал вторым воеводой в Чебоксарах. Вот, собственно, и все его военные службы, о которых известно точно¹⁸¹. В 1565—1567 гг. некий Фёдор Нагой сидит воеводой сначала во Мценске, а затем в Чернигове, но это, весьма возможно, Фёдор Фёдорович, а не Фёдор Михайлович, которому поздновато в боярском чине сидеть вторым воеводой в Мценске — небольшой порубежной крепости¹⁸². В 1570 (1570—1571 гг.) в Почепе годует один Фёдор Нагой, а в Чернигове одновременно сидит воеводой и наместником другой. Не исключено, что наместничает именно Фёдор Михайлович, хотя и подтвердить это совершенно точно не представляется возможным¹⁸³. Но в любом случае — даже если засчитать за Фёдором Михайловичем все мценские и черниговские воеводские службы (что, скорее всего, будет ошибкой), — его военная карьера выходит бедной на главные роли и совершенно их лишена в отношении служб в полевой армии.

Лев Андреевич Салтыков унаследовал дворцовый чин оруженничего от отца, Андрея Михайловича Салтыкова, принадлежавшего роду Морозовых-Салтыковых, который служил Москве с середины XIV столетия¹⁸⁴. До чина окольного (совмещавшегося с чином оруженничего) Лев Андреевич дослужился не позднее 1553 г., а возможно, и в 1552 г. Чин боярина он получил предположительно в 1561 г., а в 1562-м точно был боярином, о чем свидетельствует запись в разрядной книге¹⁸⁵. Он долгое время пользовался большим доверием царя, поскольку активно поддержал его во время «боярского мятежа»

1553 г. Р.Г. Скрынников считает, что это положение продлилось до 1563—1564 гг.¹⁸⁶, а с учетом того, что Салтыков готов был идти за Иваном IV в Александровскую слободу (хотя и был впоследствии выслан обратно), можно считать весьма вероятным царское благорасположение к нему как минимум до последних месяцев 1564 г. А.А. Зимин видит в нем опытейшего московского администратора, расцвет деятельности которого пришелся на конец 50-х — начало 60-х гг. XVI века¹⁸⁷. В 1565 г. Салтыков подвергся аресту. По мнению П.А. Садикова, Лев Андреевич попал в опалу в связи с неудачами на воеводстве: «Некоторые из бояр, вяло и бесталанно руководившие военными операциями против крымцев и Литвы, осенью 1564 г., как, например, И.П. Яковлев, Л.А. Салтыков и кн. В.С. Серебряный-Оболенский, были арестованы и выпущены только после новой присяги на верность и денежного поручительства на огромные суммы со стороны ряда служилых людей»¹⁸⁸. Возможно, это так. Но тогда Салтыков занимал незначительный пост «прибавочного» воеводы, и вряд ли его тактические ошибки могли стать причиной для неудач 1564 г. Так что есть основания усомниться в выводе П.А. Садикова: возможно, причина опалы была другой. В 1567 г. Лев Андреевич уже участвует в подготовке несостоявшегося похода на Литву. В 1568—1569 гг. Салтыков попадает в опричную думу боярином, опять становится «ближайшим советником» царя и занимает пост опричного дворецкого. Он принял участие и в опричном разгроме Северной Руси (1569—1570). Но в 1571 г. он вновь оказался в опале, был по распоряжению царя пострижен в монахи и отправился в Троице-Сергиев монастырь, а позднее его казнили¹⁸⁹.

Казалось бы, Л.А. Салтыков — человек известный, и прославлен он именно военной службой. В большом походе русской рати против крымцев летом 1555 г. Лев Андреевич был вторым воеводой большого полка при первом воеводе боярине И.В. Шереметеве Большом. Поход оказался несчастлив для нашей армии: столкновение с двадцатитысячным войском хана у Судьбищ вылилось в кровавую битву, которая с перерывами продлилась трое суток и закончилась поражением московских воевод¹⁹⁰. Вдвое меньшее число русских бойцов в первых двух столкновениях имело успех. Но затем получил

тяжелое ранение И.В. Шереметев. Это деморализовало войско, быстро утратившее порядок. В результате оно подверглось разгрому. Боеспособность сохранила лишь небольшая часть его — отряд в 2000 человек. Этому отряду удалось закрепиться в овраге и отбить три атаки крымцев. Хан ушел, не став упорствовать, добывая остатки русской армии, и они благополучно отступили. Так вот, после того, как вышел из строя Шереметев, команду по старшинству должен был принять Салтыков. Именно он, видимо, организовал стойкую оборону последнего отряда русских. Впрочем, он же не сумел сохранить боеспособность основных сил, так что роль его в сражении у Судьбищ неоднозначна¹⁹¹. Краткий период командования ратью при ранении Шереметева стал «звездным часом» Льва Андреевича. Во всяком случае, пиком его достижений на военном поприще. Но... для самой рати это был далеко не лучший вариант. Ведь Салтыков не имел достаточного опыта в командовании крупными соединениями. Возможно, это сказалось и на результате Судьбищенской битвы. Разряды сообщают со всей определенностью: Салтыков был главным образом администратором — должность оружничего предполагала управление дворцовым Бронным приказом. На протяжении десятилетия с конца 40-х по конец 50-х гг. Лев Андреевич шесть раз сопровождает Ивана IV в походах именно как оружничий, а не как человек, занимающий какую бы то ни было воеводскую должность¹⁹². И совершенно напрасно С.Б. Веселовский то и дело зовет его воеводой¹⁹³: оружничество само по себе не делало человека военачальником, он был всего лишь сопровождающим лицом в свите государя, имея набор обязанностей, не предполагавший командование полками. Позднее Салтыков опять играет роль сопровождающего лица, но только в чине боярина: знаменитый поход на Полоцк зимой 1562—1563 гг. и поход из Александровской слободы к Серпухову по крымским вестям в 1570 г.¹⁹⁴ А где же собственно воеводские службы Льва Андреевича? Их немного. В полевой армии он до 1555 г. был воеводой дважды: в июне 1549 г. Салтыков идет вторым воеводой в маленькой рати (не разбитой на полки), отряженной к Нижнему Новгороду и, далее, на «казанские места», очевидно, в поддержку большого войска, ушедшего

ранее из Москвы к Нижнему. В декабре 1553 г. он числится вторым воеводой передового полка в походе к Казани, а оттуда «...на луговую сторону и на Арские места... которые государю не прямят». А потом — Судьбищи¹⁹⁵. Для столь важного похода И.В. Шеремету Большому дали, прямо скажем, не самого бывалого помощника... А позднее, кстати, Салтыкова полковым воеводой не назначали ни разу, что косвенно свидетельствует о низкой оценке его полководческих способностей. В 60-х г. на долю Льва Андреевича выпали две скромные воеводские службы. Его отправляли «в прибавку» воеводам, сидящим в Полоцке в 7073 (1564 — 1565) ., а затем смоленским воеводам в 7075 (1566 — 1567). Это выглядит как ссылка, лишенная всяких признаков почета. И вряд ли за полоцкую службу «на подхвате» его могла постигнуть опала. Скорее сама отправка на такую должность может интерпретироваться как результат опалы. Вот, собственно, и всё. Как военный деятель Л.А. Салтыков выглядит человеком не первого и даже не второго ряда.

Отпрыском того же рода, только другой ветви, является Григорий Васильевич Морозов. Окольничим он стал, видимо,

*Александровская слобода.
Фотография С. Прокудина-Горского, 1911 г.*

в 1547 г. (точнее, не позднее декабря 1547 г.), а боярином — уже в 1548-м. А.А. Зимин считает, что смерть Григория Васильевича следует отнести примерно к 1552 г., а С.Б. Веселовский называет 1556 г.¹⁹⁶ Начиная Г.В. Морозов с низких чинов: в 1538 и 1539 гг. он служит в головах во время походов русской армии на юг, «от берега»¹⁹⁷. В зимнем походе 1547—1548 гг. «для казанского дела» он среди сопровождающих царя с чином окольного¹⁹⁸. И лишь в краткий период между 1548 и 1551 г. происходит высокая военная карьера Григория Васильевича, связанная, как видно, с получением боярского чина: он идет вторым воеводой в большом полку к Коломне «по казанским вестям»; затем возглавляет (!) передовой полк осенью 1549 г. на Коломне «от крымские Украины»; переходит на службу в Нижний Новгород и там становится первым (!) воеводой «за городом»; наконец, командует полком левой руки в судовой рати 1551 г., отправленной к Казани прикрывать строительство Свияжска¹⁹⁹. Г.В. Морозов никогда не назначался старшим военачальником в полевой армии. Но как знать, если бы жизнь его продлилась подольше, стал бы он воеводой из обоймы постоянно действующих, т.е. военной элиты, или разделил судьбу большинства представителей старомосковской нетитулованной знати, не ставших на армейской службе птицами высокого полета...

Василий Михайлович Юрьев²⁰⁰ принадлежал роду Захарьиных-Юрьевых, столь широко известному и до такой степени изученному отечественными исследователями, что в особом представлении он не нуждается. Со времен свадьбы Ивана IV и Анастасии Захарьиной-Юрьевой в 1547 г. это семейство оказалось ближайшим к трону и встало исключительно высоко в аристократической пирамиде Московского государства, а сам Василий Михайлович оказался государевым шурином. К тому же В.М. Юрьев был женат на сестре князя И.Д. Бельского Анастасии, а дочь его вышла замуж за князя М.Т. Черкасского (брата второй жены Ивана IV). Какие возможности для карьеры! В 1549 г. — окольный, а несколько месяцев спустя — уже боярин²⁰¹. Но на военном поприще Василий Михайлович был малозаметной фигурой. Как тверской дворецкий, он сопровождает Ивана IV летом 1547 г. под Коломну, а зимой — к уже

упомянутой Роботке; оттуда он отправляется в качестве сопровождающего Щигалея под Казань, не имея никакого командного поста; летом 1553 г. он — в числе бояр в царской свите во время похода к Коломне²⁰². В 7066 (1557 — 1558) г. Василия Михайловича ставят на годование в Казани, но должность его там неясна и, похоже, она не из числа воеводских. Возможно, он был там гражданским администратором²⁰³. В 1559 г., когда большая рать во главе с царем уходит на юг, против крымцев, В.М. Юрьев остается в Москве, в составе комиссии бояр, оставленных при брате Ивана IV, Юрии, неспособном к делам правления²⁰⁴. В такой же боярской комиссии остался «ведать Москву» В.М. Юрьев и во время царского похода 1562 г. на Литву²⁰⁵. Что же остается на его долю из воеводских поручений? Да почти ничего: Василий Михайлович был первый воеводой «у наряда» в зимнем походе на Казань 1548—1549 гг., да вторым воеводой передового полка летом 1551 г. в Рязани по берегу²⁰⁶. С середины 50-х гг. В.М. Юрьев, судя по данным разрядов, воинских постов не получает. Но дожил он, как минимум до середины 60-х (видимо, до 1567 г.). Куда же обращены были его честолюбивые помыслы? В основном к мирной административной карьере. Как уже говорилось он возглавлял Тверской дворец, в начале опричнины наместничал во Ржеве. Сохранились многочисленные известия о его обширной дипломатической работе²⁰⁷. К командованию крупными соединениями он то ли не был допущен, то ли, скорее, имея на то полное право, сам не пожелал прикоснуться.

Часто ли назначали представителей нетитулованной знати, получивших думные чины, командовать полевыми армиями? Нет, это происходило почти что в виде исключения. А уж крупную рать, пятиполкового состава, за всё время правления Ивана IV доверили видному представителю старомосковского боярства только один раз — в январе 1584 г. Ф.В. Шереметеву²⁰⁸. Как часто бывал нетитулованный аристократ во главе армии или крепостного гарнизона, когда были совершены крупнейшие победы грозненской эпохи? Разгромом татар на Оке в 1541 г. руководили князья Д.Ф. Бельский, И.И. Турунтай Пронский. В 1552 г. армиями, шедшими на Казань, штурмовавшими ее и громившими неприятеля в окрестностях го-

рода, командовали князья И.Ф. Мстиславский и А.Б. Горбачев. Главным военачальником в рати, бравшей в 1554 г. Астрахань, был князь Ю.И. Пронский. В 1556 г. войском, отправленным против шведов на Карельский перешеек, командовал князь П.М. Щенятев. Отличились в битве под Выборгом Семен Васильевич и Иван Меньшой Васильевич Шереметевы, но, по данным разрядов, они были в этой армии второстепенными военачальниками (первый воевода передового полка и второй воевода полка правой руки соответственно), и только личная инициатива и отвага дали им возможность выдвинуться во время боевых действий. К Юрьеву-Ливонскому, павшему в 1558 г., ходили с армией князья П.И. Шуйский и В.С. Серебряный. Операцией, в результате которой был взят Феллин (Виляндия) руководили князья И.Ф. Мстиславский и В.И. Барбашин (1560). Старшим воеводой под Полоцком в 1563 г. числился князь И.Д. Бельский²⁰⁹. Девлет-Гирея у Молодей разбили в 1572 г. князья М.И. Воротынский да Д.И. Хворостинин. В победоносном походе зимой 1572—1573 гг., в результате которого московская армия захватила Пайду, старшими воеводами были расписаны нагайский мурза князь П.Т. Шейдяков да князь В.Ю. Голицын. В 1577 г. большое московское войско и отряды государя ливонского Магнуса завоевали 26 городов и замков в Прибалтике²¹⁰. Помимо основных сил там действовало еще два отдельных корпуса. Так вот, первым воеводой большого полка основных сил был князь И.П. Шуйский, а корпусами командовали князья Тимофей Романович и Андрей Васильевич Трубецкие. Псков от Стефана Батория в 1581—1582 гг. обороняли князья В.Ф. Скопин-Шуйский и знаменитый И.П. Шуйский.

На долю нетитулованной аристократии досталось только два по-настоящему крупных успеха, где ее представители сыграли роль главных военачальников. Во-первых, взятие Нарвы в 1558 г. А.Д. Басманов прибыл в Ивангород с небольшим отрядом. Воспользовавшись пожаром в Нарве, он стремительным приступом взял ее мощные укрепления²¹¹. Во-вторых, разгром литовской 9-тысячной рати под Смоленском в 1580 г. воеводой И.М. Бутурлиным²¹².

Таким образом, можно сделать вывод: старомосковским и провинциальным боярским родам редко доверяли крупные

соединения. У них было относительно немного шансов проявить полководческое дарование.

Когда кто-то из нетитулованной знати все-таки становился во главе армии, это могло привести к большим неприятностям. Об угрозе местнической аварии все знали и старались не доводить до этого. Ведь если в Москве или в гарнизоне одной из крепостей местническая ссора хоть и могла нанести урон, но не стала бы губительной, то в условиях постоянно меняющейся обстановки во время похода полевой армии вспышка вражды между воеводами была способна привести к катастрофе. И такие «местнические катастрофы» вооруженные силы России в XVI столетии знавали. Примеров подобного рода неприятностей летописи и разряды знают немало, они хорошо известны исследователям. Но все-таки стоит привести один из них, связанный с переломным событием в ходе Ливонской войны. Тяжелое поражение русских войск под Кесью (Венденом) в 1578 г. произошло в значительной степени из-за промедления с выходом в поход. А это промедление вызвано было грандиозным местническим скандалом. Частью конфликта стало челобитье князей В.А. Сицкого и П.И. Татева, что им «невместно» быть ниже по назначению, нежели первый воевода передового полка Ф.В. Шереметев. Разгром московской армии открыл целую серию неудач на Ливонском фронте, завершившуюся только в 1582 г. Война к тому времени была безнадежно проиграна.

Поэтому в тех редких случаях, когда «командармами» становились представители нетитулованной знати, воеводами в полках назначались опять-таки нетитулованные аристократы или же лица княжеского происхождения, но второстепенных родов.

В 50-х — начале 60-х гг. два представителя старинного московского боярства возглавляли полевые армии в крупных походах. Это Иван Хирон Петрович Захарьин-Яковлев (Яковля), а также Иван Большой Васильевич Шереметев. Так вот, офицерский корпус тех соединений, которые они возглавляли, почти лишен лиц княжеского происхождения. В осеннем походе 1554 г. из Галича на «казанские места» воеводой сторожевого полка у И.П. Яковлева стоит князь В.И. Токмаков-Ноз

дроватый, а в передовом полку — И.В. (Меньшой) Шереметев²¹³. У Шереметева (Большого) в знаменитом походе против крымцев 1555 г. из шести подчиненных воевод только один — князь, да и тот удельный воевода Владимира Андреевича Старицкого (кн. В.Ю. Лыков)²¹⁴, а такая служба считалась рангом пониже государевой. Поход 1559 г. под Юрьев-Ливонский, когда во главе армии стоял И.П. Яковлев, воевод-князей не знает²¹⁵. В разрядах указан под 7070 (1561 — 1562) г. поход из Смоленска в «литовскую землю». Во главе русской рати вновь поставлен И.В. (Большой) Шереметев. У него под командой — 4 воеводы, и только один из них, малозаметный князь И.Д. Дашков, относится к титулованной знати²¹⁶.

В опричную эпоху этот порядок сохраняется, хотя и несколько ужесточается в отношении военной службы титулованной аристократии. Под началом опричного воеводы И.Д. Плещеева-Колодки оказывались князья М.Ф. Гвоздев-Приимков, И.П. Залуца Охлябинин и А. Морткин²¹⁷. Никто из них не принадлежал к выдающимся, особо знатным княжеским родам. Гвоздевы-Приимковы были одной из младших ветвей Ростовских князей, служили в опричнине и сохранили родовые вотчины, но в служебном отношении высоко подняться не сумели. Разряды за 7076 (1567 — 1568) г. содержат известие о том, что на князя И.Ф. Гвоздева бил челом «о местех» Р.В. Алферьев, опричный выдвигенец из захудалых Нащокиных, и добился того, что пошел в поход «без мест»! Охлябинины и Морткины являлись отраслями сильно размножившегося семейства Ярославских князей; кн. А. Морткину, вероятно, мешало высоко подняться то обстоятельство, что родня его перебегала в Литву, и на военной службе его почти не видно. Охлябинины давно утратили родовые вотчины и не вышли в думные чины; по родовитости они стояли несколько ниже Морткиных; кн. И.П. Залуца Охлябинин служил много, повысил свое положение, попав в опричнину, но до высоких воеводских постов дослужиться не смог... Что же касается земских военачальников, то для них никакого изменения не произошло. Михаил Яковлевич Морозов в 1569 г. идет под Изборск со смешанным земско-опричным корпусом. Из восьми воевод, попавших ему под команду, князей лишь двое —

это невысоко стоящие в служебном и родовом отношении князя Н. Гундоров и Ю.И. Токмаков²¹⁸. Под 7077 (1568 — 1569) г. в разрядах упоминается об отправке того же И.П.Яковлева во главе армии на крымское направление «за реку». Вторым воеводой в большом полку идет князь Ф.И. Татев, а воеводами передового и сторожевого полков, соответственно, Н.Р. Юрьев и И.В. (Меньшой) Шереметев²¹⁹. Фёдор Иванович Татев происходил от одной из младших ветвей князей Стародубских-Ряполовских. Что его отец, что он сам были вечными «рабочими лошадками» в вооруженных силах России XVI столетия, но никогда не поднимались высоко.

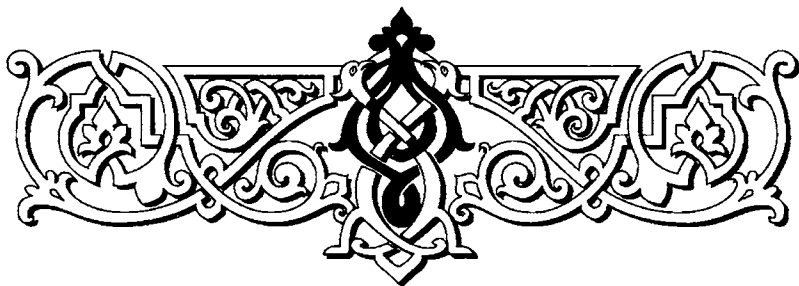
В 1584 г. Ф.В. Шереметев, как уже говорилось, ведет большую рать на луговую черемису. В его подчинении 9 воевод, но из них только трое относятся к числу титулованной аристократии²²⁰. Это князя Д.И. Хворостинин (еще одна «рабочая лошадка» с трудной судьбой и триумфальным будущим, род его не отличался особой знатностью — чуть ниже Охлябинных), И.М. Барятинский (род из верхнего слоя провинциального дворянства²²¹) и М.А. Щербатый (проиграл местническое дело 1586 г. худародному опричному выдвигенцу М.А. Безнину!)²²².

Таким образом, при назначении нетитулованных аристократов на воеводские посты, особенно на посты старших военачальников в полевых армиях, московское правительство проявляло большую осторожность.

Но даже такая осторожность не спасала от столкновений. Так, в 1575 г., во время победоносного похода на Пернов, воеводой большого полка был Н.Р. Юрьев²²³, царский родственник, человек древнего рода, стоящий весьма высоко в аристократической иерархии. И то «не взял списков» и не признал его старшинства воевода полка правой руки князь А.В. Репнин! Случай оказался Ивану IV не настолько однозначным, как другой местнический спор, произошедший тогда же и разрешенный с помощью прямого приказа: списки взять. А.В. Репнину пришло иное повеление, намного мягче: «...государь писал ко князю Ондрею, велел ему бытии на той службе без мест; а как служба минетца, и государь тогда дела их послушает»²²⁴.

Можно сделать следующие выводы: карьерный рост представителей нетитулованной знати в вооруженных силах был затруднен. Высшие посты в полевых армиях доставались им редко, в виде исключения. Главной причиной, по всей видимости, был недостаток знатности, что несло в себе потенциальную угрозу местнических конфликтов, которые могли привести к тяжелым последствиям во время боевых действий. Возможно, второй причиной была также большая склонность старомосковского боярства к административной службе; но об этом можно говорить пока лишь предположительно, — для подтверждения данного тезиса необходимо большое самостоятельное исследование, выходящее за рамки собственно армейской тематики.

Приложение II ОПРИЧНЫЕ ВОЕВОДЫ

К настоящему времени вопрос о персональном составе опричного двора, опричных административных учреждений и опричной думы усилиями целого ряда отечественных историков изучен весьма подробно и основательно. В меньшей степени исследован состав опричного воеводского корпуса. В летописях, разрядах, делопроизводственной документации, а также записках иностранцев содержатся сведения о деятельности свыше пятидесяти воевод-опричников. Однако принципы комплектования командного состава опричной армии в разные периоды опричнины 1565—1572 гг. остаются на периферии интересов академических историков. Более того, даже список лиц, занимавших в опричнине крупные посты военачальников, еще не составлен, хотя опричные боевые соединения сыграли видную роль в военной истории России периода правления Ивана IV. Отчасти этому препятствует наличие ряда вопросов чисто источниковедческого характера.

Источниковедческие проблемы

Один из таких вопросов ставит неясность происхождения записи, помещенной в государственных разрядах под 7073 (1564 — 1565) г. и содержащей известие о воеводах полков, отправленных к Калуге. Она расположена в самом конце годового комплекса разрядных записей, что косвенно указывает на датировку весна — лето 1565 г. Однако в любом слу-

чае, если запись размещена под верным годом, она относится к первым месяцам существования опричнины или к периоду, непосредственно предшествующему ее введению.

Имеет смысл воспроизвести ее полностью: «Тово же году были воеводы в Колуге по полком:

В большом полку воеводы князь Федор Михайлович Трубецкой да князь Иван Васильевич Темкин Ростовской.

В правой руке воеводы князь Василей Иванович Телятевской да князь Роман Васильевич Охлябинин.

В передовом полку воеводы князь Иван Таутукович Черкасской, да Григорей Микитич Борисов-Бороздин.

В сторожевом полку воеводы князь Володимер Тоутукович Черкасской, да Дмитрий Борисович Салтыков.

А в левой руке воевода князь Иван Залуца Петрович Охлябинин да Игнатей Борисович сын Блудов»²²⁵.

По мнению В.Б. Кобринина, калужский разряд 7073 г. должен иметь иную, по всей видимости, более позднюю дату, но при этом, по его мнению, «...опричное происхождение этой разрядной записи несомненно»²²⁶. Однако ничего несомненного тут нет. В качестве аргументов В.Б. Кобринин выдвигает следующие факты: «Из десяти воевод, упомянутых в разряде, семь известны как опричники по другим источникам, а трое (В.Т. Черкасский, Р.В. Охлябинин, Г.Н. Бороздин) являются родственниками опричников. Это заставляет считать разряд опричным. Но дата... под которой он помещен, не может быть принята: в это время В.И. Темкин еще находился в литовском плену, а Ф.М. Трубецкой был земским воеводой. Они не могли, таким образом, возглавлять тогда опричные войска. И так... датировать ее точно нельзя». Но уже А.А. Зимин обратил внимание на то, что в разряде упомянут не кн. В.И. Темкин, а его сын, кн. И.В. Темкин²²⁷. И, остается добавить, если по летописным данным тот же В.И. Темкин был возвращен из литовского плена в июле 1567 г.²²⁸, то когда он туда попал, неизвестно. Возможно, его пленение было весьма кратковременным.

Что касается прочих воевод, упомянутых в калужской записи 7073 г., то их служебное положение в конце 60-х — начале 70-х гг. может пролить свет на данную проблему.

Итак, князь И.В. Темкин (из ростовских князей) до попадания в калужский разряд 7073 г. на воеводских службах источниками не упоминается. Когда он начал служить по опрочнине — неизвестно: в разрядах его имя не встречается ранее 7079 г., когда его отправят вторым воеводой большого полка «из опрочнины» в Тарусу²²⁹.

Далее запись содержит сведения о князьях И.П. Охлябинине и Р.В. Охлябинине (из ярославских князей). И.П. Охлябинин был одним из виднейших опрочных воевод. Он долго и трудно проходил военную карьеру, начав с низких ступеней, приобретает большой опыт, в 60-х гг. (до опрочнины) уже добивается первых воеводских назначений; в опрочных разрядных записях он появится как первый воевода передового полка в Калуге под 7076 (1567 — 1568) г.²³⁰ Далее до отмены опрочнины он еще несколько раз выступит как крупный опрочный полководец. Князь Р.В. Охлябинин (по поводу которого нет уверенности, участвовал ли он вообще в походе к Калуге) в опрочных разрядах и иных документах не упоминается. До опрочнины он неоднократно побывал на высоких воеводских должностях.

Князья Черкасские — оба родня очень значительного деятеля грозненской эпохи, Михаила Темрюковича Черкасского, брата царицы Марии Темрюковны. Но в русской истории

они оставили крайне незначительный след. За Владимиром Таатуковичем никаких служб, помимо присутствия в разрядной записи 7073 г. не числится, а Иван Таатукович назван еще раз в опрочном разряде 7079 г. первым воеводой полка левой руки в опрочном корпусе в Тарусе²³¹.

Князь Василий Иванович Телятевский впервые появляется в калужском опрочном разряде

Опрочники Ивана Грозного

под 7077 г. как первый воевода передового полка и с этого момента служит в опричной армии на воеводских постах²³². Впрочем, для него это не карьера. Он и до опричнины занимал крупные должности. В 7073 г. он сидел в Брянске наместником (до мая 1565 г., когда туда прислали других воевод)²³³.

Григорий Никитич Борисов-Бороздин происходил из знатного и влиятельного рода, уходящего корнями в тверское боярство. До опричнины он успел получить опыт на нескольких воеводских должностях. Действительно, он был двоюродным дядей большого опричного деятеля Н.В. Бороздина. Вот только В.Б. Кобрин слишком торопится вписать и его самого в опричнину²³⁴ — на основании того, что Григорий Никитич назван в анализируемой разрядной записи, — а ее опричное происхождение надо еще доказать.

Дмитрий Борисович Салтыков — сомнительный опричник. Он ни разу не упоминается в опричных военных соединениях как военачальник — хотя бы и самого скромного ранга. В.Б. Кобрин считает его опричником фактически по одной причине: Дмитрий Борисович был в октябре 1572 г. (видимо, печать, на самом деле имелся в виду 1571 г., поскольку в разрядной записи его отправка в Кострому отнесена к 7080 (1571 — 1572) г.) в опричной Костроме «для поветрия моровова на заставе»²³⁵. Если Д.Б. Салтыков и вошел в опричнину, то, по всей видимости, ненадолго, на завершающем этапе ее деятельности. А вот родственником одного из наиболее влиятельных опричных деятелей — Л.А. Салтыкова из древнего московского боярского семейства — он был.

Игнатий Борисович Блудов (из худародных провинциальных дворян) — представитель «опричной гвардии», упоминается в опричных разрядах с 7076 (1567 — 1568) г., где назван вторым воеводой сторожевого полка²³⁶; впоследствии постоянно используется как командир «второго ряда» в опричных соединениях. До опричнины он уже бывал в воеводствах — с 50-х гг. XVI века: в марте 1555 г. назван в разряде «почапским наместником», в 7067 (1558 — 1559) г. он годовал вторым воеводой во Мценске, а в 7068 (1559 — 1560) г. сидел воеводой в Карачеве²³⁷. Отмена опричнины дурно сказывается на его карьере.

Интереснее всего фигура князя Фёдора Михайловича Трубецкого. А.А. Зимин, оценивая гипотезу В.Б. Кобринина о ложной датировке разрядной записи 7073 г., в частности, замечает: «Гораздо более серьезным обстоятельством (чем мифическое присутствие в записи князя В.И. Темкина. — Д.В.) служит то, что Ф.М. Трубецкой, до октября 1570 г. земский воевода, в октябре также “возглавляет опричные войска в Калуге, как и в записи 1565 г.”»²³⁸. Обстоятельство и в самом деле серьезное. На первый взгляд, оно служит полным доказательством точки зрения В.Б. Кобринина. Но пребывание князя Ф.М. Трубецкого с войском у Калуги объясняется без привлечения каких бы то ни было соображений о составе опричнины. Фёдор Михайлович сидит первым воеводой в Дедилове с 7072 г. по сентябрь 1565 г., когда его заменили новым воеводой. А в мае 1565 г. князя Трубецкого отправили «с людьми» из Дедилова на подкрепление в большую армию князя И.Д. Бельского, собранную для отпора «по крымским вестям». Ее авангард (передовой полк) под командованием князя И.И. Турунтая Пронского и И.В. Меньшого Шереметева тогда же, в мае, был выдвинут как раз к Калуге. Ф.М. Трубецкой со своими людьми стоял тогда в районе Каширы в составе полка правой руки. Но с 26 июня основные силы стали передвигать к брынскому лесу для операций на литовском рубеже²³⁹. В Калуге некоторое время оставался с частью людей И.В. Меньшой Шереметев, но и его планировали перебросить оттуда на другой театр военных действий (неясно, был ли он на самом деле перебросен, т.к. в сентябре 1565 г. он опять сидит на воеводстве в Калуге)²⁴⁰. Таким образом, с конца июня 1565 г. больших сил русской армии на южном оборонительном рубеже нет, они ушли. И в этот момент туда могли выдвинуть из Каширы дедиловскую рать князя Ф.М. Трубецкого, которая в такой ситуации стала ядром корпуса, закрывавшего от крымцев это направление. А в сентябре (или, может быть, раньше) Трубецкой возвращается в Дедилов.

Допустим, в разрядах нет ошибки, и поход под Калугу состоялся, тогда его можно датировать июлем — августом 1565 г. Ничто не мешает собраться под Калугой десяти воеводам, перечисленным в разряде 7073 г. Как уже говорилось, князь

Трубецкой именно тогда возглавлял отряд дедиловцев на юге, а И.Б. Блудов, Г.Н. Борисов-Бороздин, князя И.П. и Р.В. Охлябинины, В.И. Телятевский имели к тому времени опыт пребывания на воеводских должностях. Иными словами, сложился командный костяк, который никого бы в тот момент своим составом не удивил. Остальные же участники похода были достаточно знатны, чтобы их назначение на посты полковых военачальников также ни для кого не стало бы сюрпризом.

Семь будущих опричников из десяти воевод — это, конечно, сильный аргумент в пользу точки зрения В.Б. Кобринна. Но один из них, «опричник», Д.Б. Салтыков, — под сомнением. Кроме того, резонно предположить, что в первой половине — середине 1565 г. еще не существует разделения вооруженных сил на опричные и земские, а будущие опричные воеводы поставлены Иваном IV в большую рать на должности полковых начальников, чтобы можно было к ним присмотреться, оценить их способности. Людей просто «пробовали в деле». Количество «родственников опричников» ничего к позиции Кобринна не добавляет, поскольку весь военно-служилый класс был пронизан сетью брачно-родственных связей, и пребывание в одном семействе с опричником никого механически в опричину не вводило.

Опричина была учреждена в Александровской слободе в январе 1565 г., а в Москву Иван IV вернулся уже в феврале. Однако создание особой опричной армии требует времени. Нет ничего странного в том, что она еще не была составлена к лету 1565 г. и появилась на полях сражений только осенью. Указ о введении опричины свидетельствует, в частности, о формировании новой служилой корпорации: «А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов...»²⁴¹ Формирование опричного государева двора и опричных вооруженных сил стоило больших усилий. «1565 год был заполнен строительством опричного аппарата, персональным отбором “людишек”, испомещением “верных слуг”, переселениями лиц, внушавших опасение...» — пишет А.А. Зимин²⁴². Р.Г. Скрынников на основе Послания Таубе и Крузе, сверенного по изданию Г. Хоффа, реконструировал процесс отбора служилых людей по отечеству

Болхов, Монастырская слободка

в опричнину следующим образом: «После утверждения указа об опричнине правительство вызвало в Москву дворян трех опричных уездов — Суздальского, Можайского и Вяземского и произвело генеральный смотр. Им руководила специальная опричная комиссия в составе первого боярина А.Д. Басманова, князя А. Вяземского и П. Зайцева. Во время смотра четверо “старших” дворян из каждого уезда должны были после особого допроса и под присягой показать перед комиссией происхождение рода уездных служилых людей, рода их жен, указать также, с какими князьями и боярами они вели дружбу...»²⁴³ Ясно, что этот процесс не мог идти быстро. П.А. Садиков считал также, что была произведена чистка командного состава в действующих войсках: ряд полковых воевод, стоящих по городам, близким к Дикому полю и пограничным с Литвою, был отозван и вместо них назначены новые²⁴⁴.

Впервые опричный корпус как самостоятельное полевое соединение появится на страницах разрядов только в октябре 1565 г. — у Болхова, при отражении набега крымцев²⁴⁵. Судя по всему, он еще совсем невелик: два не разбитых на полки отряда с пятью воеводами во главе. Серьезной боевой силой он станет лишь в 1567—1568 гг. Именно тогда, осенью 1565 г., в разрядах возникает пояснение: «воеводы из опришнины» В калужском разряде, о котором пишет В.Б. Кобрин, ничего подобного еще нет. Отсутствие в изучаемой разрядной записи слов «из опричнины», которые будут проставляться в разрядах на про-

тяжении всего опричного периода в подавляющем большинстве случаев, говорит против гипотезы В.Б. Кобриня. Как уже говорилось, опричного корпуса к тому времени могло еще не существовать. Следовательно, «опричные воеводы» станут таковыми лишь в будущем, и сейчас ими вполне может командовать «земский воевода» кн. Ф.М. Трубецкой.

Остается добавить еще один контраргумент более общего характера.

Насколько характерна хронологическая путаница для разрядов того времени? Наиболее крупный знаток этого вида источников, В.И. Буганов, пишет о том, что в разрядных книгах второй половины XVI века в основном выдерживается хронологический принцип, они близки «к разрядным первоисточникам». С «государева разряда» 1556 г. начинается определенный этап, своего рода реформа разрядного делопроизводства: «Именно с середины XVI в. в разрядных книгах начинаются *подробные регулярные* записи (курсив мой. — Д.В.) за каждый год»²⁴⁶. А это вряд ли совместимо с произвольной перестановкой в разрядных записях более чем на пять лет.

Таким образом, можно сделать вывод: нет достаточных оснований приписывать калужской разрядной записи 7073 г. опричное происхождение.

И при составлении списка опричных воевод она не учитывается.

Ряд вопросов ставит также разрядная запись выхода опричного корпуса под Тарусу. Эта запись относится к 7080 (1571 — 1572) г. Она свидетельствует о хронологически самой поздней крупной самостоятельной операции опричного воинства. С зимы 1571—1572 гг. нет ни единого значительного похода, о котором можно было бы твердо сказать, что командный состав набирался исключительно из опричников, без участия земских воевод. Общие действия опричных ратей и земских встречаются как минимум с 1569 г., когда З.И. Плещеева-Очина отправляют с опричным отрядом на поддержку земской армии воеводы М.Я. Морозова, отправленной отбивать Изборск. Но до середины 1571 г. разряды четко отделяли участвующие в крупной операции соединения опричников от соединений земцев. А с зимы 1571—1572 гг. начинается расписывание

опричных и земских воевод в один и тот же полк большой рати без обозначения их принадлежности к опричнине и земщине.

Итак, текст тарусской разрядной записи 7080 г.:

«Того же году в Торусе из опришнины воеводы были по полком:

В большом полку воеводы князь Михайло Темрюкович Черкасский да князь Иван Васильевич Темкин.

В правой руке воеводы князь Микита Романович Одоевский да князь Ондрей Петрович Хованской.

В передовом полку воеводы князь Василей Иванович Борбашин да окольниковей Микита Васильевич Борисов.

В сторожевом полку воеводы князь Василей Иванович Телятевский да князь Иван Охлябинин.

В левой руке князь Иван да князь Дмитрий Щербатые»²⁴⁷.

Она присутствует только в сокращенной редакции разрядной книги.

Информация, содержащаяся в ней, использовалась исследователями; в частности, В.Б. Кобрин учел ее при составлении списка опричников.

Однако очень сомнительно, что этот выход опричного корпуса в действительности состоялся. Во всяком случае, он не мог пройти при том составе воевод, который приведен в разрядной книге.

Прежде всего, кн. М.Т. Черкасский был казнен после прорыва хана Девлет-Гирея к Москве. Казнь состоялась в конце мая — начале июня 1571 г.²⁴⁸

Возможно, его имя попало в заготовку разряда, предназначенного для выхода полков осенью 1571 г. Когда эта заготовка составлялась, приказные люди еще не знали о смерти Черкасского. В этом случае возможны два варианта: либо поход к Тарусе все-таки состоялся, но без участия покойного князя (это могло произойти только осенью 1571 г., поскольку названные в записи воеводы — князь Д. Щербатый, Н. Одоевский, И. Охлябинин и А. Хованский — участвовали зимой, весной и летом 1572 г. в других походах: к Новгороду Великому, «на берег», а также в оборонительной операции против очередного набега Девлет-Гирея), либо похода не было, хотя заготовка и вошла в состав разрядной книги.

За второй вариант говорит почти полная идентичность этой записи и другой, составленной за год до того, для похода опричного корпуса туда же, к Тарусе. На всех воеводских постах стоят те же персоны, лишь последняя строка звучит иначе: «В левой руке князь Иван Черкасской, да князь Дмитрей Щербатой»²⁴⁹. Но и эта разница может объясняться одной только оплошностью писца: случайно пропустив слово «Черкасской» он мог создать ошибочное впечатление, что в состав разряда введен князь Иван Щербатый.

Необыкновенное сходство двух разрядов носит уникальный характер: небывалое дело, чтобы разрядные записи, составленные с хронологической дистанцией в год, при совершенно разных обстоятельствах, тем не менее во всем или почти во всем повторяли друг друга. Вероятнее всего, переписчик дважды ввел в состав разрядной книги одну и ту же запись. Но тогда сама возможность похода опричной армии к Тарусе выглядит крайне сомнительно. Пользоваться данными тарусского разряда 7080 г. для определения состава опричной военной элиты означает делать источниковедчески не оправданный шаг.

В этом случае дата последней крупной операции опричного корпуса как самостоятельного соединения должна быть перенесена на значительно более раннее время. Осенью 1570 г. его вывели к Тарусе, плюс еще два значительных отряда опричников были развернуты под Калугой и у Сенькина перевоза²⁵⁰. Большая часть этих сил была сконцентрирована в мае 1571 г. для крупной оборонительной операции. Во всяком случае, когда против Девлет-Гирея, рвущегося к Москве, стали собирать полки, то полковые воеводы были назначены в основном из числа тех, кто был выставлен охранять южный рубеж еще осенью²⁵¹. Против крымцев опричники и армия земщины действовали в условиях раздельного командования и притом крайне неудачно. Большая часть опричного корпуса покинула поле боя вместе с царем, а оставшаяся часть жестоко пострадала, пытаясь отстоять столицу. Результатом же стал общий разгром вооруженных сил Московского государства и сожжение татарами Москвы. Видные опричные военачальники, участвовавшие в походе как полковые воеводы, подверглись смертной казни: кн. М.Т. Черкасский, кн. В.И. Темкин-Ростов-

ский, В.П. Яковлев. Больше опричный корпус как самостоятельная боевая сила не собирался. Видимо, летом 1571 г. военная организация опричнины рухнула.

Итак, у историка есть достоверные данные о существовании военной организации опричнины за период неполных шести лет — с октября 1565 по лето 1571 г.

Реконструируя кадровый состав опричной военной машины, необходимо учитывать два важных источниковедческих замечания А.А. Зимина. В сущности, одно из них является естественным продолжением другого, поэтому и рассматривать их удобнее в совокупности.

Вот первое высказывание: «Основная сложность при размежевании опричной и земской служб дворянства в 1565—1566 гг. коренится в состоянии источниковедческой базы. Наиболее полные сведения о принадлежности к опричнине, как установил В.Б. Кобрин в своей превосходной реконструкции состава опричного двора, дают разрядные записи. Однако только с сентября 1567 г. до начала 70-х годов XVI в. в разрядных книгах есть более или менее точное размежевание опричных и земских полков. До этого лишь осенью 1565 г. при рассказе о походе к Болхову указывается, что “из опришники” в Москву были посланы князя А.П. Телятевский, Д.И. и А.И. Хворостинины, а из Белёва (опричный город) — князь Д.И. Вяземский и Михаил Белкин²⁵². Перед исследователем совершенно естественно встает вопрос, было ли вообще четкое размежевание опричных и земских полков до осени 1567 г., т.е. не является ли запись 1565 г. исключением. Если же это размежевание было, то делались ли всегда в разрядах указания на службу воевод “из опричнины”, или эти заметки носят случайный характер. Допустим, что опричные воеводы уже в 1565—1566 гг. не могли возглавлять земские полки и участвовать в совместных походах с земскими военачальниками. Но тогда получается, что основная масса воевод попала в опричнину только к 1567 г., ибо ранее об их опричной принадлежности нет никаких упоминаний»²⁵³.

Еще более четко проблему о недостатке информации, касающейся опричного корпуса, А.А. Зимин обрисовывает в другом месте: «Обращает на себя внимание отсутствие разрядов на

вторую половину 1566 и первые три месяца 1567 г. Осенних назначений на “годование” воевод и наместников не было. Не исключено, что правительство, напуганное выступлениями участников земского собора [1566 г.] из среды дворовых детей боярских, решило повременить с военно-административными назначениями до произведения тщательной проверки причастности к этому выступлению лиц из состава государева двора, откуда черпались кандидаты на высшие военные должности». Здесь же делается уточнение: «Последний разряд за 1566 г. датирован концом июня, а первый за 1567 г. — апрелем»²⁵⁴.

Безусловно, «брешь» в разрядных записях 1566 г. бросается в глаза, А.А. Зимин совершенно прав. Опричный корпус собирается как самостоятельная сила осенью 1565 г., затем источники не указывают, что никаких служб — походов, строительства крепостей и т.п. — для которых его вновь собрали бы, не было аж до осени 1567 г. Почему образовался этот перерыв?

Можно предположить, что какая-то часть разрядных записей утрачена, причем утрата эта произошла тогда же, во второй половине 60-х гг. XVI века, поскольку в противном случае хотя бы одна редакция, хотя бы один список разрядных книг, известных во множестве вариантов, сохранили бы утерянную информацию. Нелегко назвать причину, по которой из разрядных книг мог быть извлечен значительный отрывок. Однако в пользу этой версии говорит следующее: никто из пяти воевод, указанных в Болховской разрядной записи 1565 г., не получал более никаких служебных назначений в течение названного двухлетнего периода, что выглядит странно: кроме кн. Д.И. Вяземского, все прочие постоянно получают посты в полевых соединениях и гарнизонах на протяжении 60-х гг., а тут в их карьере вырисовывается странная лакуна. Так что версия об утрате информации в разрядных книгах не лишена оснований.

На протяжении всего указанного периода (до осени 1567 г.) персоны, известные как заведомые опричные воеводы более позднего периода, участвуют в походах вместе с военачальниками, которые никогда не упоминались в опричнине. Напротив, нет ни единого случая, когда в командовании полевого

соединения собирались одни только явные опричники конца 60-х — начала 70-х гг. XVI века. В разрядах 1567—1571 гг. изредка делались записи, где о гарнизоне или полевом соединении, составленном из опричных подразделений, не говорится, что они «из опричины» (правда, это очень редкие случаи, и чаще всего данная ремарка присутствует в предыдущих записях — составитель разрядной книги мог считать, что одной ремарки на несколько последовательно стоящих записей достаточно), но между осенью 1565 и осенью 1567 г. не обнаруживается ни одной записи, в которой целое соединение приписывалось бы опричной военной организации.

Остается два варианта: либо четкого размежевания между опричными и земскими подразделениями в походах того времени действительно не производилось, либо опричный боевой корпус почему-то не выдвигался для службы «на берегу» или на западных рубежах. Первое весьма сомнительно: к осени 1565 г. боевое соединение опричников сформировано и, видимо, участвует в боевых действиях, затем оно по неясным причинам исчезает, и опричников смешивают с земскими полками, чтобы потом опять выделить в самостоятельную военную силу во второй половине 1567 г. Логическое обоснование для подобного культизма отыскать крайне трудно. Остается последнее: опричные военачальники не несли в указанный период боевой службы, их работа ограничивалась службой охранного характера. Чем это можно объяснить?

Можно, конечно, предположить, что опричный боевой корпус находился на грани расформирования, поскольку Иван IV какое-то время прислушивался к советам об отмене опричины и у него возникло колебание: не отменить ли это нововведение? Но подобный оборот представляется маловероятным: если использовать его как рабочую гипотезу, остается неясным, по какой причине опричная военная организация все-таки была сохранена и нашла новое применение в осеннем походе 1567 г.

Но более вероятно второе: обстоятельства земского собора лета 1566 г. и особенно послесоборного выступления оппозиции вынудили царя постоянно держать всю военную силу опричного корпуса под руками, не распускать ее и не отправлять на театры военных действий.

Отсутствие опричников на фронтах войны с Польско-Литовским государством и Крымским ханством действительно имеет смысл связывать с московскими событиями 1566 г.: Земским собором и антиопричным выступлением. Но прежде следует сделать оговорку: В.И. Корецкий сделал аргументированное предположение о двух антиопричных выступлениях в столице России — одно из них совершено «дворянской фрондой» в 1566 г., а второе приняло форму волнений посадского люда в июле 1568 г.²⁵⁵ До настоящего времени гипотеза Корецкого не получила обоснованного опровержения. Однако она никак не отвергает того факта, что 1566 г. создал для Ивана IV тревожную ситуацию. Со всей определенностью к 1566 г. можно приурочить два свидетельства источников. Во-первых, А. Шлихтинг сообщает: «В 1566 году сошлись многие знатные лица, даже придворные самого тирана, число которых превышало 300 человек, для переговоров с ним и держали такую речь: “Пресветлейший царь, господин наш! Зачем велишь ты убивать наших невинных братьев? Все мы верно тебе служим, проливаем кровь нашу за тебя. Ты же за заслуги воздаешь нам теперь такую благодарность. Ты приставил к шеям нашим телохранителей, которые из среды нашей вырывают братьев и кровных наших...”»²⁵⁶ и т.п. Во-вторых, претендент на занятие вакантной митрополичьей кафедры настоятель Соловецкой обители Филипп (Колычев) летом 1566 г. также потребовал от царя отменить опричнину²⁵⁷. Выступление произошло на соборе 1566 г. или вскоре после него, поскольку известно о казни как минимум трех вождей земской оппозиции, участвовавших в соборных заседаниях: кн. В.Ф. Пронского-Рыбина, И.М. Карамышева и К.С. Бундова²⁵⁸. Некоторые исследователи связывают с событиями 1566 г. известие Пискаревского летописца: «...а сам царь живя за Неглинною на Петровке. А ходиша и ездиса в черном все люди опришнины, а в саадацах помяла. И бысть в людех ненависть на царя от всех людей. И биша ему челом и даша челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему бытии. И присташа ту лихия люди ненавистники добру стаща вадити великому князю на всех людей, а инья по грехом словесы своими погибоша»²⁵⁹. По всей вероятности, у царя были основания опасаться вооруженного выступления

оппозиции, ведь за тремя сотнями челобитчиков могло стоять значительно большее количество недовольных, не пожелавших открывать свои имена. И тогда присутствие в Москве значительного контингента боевых опричных отрядов объясняется самым естественным образом: 500 человек собственной охраны Ивана IV могло не хватить для подавления чаемого восстания. Потребовалось сосредоточить в столице весь корпус.

Приходится либо признать эту версию, либо остановиться на гипотезе о лакуне в самом источнике — разрядах. Все прочие варианты менее обоснованны.

Списочный состав опричных воевод

Как уже говорилось, изучение опричной военной элиты — особенностей ее формирования, главных кадровых источников, боевого опыта и происхождения ключевых фигур — невозможно без предварительного составления списка. В При-

ложении III приводится этот список, составленный в основном по материалам разрядов, летописей и, в меньшей степени, сообщений иностранных авторов.

В список входят только те, кто получал в опричные воеводские должности. Не учтены также деятели опричины, занимавшие видное место в карательных операциях, т.е. походах на «внутреннего врага» и расправах с ним²⁶⁰. Не вводились в этот реестр и опричники, входившие в состав государева двора и участвовавшие в походах, но не получившие ни разу воеводских назначений. Напри-

*Митрополит Филипп
отказывается благословить
Ивана Грозного*

мер, те, кто входили в свиту Ивана IV, несли службу в рынках, податнях, не поднимались выше должности голов и т.п. В список включены только те, кто побывал в воеводах при несении боевой службы против внешнего неприятеля. Поэтому данное перечисление в пять раз короче, чем список опричного государева двора у В.Б. Кобрина, и не включает целый ряд добавок, сделанных к кобринскому списку А.А. Зиминим: всего 55 человек.

Почти все эти лица попали в список опричников, опубликованный В.Б. Кобриным. По неизвестным причинам он не учел лишь князя В.И. Горбатого-Мосальского, ходившего первым воеводой в передовом полку во время одного из выходов опричного корпуса под Калугу, а также Игнатия Борисовича Салтыкова, назначенного в том же походе вторым воеводой полка левой руки²⁶¹. Кроме того, Кобрин ошибочно сообщает о назначении князя Семена Ардасовича Черкасского на пост первого воеводы полка левой руки в тарусском походе опричного корпуса осенью 1570 г.: по данным разрядов, эту должность тогда занимал князь Иван Таатукович Черкасский²⁶².

По всей видимости, сюда можно добавить еще несколько персон, Кобриным в опричный двор не включенных. Это Дмитрий Шафериков-Пушкин и Афанасий Новокшенов (Новокщонов). Оба они участвовали в строительстве города Толшебора на Кольванской дороге в 7078 (по всей видимости, 1570) г.²⁶³ В разрядной записи не сказано, что они «из опричины», однако старшим воеводой при строительстве города был назначен видный опричник Р.В. Алферьев, следовательно, и подчиненных ему также подобрали из опричины. В калужском походе 7077 (1568 — 1569) г. в одном варианте разрядной записи вторым воеводой передового полка указан Константин Дмитриевич Поливанов, а в другой — его брат Иван Дмитриевич²⁶⁴, что может быть и писцовой ошибкой, и заменой одного военачальника другим, произведенной по неясной причине. В мае 1570 г. было получено донесение из-под Зарайска: опричный воевода кн. Д.И. Хворостинин сообщал о разгроме крымцев, который был совершен им вместе с Фёдором Львовым²⁶⁵; но кто этот Фёдор Львов — воевода или голова при князе Хворостинине, непонятно. По всей видимости, на завершающем этапе оприч-

нины к ее военному ведомству принадлежал Иван Михайлович Большой Морозов. Он ходил в декабре 1571 г. в поход на шведов из Орешка в село Лебяжье как воевода большого полка вместе с явным видным опричником князем Д.М. Щербатым, который был тогда воеводой передового полка, и другим опричным военачальником, Я.Ф. Волынским-Попадейкиным, возглавившим сторожевой полк²⁶⁶. Это дает повод предполагать, что они были опричниками, хотя бы и недолгое время. Весной 1572 г. вместе с одним из главных опричных воевод, И.Д. Колодкой Плещеевым, в Орешек «для береженья... от Каролуса, короля свийского», отправили Василия Васильевича Розладина-Квашнина (вторым воеводой) и князя Григория Путятина (наместником вместо сидевшего там Замятни Сабурова)²⁶⁷; это позволяет предположить принадлежность опричной военной организации всех троих (особенно Розладина). В 1572 г. князь Никита Борисович Приимков-Ростовский был назначен в Юрьев-Ливонский вторым воеводой при первом — князе Семене Даниловиче Пронском²⁶⁸, очевидном опричнике; возможно, и он был записан в опричину под занавес. В Ругодиве (Нарве) как минимум с осени 1570 г. сидел одним из воевод князь Григорий Неклюд Давыдович Путятин; осенью 1571 г. его опять расписали туда четвертым воеводой; разряды сохранили имена остальных трех: первым был тогда Михаил Андреевич Безнин — опричник видный, высоко стоявший в военно-административной иерархии корпуса, вторым — Яков Фёдорович Попадейкин-Волынский, о котором, как об опричнике, уже шла речь выше, третьим же — князь Дмитрий Иванович Кропоткин²⁶⁹. Относительно этих двух персон может быть высказано то же предположение: они попали в опричину в последние месяцы ее существования. Напротив, кн. И.П. Телятевский упомянут в опричном разряде воеводой, вероятно, ошибочно, и не поднялся выше поста головы (об этом речь пойдет ниже). Князь Юрий Иванович Токмаков — один из виднейших воевод грозненского времени — был назван П.А. Садиковым опричником, но для вывода этого есть лишь косвенные подтверждения²⁷⁰. Еще одного крупного военачальника, Замятню Ивановича Кривого Сабурова, С.Б. Веселовский считал опричником, но аргументов никаких не привел²⁷¹.

Итак, к реестру из 55 персон, несомненно являвшихся опричными воеводами, можно добавить еще один коротенький реестрик с именами тех, кто могли быть таковыми, но остаются под сомнением:

Князь Н.Б. Приемков-Ростовский

Князь Д.И. Кропоткин

Ф. Львов

И.М. Большой Морозов

А. Новокшенов

И.Д. Поливанов

Князь Г.Д. Путятин

В.В. Розладин-Квашнин

З.И. Сабуров

Князь Ю.И. Токмаков

Д. Шафериков-Пушкин

В большом походе Ивана IV к Новгороду и оттуда на шведов к Выборгу зимой 1571—1572 гг. высокородный служилый аристократ из земщины Иван Васильевич Меньшой Шереметев назван вторым дворовым воеводой²⁷². В том же зимнем походе к Новгороду «ветераны» опричного корпуса князя П.Т. Шейдяков, Н.Р. Одоевский, Д.И. Хворостинин соседствовали с крупнейшими военачальниками земщины в одних и тех же полках²⁷³. Поэтому возникает два предположения: либо к этому времени в опричину переписали добрую половину земщины (что выглядит фантастично), либо произошел первый большой общий поход опричных и земских войск, ознаменовавший начало заката опричной военной организации. После этого на протяжении 1572 г. происходит еще несколько больших общих походов: во-первых, весной — на Новгород Великий и оттуда против шведов, во-вторых, выход большой армии «на берег», царский смотр в Коломне и новая отправка полков «на берег»²⁷⁴.

Итак, в опричных воеводах за семь лет побывало всего около пяти-шести десятков. Таким образом, опричина захватила сравнительно небольшой процент русского воеводского корпуса того времени: разряды 1565—1572 гг. называют ощути-мо большее количество земских воевод.

Из этих пяти десятков сколько-нибудь значительного положения в опричных войсках²⁷⁵ — хотелось бы подчеркнуть:

именно в войсках, а не в администрации, иерархии «Слободского ордена» или, скажем, на дипломатическом поприще — добились Р.В. Алферьев, кн. В.И. Барбашин, Ф.А. Басманов, М.А. Безнин, И.Б. Блудов, Я.Ф. Волынский-Попадейкин, кн. Д.И. Вяземский, кн. А.И. Вяземский-Глухой, кн. В.И. Горбатый-Мосальский, В.И. Колычев-Умной, кн. Н.Р. Одоевский, кн. И.П. Охлябинин, И.Д. Плещеев, А.И., З.И. и И.И. Плещеевы-Очины, К.Д. Поливанов, кн. С.Д. Пронский, кн. А.П., В.И. и И.П. Телятевские, кн. В.И. Темкин-Ростовский, кн. Ю.И. Токмаков (если причислять его к опричнине), кн. Ф.М. Трубецкой, кн. Д.И. Хворостинин, кн. Ф.И. Хворостинин, кн. А.П. Хованский, кн. Б.Т, И.Т. и М.Т. Черкасские, кн. П.Т. Шейдяков, кн. И. (?) и Д.М. Щербатовы. Прочие же два-три десятка оставались на уровне сравнительно незначительных постов второго, третьего и четвертого воевод в полках или при «наряде».

Высшее руководство опричной военной машиной

Ранее в исторической литературе был распространен тезис о повальном «худородстве» опричников, впоследствии скорректированный. С.Ф. Платонов разработал концепцию, получившую широкую популярность: по его мнению, «Иван Грозный... решил вывести из удельных наследственных вотчин их владельцев — княжат и поселить их в отдаленных от их прежней оседлости местах, там, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий; на место же выселенной знати он селил служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин». Таким образом, противопоставлялись богатые аристократы и «служебная мелкота». Позднее С.Ф. Платонов выскажется еще резче: перед опричниной «...между Грозным и высшим кругом московской знати легла пропасть. По одну ее сторону находился царь со своими новыми приближенными, взятыми из дворцовой среды весьма среднего разбора. Среди них было лишь одно лицо с княжеским титулом (князь Афанасий Вяземский) и лишь одна семья достаточно великородная (Басмановых-Плещеевых). По другую сторону стояла вся великородная знать, как близкая к “избранной раде”,

так и далекая от нее»²⁷⁶. Р.Ю. Виппер считал, что до введения опричнины «...плотный строй родовой аристократии, теснившейся к должностям, мешал государю выдвигать способных и талантливых людей низшего звания»; зато после ее учреждения «...в опричнину царь отбирал пригодные ему элементы, не считаясь с родовитостью, с местничеством, с классовыми предрассудками и притязаниями, свободно передвигая людей в чинах и соображаясь только с их военной пригодностью, их талантами и заслугой»²⁷⁷. П.А. Садиков противопоставлял «помещичье-дворянскую» опричнину и «княжеско-боярскую феодальную знать»²⁷⁸. С.В. Бахрушин считал основной социальной основой опричнины «...мелкое и среднее, преимущественно городское (провинциальное), дворянство...»²⁷⁹. Но уже С.Б. Веселовский в крайне резкой форме оппорил концепцию Платонова²⁸⁰. В.Б. Кобрин, составивший список опричного двора, совершенно отвергает его повальное худородство; он выдвигает более корректную формулировку: «Состав опричного двора был несколько “худороднее” доопричного и, главное, современного ему земского». Этот исследователь также считает, что борьба боярства и дворянства в опричный период не была стержнем политической истории²⁸¹. А.А. Зимин еще более осторожен. Он, в частности, пишет: «Создавая себе опричнину и персонально отбирая преданных ему лиц из господствующего класса, Иван Грозный смело выдвигал новых людей из числа городского дворянства, ранее не игравших никакой заметной роли в армии и государственном аппарате. Но это нельзя сколько-нибудь переоценивать. В опричнину входили также представители большинства знатных княжеских и боярских фамилий...» Приводя данные из дипломной работы С.С. Печуро, он доказывает, что в целом по опричнине (не сосредотачивая внимание на ее верхнем этаже) дворовых служилых людей больше, чем в земщине²⁸². Р.Г. Скрынников, с одной стороны, считал, что С.Ф. Платонов «...крайне преувеличил значение конфискаций в опричных уездах, будто бы подорвавших княжеско-боярское землевладение», а с другой — уверен был, что «...при наборе опричной тысячи предпочтение оказывалось худородному провинциальному дворянству»²⁸³. А.П. Павлов

подходит к вопросу дифференцированно: «Привилегированное положение опричников, состав которых зависел от личной воли царя Ивана, приводило к серьезным нарушениям традиционной иерархии внутри господствующего класса. В первый год опричнины у ее руководства стоял кружок царских фаворитов преимущественно из представителей старомосковского боярства. Но на рубеже 60-х — 70-х гг. в составе руководства опричного двора произошел перелом и на смену прежним царским фаворитам пришли новые, более худородные лица, выходцы из рядов провинциального дворянства (Бельские, Грязные и другие)». Верхушка же земского двора состояла из представителей княжеско-боярских родов²⁸⁴.

Таким образом, полемика о социальном составе опричного аппарата в целом и особенно его политической верхушки привела к основательному исследованию этой проблемы и созданию обоснованной исторической реконструкции. Однако частный вопрос о составе опричной военной элиты до настоящего времени не был досконально изучен.

Для того, чтобы определить, каковы наиболее характерные особенности опричного воеводского корпуса, следует обратиться к служебной деятельности опричных военачальников, их карьере и, разумеется, изучить вопрос об их положении в иерархии служилой аристократии Московского государства.

Прежде всего: из кого выбирались командующие опричными полевыми армиями и гарнизонами, строительством крепостей? Кому доверяли самостоятельное командование опричными соединениями?

Список их невелик:

Р.В. Алферьев

Князь В.И. Барбашин

Ф.А. Басманов

М.А. Безнин

Князь А.И. Вяземский-Глухой

Князь Д.И. Вяземский

В.И. Колычев-Умной

И.Д. Колодка Плещеев

А.И. Плещеев-Очин

З.И. Плещеев-Очин

И.И. Плещеев-Очин
 К.Д. Поливанов
 Князь С.Д. Пронский
 Князь А.П. Телятевский
 Князь И.П. Зубан Телятевский (то ли В.И. Телятевский)
 Князь В.И. Темкин-Ростовский
 Князь Ф.М. Трубецкой
 Князь Д.И. Хворостинин
 Князь Ф.И. Хворостинин
 Князь М.Т. Черкасский
 (?) Князь И. Щербатов (Щербатый)

Этот и без того недлинный реестр следует дополнительно сократить за счет учтенных в нем командиров незначительных отрядов. Так, Р.В. Алферьев всего-навсего указан первым воеводой при городском строительстве на колыванской дороге, притом воинским контингентом, охранявшим строительство, командовал не он, а И.П. Яковлев (из земщины) и В.И. Колычев-Умной (из опричнины, с малым отрядом, не разбитым на полки)²⁸⁵. Князя В.И. Барбашина и В.И. Темкин-Ростовский возглавляли два маленьких, не разбитых на полки отряда, отправленных в мае или июне 1570 г. соответственно к Хотуни на роль резерва «по вестям» и из Москвы «на берег»²⁸⁶. Князя А.П. Телятевский и Д.И. Вяземский командовали такими же маленькими, не разбитыми на полки отрядами, выдвинутыми под Болхов в октябре 1565 г.²⁸⁷ А.И. Очин-Плещеев и К.Д. Поливанов — в Одоеве и Мценске в 7076 г.²⁸⁸ Князя А.И. Вяземский-Глухой и Д.И. Хворостинин — в Дорогобуже и Великих Луках зимой 1568—1569 г.²⁸⁹ И.И. Очин-Плещеев — там же, на Великих Луках, после Хворостинина²⁹⁰. Тот же Д.И. Хворостинин — на Рязани летом 1570 г. «по вестям»²⁹¹. Князя Ф.М. Трубецкой и С.Д. Пронский — в Калуге и на Сенькином перевозе в мае и осенью 1570 г.²⁹² Князь Ф.И. Хворостинин — в Слободе в 1572 г.²⁹³ Князь И. Щербатый был наместником и воеводой в Новгороде-Северском в 7080 (1571 — 1572) г., а М.А. Безнин, как уже говорилось — в Нарве-Ругодиве с осени 1571 г.²⁹⁴

Дело в том, что опричный корпус относительно редко концентрировался для больших походов. Разряды знают всего

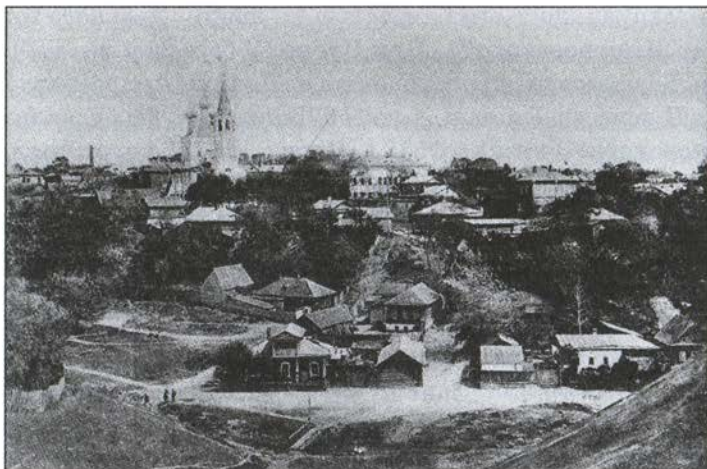
восемь или девять таких операций — об их масштабе свидетельствует прежде всего то, что опричное войско делилось тогда на полки. Таковыми можно считать четыре похода под Калугу во второй половине 60-х, — начале 70-х гг., поход к Вязьме весной 1568 г., поход к Мценску 7076 г.²⁹⁵, два похода под Тарусу в начале 70-х гг.²⁹⁶ и стояние под Тулой в августе 1569 г. «после отпуску больших опришнинских воевод». В калужских походах опричниками командовали князь А.П. Телятевский, И.Д. Колодка Плещеев, Ф.А. Басманов и князь Ф.М. Трубецкой, в вяземском — князь М.Т. Черкасский, во мценском — А.И. Плещеев-Очин, в тарусских — дважды расписан князь М.Т. Черкасский²⁹⁷, а во время «стояния» под Тулой — князь В.И. Телятевский (то ли, по другой разрядной записи, князь И.П. Зубан Телятевский). К этому можно прибавить выход опричного корпуса в качестве государева двора в походы, где участвовал сам государь. В осеннем походе 1567 г. дворовым воеводой числился князь М.Т. Черкасский; в сентябрьском 1570 г. — разряд дворовых воевод не упоминает, а первым среди сопровождающих царя назван тот же Черкасский; в майском походе против Девлет-Гирея 1571 г. — первым дворовым воеводой ходил кн. Ф.М. Трубецкой, который в 1572 г., во время двух походов к Новгороду и оттуда «на свитских немцев», опять окажется на этой должности. Кроме того, значительные силы опричников были отправлены в 1569 г. отбивать вместе с земской ратью Изборск. Тогда командовал З.И. Плещеев-Очин²⁹⁸.

Таким образом, на верхушке опричной военной иерархии стояло всего восемь человек: И.Д. Колодка Плещеев, А.И. Плещеев-Очин, З.И. Плещеев-Очин, Ф.А. Басманов, князя М.Т. Черкасский, Ф.М. Трубецкой, А.П. Телятевский и В.И. Телятевский (или И.П. Зубан Телятевский). Все они принадлежали к родовитым семействам служилой знати.

Первые четыре принадлежали старинному роду бояр Плещеевых, служивших Московскому княжескому дому как минимум с начала XIV века, и имели в XV—XVI столетиях первостепенное значение при дворе. Плещеевых нередко назначали на воеводские и наместнические должности, некоторые добились думных чинов, хотя карьерное продвижение семей-

ства затруднялось его близостью ко двору удельного князя Юрия Дмитровского²⁹⁹. При Иване IV большой вес набрала ветвь Басмановых, происходящая от Данилы Андреевича Басмана Плещеева. Его сын, Алексей Данилович, был удачливым полководцем: он взял в 1558 г. Нарву, а в 1564 г. отстоял Рязань, оказавшуюся под ударом крымцев. Летопись сообщает следующие подробности: «В то же время на Рязани были во государском жалованье в поместье боярин Олексей Данилович Басманов Плещеев да сын его Феодор, и слыша многие крымские люди приход на Рязанскую Украину, они же со своими людьми да с тутошними не со многими людьми... крымских людей побили и языки поимали не дошед города. Те языки сказали, что пришел царь Девлет-Кирей, а с ним дети его калга Магмет-Кирей царевич да Алды-Гирей со своими крымскими людьми: то первая весть про царя, безвестно убо бяше пришел. Тех же языков прислал Алексей Данилович Басманов да сын его Феодор ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, а сам Олексей и сын его Феодор сели в городе на Рязани со владыкою Филофеем и ту сущих во граде людей обнадежили, не сущу бо тогда служилым людем никому, кроме городских людей ту живущих и селян, которые успели во град прибежати... У града же тогда крепости нужные... едва поделаша и града покрепиша и бои по стенам изставиша и из града выезжая с татарами бишася, из града стрельбою по царевым полком из наряду стреляти. Татары же ночным временем с приметом и с огнем многожды прихождаху и хотяху взятии град, Божиим же заступлением и Пречистые Богородицы и великих чюдотворцов русских молением граду ничто успеха и от града отступиша в своя страны»³⁰⁰. За рязанскую службу А.Д. Басманова-Плещеева и его сына Иван IV наградил золотыми монетами³⁰¹. В победоносном походе на Полоцк в 1562—1563 гг. он участвовал как третий воевода передового полка³⁰². Но еще за два года до нарвского взятия А.Д. Басманов-Плещеев получил боярский чин³⁰³. Выше расти ему было некуда. В 60-х гг. он был, видимо, одним из людей, находившихся в большом доверии у государя. Само учреждение опричнины в источниках связывается с его именем, и в опричной элите он был первое время чуть ли не самым влиятельным

Серпухов. Фотография начала XX века

человеком. С другой стороны, в воеводах он больше не бывал, по всей видимости, из-за преклонного возраста или болезни (увечья?). Именно так объясняется тот факт, что сам Алексей Данилович никогда не возглавлял опричный военный корпус, несмотря на выдающиеся способности военачальника и большой опыт. В 1569—1570 гг. в связи с подозрением в измене по «новгородскому делу» карьера А.Д. Басманова-Плещеева рухнула, потащив за собой в пропасть карьеры его многочисленных родственников. Глава большого клана Плещеевых-Басмановых был казнен. По мнению Р.Г. Скрынникова, первые признаки опалы по отношению к Плещеевым видны еще зимой 1568—1569 гг.³⁰⁴ По всей видимости, возвышение и падение А.Д. Басманова-Плещеева прямо повлияли на служебное положение его родственников.

Только можно объяснить неожиданный взлет И.Д. Колодки Плещеева. В семействе Плещеевых он был старшим представителем. Его отец, Дмитрий Михайлович, добился когда-то окольниковства, но сам Иван Дмитриевич никакими заслугами и высокими чинами до опричнины отмечен не был. В «Дворовой тетради» он числился заурядным дворовым сыном боярским по Переяславлю-Залесскому³⁰⁵. Разрядами до опричнины он просто не замечен (!), и, быть может, совершенно не

обладал командным опытом. И вдруг — высшее, а затем несколько просто высоких назначений в опричном корпусе. Судя по разрядной росписи опричного выхода под Калугу весной 1568 г., Иван Дмитриевич был назначен опричным «главнокомандующим» — первым воеводой большого полка. Одновременно с этим войском в районе Одоева и Мценска разворачивалась вторая опричная армия — под командой А.И. Плещеева-Очина. По свидетельству росписи совместного похода одоевских и калужских полков, который так и не был совершен, Иван Дмитриевич стоял выше А.И. Плещеева-Очина: в случае схода тот должен был подчиниться. В 7076 г. (трудно понять, что имеется в виду: конец 1567-го или весна 1568 г.) И.Д. Колодка Плещеев возглавлял небольшой отряд опричников в той же Калуге³⁰⁶. В конце 1568 — первых месяцах 1569 г. Иван Дмитриевич стоял с крупными силами опричнины (отряды еще трех военачальников) во Ржеве Володимирове как первый воевода³⁰⁷. В 1569 г., видимо, на весенние и летние месяцы до августа включительно, его назначили первым воеводой полка правой руки вместо умершего А.П. Телятевского в большой опричной армии, стоявшей под Калугой, а затем передвинутой к Туле. И.Д. Плещеев оказался в подчинении у своего родственника Ф.А. Басманова, который на этот раз был поставлен главнокомандующим. В мае 1570 г. Ивана Дмитриевича расписали первым воеводой в отряде, стоявшем «у Онтонья Великого» по вестям³⁰⁸. Возможно, тогда часть подчиненных ему сил участвовала в разгроме крымских татар 21 мая под Зарайском: воевода кн. Д.И. Хворостинин доложил царю, что ему удалось разбить неприятеля; но в этом году он не был расписан в какой-либо отряд, оборонявший южные рубежи; в то же время его брат, кн. А.И. Хворостинин, стоял вторым воеводой у И.Д. Плещеева. Возможно, произошла ошибка, и на самом деле Ивану Дмитриевичу тогда был подчинен не Андрей, а именно Дмитрий Хворостинин. С.Б. Веселовский ошибочно писал оо И.Д. Плещееве, что он «...на службе в опричнине ничем не отличился»³⁰⁹. Между тем одно время в опричной военной иерархии Иван Дмитриевич стоял на первом месте! Более справедливо, думается, мнение Р.Г. Скрынникова, считавшего Ивана Дмитриевича «высокопоставленным оп-

ричником»³¹⁰. После падения А.Д. Басманова-Плещеева в службах его родича виден перерыв на полтора года. После этого он получает скромное назначение третьим воеводой сторожевого полка (1572); вскоре идет в маленький Орешек «по ореховским вестям» для «береженья»³¹¹. Очевидно, этот человек на деле доказал, что силен не одними лишь родственными связями, но и воинским умением. Поэтому он не только уцелел в период опалы на Плещеевых, но и смог через некоторое время возобновить подъем по карьерной лестнице. После нескольких низких должностей он вновь «идет в гору». Ивана Дмитриевича постоянно отправляют на передний край «ливонского фронта». В 1573 г. он уже назначается воеводой в Юрьев-Ливонский. Правда, позднее его будут ставить в основном вторым или третьим воеводой в Юрьеве, но и это — много. В 1573 (1574 — 1575) г. Иван Дмитриевич участвовал в одном из ливонских походов, а 1582 г. возглавил передовой полк в одном из последних больших походов Ливонской войны. В 1575—1576 гг. он сидел первым воеводой в Пайде. В 1584 г., в пер-

Воображаемый облик Гедимина, восходящий к изображению в хронике Алессандро Гваньини «Описание европейской Сарматии» (XVI век)

вый же месяц правления царя Фёдора Ивановича, И.Д. Плещеева поставят вторым воеводой в полевую армию, отправленную под Серпухов «для приходу крымского царя и нагайских мурз»³¹². Вскоре этот военачальник был отставлен от службы, вероятно, по ветхости лет. В 1577 г. он еще фигурирует в «боярском списке» в статье «дворяне», в аналогичном документе 1585—1587 гг. против его имени уже стоит пометка: «Нет. В деревне»³¹³. Что ж, на сей раз опричнина и родственная поддержка выдвинули в ряды видных московских военачальников дельного человека. Не видно, чтобы он блистал полководческим талантом, но его, скорее всего, считали толковым, надежным командиром.

Совсем другая история с сыном А.Д. Басманова-Плещеева, Фёдором Алексеевичем Басмановым-Плещеевым. К началу опричнины у него было всего две заметные службы: во-первых, в полоцком походе зимой 1562—1563 гг. Фёдор Алексеевич занимал очень скромную должность поддатни у рынды с третьим саадаком, а затем просто присутствовал в царской свите³¹⁴. Во-вторых, после взятия города 15 февраля 1563 г. его отправили из-под Полоцка с реляцией о победе ко двору Старицких³¹⁵. Когда в 1564 г. Алексей Данилович заперся от крымских татар в Рязани и отстоял город, сын был вместе с ним. Вот, собственно, и всё. После учреждения опричнины Ф.А. Басманов получил дворовый чин кравчего, но в первые годы на военной службе оставался малозаметной персоной. Он был «воеводой для посылок» в походе осенью 1567 г., прерванном на полпути, и лишь затем получил пост первого воеводы передового полка, развернутого весной 1568 г. в составе трехполковой опричной рати против литовцев в Вязьме³¹⁶. И вот в 7077 (1568 — 1569) г. его ставят первым воеводой большой пятиполковой опричной рати под Калугой и даже подчиняют ему «лутчих людей» из земского войска³¹⁷. Триумф! Притом триумф, которому предшествовал на редкость краткий служебный маршрут. Но, вместе с тем, и последнее воинское назначение перед опалой... Р.Г. Скрынников сообщает некоторые данные о службах Фёдора Алексеевича, на первый взгляд, способные изменить представления о его боевом опыте в сторону увеличения; однако данные эти не отличаются достоверностью

и могут лишь ввести в заблуждение. Так, Р.Г. Скрынников пишет: «Во время выступления опричной армии к литовской границе в 1568 г. он возглавлял опричный передовой полк. Около того же времени Федор Басманов был назначен первым заместителем Старицы...»³¹⁸ Р.Г. Скрынников ссылается на записки Г. Штадена. Но передача Штаденом фразы Ф.А. Басманова: «Этот уезд (Старицкий — Д.В.) ... отдан теперь мне»³¹⁹, — еще не свидетельствует, что тот был именно старицким заместителем. Иными словами, Фёдор Алексеевич был ненамного опытнее И.Д. Плещеева в военных делах, поднявшись на высшую ступень командирской иерархии. На военной службе он не проявил себя ни самостоятельными победами над неприятелем, ни долгой честной работой на переднем крае, и в этом смысле по заслугам перед отечеством стоит ниже Ивана Дмитриевича. Еще С.Б. Веселовский собрал о нем ряд крайне негативных высказываний: князь А. Курбский, немцы-опричники Таубе и Крузе, а также долго живший в Москве А. Шлихтинг пишут о нем одинаково неприязненно³²⁰. По их свидетельствам, Басманов-младший делал себе карьеру «содомским блудотворением» с царем, к тому же он жестокими интригами вызывал гнев государя против других вельмож. Г. Штаден также считает, что с Фёдором Алексеевичем «великий князь предавался разврату»³²¹. Допустим, показание Курбского, ненавидевшего новое окружение Ивана IV, заведомо должно быть подвергнуто сомнению; допустим, Таубе и Крузе собирали злые сплетни и порочили всю опричнину от вершков ее до корешков; но слова Шлихтинга и Штадена, у которых не было явных причин питать предубеждение против Басманова, должны быть приняты во внимание. По всей вероятности, у современников он оставил впечатление человека скверного и порочного. Что же касается движения по карьерной лестнице, то для этого Фёдору Алексеевичу — был он содомитским фаворитом Ивана IV, или нет, — хватало влияния боярина-отца и женитьбы на племяннице царицы Анастасии Захарьиной-Юрьевой княгине В.В. Сицкой. Курбский считал также, что Фёдор Алексеевич «...зарезал рукою своею отца своего Алексея»³²², — надо полагать, отводя от себя обвинения в измене и показывая верность Ивану IV. Однако это изве-

ствие вызвало сомнения по части достоверности у целого ряда исследователей. Во всяком случае, Басманов-младший не был казнен в результате общей большой опалы на Плещеевых, но и постов при дворе и в армии больше не занимал. Дата и обстоятельства его смерти неизвестны. Лишь С.Б. Веселовский указывает на одну довольно странную деталь: «Во вкладной книге Троицкого монастыря в 1570/71 (7079) г. записано “По Федоре Алексеевиче Басманове пожаловал государь царь... 100 рублей”. Из этого можно заключить, что у царя были какие-то особые мотивы увековечить память Федора»³²³.

Захарий Иванович Плещеев-Очин был родней А.Д. Басманову: семейства Очиных и Басмановых восходили к единому предку — боярину Даниле Борисовичу Плещееву, большому вельможе времен Василия II и Ивана III Великого³²⁴. Захарий Иванович имел самый богатый опыт и самый солидный послужной список среди всех главных воевод опричнины. Он отстаивал честь русского оружия во многих битвах, проявил себя как энергичный, инициативный и храбрый командир. Однако его карьера показывает: самостоятельно командуя крупными полевыми соединениями, Захарий Иванович нередко приводил их к поражению; особого полководческого таланта у него, таким образом, не видно. В «Тысячной книге» он числился сыном боярским второй статьи по Бежецкому Верху, а в «Дворовой тетради» — дворовым сыном боярским (тот же Бежецкий Верх, затем Дорогобуж)³²⁵. Как военачальник он дебютировал вторым воеводой в Козельске, под командованием отца, И.Г. Плещеева-Очина, в 1549 г.³²⁶ Судя по этой дате, родился Захарий Иванович около 1530 г. или чуть раньше. В 1550 г. он наместничает во Мценске, в 1553-м — назначен «годовать» четвертым воеводой в Казани (расписан для действий на вылазках), оттуда в мае того же года идет к Свияжску вторым воеводой передового полка³²⁷. Осенью 1554 г. на Захария Ивановича свалилась очень странная радость. Летопись сообщает о том, что в Москву доставлены были пленный хан астраханский Емгурчи с семьей. Их встретили с почетом. Среди «цариц астраханских» была «меншица» (младшая?) Ельякши, родившая по дороге в Москву царевича Ярашты. «И приехав к Москве, царь и великий князь государь велел

царевича крестити и с матерью; и наречено царевичю имя Петр, а матери его Улиянея. И царь великий государь пожаловал царицу, велел ее дати замуж за Захария Ивановича Плещеева, а царевича велел кормити матери его, доколе возмужает»³²⁸. Таким образом, с одной стороны, семейство старомосковской нетитулованной знати получило прибавку «царской крови», хотя и татарской... а с другой, З.И. Плещееву-Очину достались чужая жена и чужой ребенок. Впрочем, как знать, не влюбился ли Захарий Иванович в Ельякши-Ульянию и не добивался ли сам такой необычной почести? С.Б. Веселовский считал, что «...этот политический брак обеспечил Захарию Ивановичу милостивое отношение царя»³²⁹. Но это не подтверждается фактами: два или три раза на воеводу обрушивались опалы, и последнюю он не пережил. Очевидно, царская милость не заходила слишком далеко... В 1555 г. его отправляли вместе с князем А.И. Ногтевым-Суздальским и П.П. Головиным расследовать причины вооруженного конфликта на шведско-новгородской границе в Карелии (и заодно поставили командовать сторожевым полком в формирующейся для отпора шведам рати). После того как стало ясно, что война неизбежна, он остался в полосе конфликта и действовал удачно, в частности, вместе князем Ногтевым разбил шведский осадный корпус у Орешка³³⁰. Затем он пошел первым воеводой полка левой руки в составе большой русской армии, наголову разгромившей шведов в районе Выборга³³¹. Осенью 1557 г. его отправили в Путивль, по всей видимости, для землеописания (сказано: «в Путивле пишет») ³³². Служба Захария Ивановича на Ливонском театре военных действий складывалась не столь успешно, как на Карельском. Его назначили командовать сторожевым полком в армии, вставшей под Юрьевом-Ливонским³³³. В октябре — ноябре 1559 г. он совершил ряд удачных набегов на земли Ордена, однако позже два раза потерпел поражение; во второй раз его разбили всерьез: воевода потерял обоз и более 1000 человек одними убитыми. По свидетельству летописи, в столь тяжком разгроме виновата несогласованность в действиях наших воевод и беспечность самого Плещеева-Очина — он не наладил караульную службу, к тому же вступил в жестокий местнический конфликт с

Замытай Сабуровым, что ощутило мешало служебной деятельности³³⁴. В течение нескольких лет его имя не всплывает в разрядных списках: очевидно, государь положил на него опалу. В октябре 1562 г. ему сказано окольниковство, и он вместе с Д.Г. Плещеевым на Можайске раздаёт дворы; в большом зимнем походе к Полоцку Захарий Иванович участвовал и нигде в боевых действиях не отличился, но 17 февраля 1563 г. ему доверена была ответственная служба — вместе с тремя иными военачальниками охранять полоцкого воеводу С. Довоину и других знатных пленников; 18 февраля его перевели на должность первого воеводы в острог «за городом», где он, видимо, и остался после возвращения русской армии³³⁵. За поражение большой русской армии при наступлении на Оршу в январе 1564 г. Захарий Иванович и князь И.П. Охлябинин, бывшие в ней воеводами, подверглись опале. Тогда они оба попали к литовцам в плен, а помимо двух этих «имянных людей» пленниками стали многие русские дворяне; неприятель захватил и обоз³³⁶. Главный виновник поражения, старший из воевод князь П.И. Шуйский, бежал с поля боя и погиб от рук литовских «мужиков»³³⁷. Это было не просто поражение, а ещё и позор, и утрата стратегической инициативы. В 7074 (1565 — 1566) г. 26 «князей и детей боярских» подписали поручную запись на боярина З.И. Плещеева-Очина «...в том, что ему... в Литву не бежати и ни х которому государеву недругу нигде в удел не отъехать и не постричься... А побезит он... в Литву или х которому ко государеву недругу в удел отъедет, или пострижетца, или безвестно где денетца, ино... на порутчикех чetyре тысячи рублей денег и... порутчиковы головы в его голову место»³³⁸. Иными словами, воеводе перестали доверять. Вернувшись из недолгого плена, Захарий Иванович долго не мог восстановить прежнее доверие Ивана IV и свое высокое положение. Его должность в большом осеннем походе русской армии 1567 г., свернутом на полпути, показывает, как много он потерял в карьерном смысле: его поставили всего-навсего вторым воеводой «на посылку» — ничтожный пост! Очевидно, в 1567 г. он и попал в опричнину, где удостоился боярского чина³³⁹. По разрядным записям опричного похода под Вязьму (весна 1568 г.) видно: положение Плещеева-Очина начало по-

немногу восстанавливаться — он уже первый воевода сторожевого полка, а затем и воевода в Вязьме³⁴⁰. По всей видимости, за очередной взлет по службе Захарию Ивановичу следовало благодарить родню — Басмановых. И они в конечном итоге вывели воеводу на высоту, которой до опричнины у него не было. В 1569 г. его отправили во главе отряда опричников отбивать Изборск вместе с земской ратью М.Я. Морозова; эта непростая воинская задача была выполнена. Но и тут все вышло не слава богу у Захария Ивановича: земских воевод и татарских мурз за изборскую победу наградили от имени царя золотыми монетами, а опричным военачальникам их не дали. По всей видимости, Иван IV был недоволен местническим столкновением среди них³⁴¹. В том же году, во время калужского похода опричного корпуса, З.И. Плещеев-Очина расписали первым воеводой передового полка, но затем перевели на должность второго воеводы большого полка — видимо, подстраховывать менее опытного Ф.А. Басманова³⁴². Родня же и свела его в могилу: очевидно, общая опала 1570 г. на Плещеевых коснулась и его: имя опричного боярина попало в синодик казненных³⁴³.

Брат Захария Ивановича, Андрей Иванович Плещеев-Очин, не располагал ни сравнимым опытом, ни такой же энергией, однако добился высокого положения в опричной военной иерархии за счет тех же родственных связей. До опричнины его имени разряды почти не знают. Он числится сыном боярским 3-й статьи по Бежецкому Верху в «Тысячной книге» и дворовым сыном боярским по «Дворовой тетради»³⁴⁴. В феврале 1560 г., после взятия Алыста, его посадили там вторым воеводой³⁴⁵. Во время большого осеннего похода 1567 г., окончившегося у Ршанского яма, он — «дворянин в стану» у государя³⁴⁶. Для серьезных воеводских назначений это, конечно, негусто. Но тем не менее Андрей Иванович их получает! В 7076 (не ранее зимы 1567—1568) г. его поставили возглавлять отряд «из опришнины» в Одоеве; при «сходе» с армией И.Д. Колодки Плещеева он должен был подчиниться последнему и «ходить за людьми по вестям» в большом полку. Позднее, в 1568 г., он расписан воеводой большого полка, т.е. главным начальствующим лицом в корпусе трехполкового со-

става под Мценском (туда перешел, по всей вероятности, и его одоевский отряд)³⁴⁷. Любопытно, что В.Б. Кобрин, имея все эти данные, все-таки сделал вывод: «Четвертый из братьев (сыновей И.Г. Плещеева-Очина. — Д.В.) Андрей большой роли не играл»³⁴⁸. Но ведь Андрей Иванович сыграл роль одного из опричных «главнокомандующих»! Может быть, он не добился получения думного чина, но в войсках он достиг наивысшего положения — старшего воеводы в самостоятельном полевом соединении. С.Б. Веселовский сообщает, что А.И. Плещеев-Очин «пережил царя Ивана», — не выдавая источника, откуда он взял эту информацию³⁴⁹. В синодике казненных его имени нет, но и в разрядах после 1568 г. оно также не встречается: опала на Плещеевых, по всей видимости, выбила его из воеводской «обоймы». Отличиться на поле боя и проявить полководческие способности этот воевода не успел — в отличие от того же И.Д. Колодки Плещеева.

Любопытно, что господство Плещеевых в опричной военной организации установилось не сразу. Это произошло лишь в самом конце 1567 или в первые месяцы 1568 г. До того на первом плане в опричном корпусе было другое семейство, а именно князей Телятевских. Они происходили из Тверского княжеского дома и служили Москве со времен Ивана III. Это была весьма родовитая ветвь служилой аристократии. С 1509 по 1544 г. она находилась, по всей видимости, в опале, лишилась вотчин, исчезла из разрядов, но потом постепенно восстановила высокое положение при дворе и в армии. Незадолго до учреждения опричины кн. П.И. Телятевский получил боярский чин, но в 1565 г. умер³⁵⁰. А.П. Павлов собрал значительный материал о больших земельных приобретениях, сделанных Телятевскими (в частности, Андреем Петровичем) в значительной степени благодаря опричной карьере³⁵¹. В доопричные времена Телятевские, как видно, не были богатыми землевладельцами и не располагали вотчинами: в «Дворовой тетради» все они, и Андрей Петрович в их числе, фигурируют как ярославские помещики³⁵².

Центральная фигура среди них в опричные годы — князь Андрей Петрович Телятевский, сын боярина кн. П.И. Телятевского. Это воевода, боевой опыт которого сравним с опытом

З.И. Плещеева-Очина. К опричнине он пришел с солидным «послужным списком»: рында с копьём в Коломенском походе Ивана IV летом 1557 г.; сопровождает двор Щигалея в зимнем 1558—1559 г. походе против ливонцев; через несколько месяцев — опять распisan в рынды с копьём в походе Ивана IV под Тулу, но поход этот не состоялся; первый воевода ертоула в зимнем походе на Полоцк 1562—1563 гг. (у него под командой — 628 детей боярских, плюс еще 384 у второго воеводы, А.И. Бутурлина, плюс ногайские и астраханские татары)³⁵³. После «полоцкого взятия» Андрей Петрович получает крупные назначения: в 7072 (1563 — 1564) г. его ставят первым воеводой передового полка под Вязьмой, «по литовским вестям», и в сентябре 1564 г. он участвует в отражении неприятеля, появившегося у Великих Лук³⁵⁴. Веселовский сообщает, что в 1564 г. его пожаловали чином думного дворянина. «Для сына боярина это было небольшой честью, но следует иметь в виду, что в это время царь Иван был очень скуп на пожалования в думу»³⁵⁵. Летом 1565 г. он опять на литовском рубеже, в составе оборонительной армии, — на той же должности³⁵⁶. Осенью 1565 г. Андрей Петрович уже в опричнине. Первое время именно он является «главнокомандующим» опричного полевого корпуса. Причины выбора, сделанного Иваном IV в пользу этого человека, неясны. Откуда такое доверие к нему? Известно, что Андрей Петрович выполнил службу, требовавшую большой осмотрительности: он провел расследование о смерти Алексея Адашева в Юрьеве-Ливонском и изъясил оставшиеся после покойного заготовки для «летописца лет новых» (1561)³⁵⁷. В.Б. Кобрин проводит логическую связь между успешным выполнением щекотливой миссии, возложенной на Телятевского, и обретением статуса доверенной персоны при Иване IV. Р.Г. Скрынников полагает, что сам выбор А.П. Телятевского для этого ответственного поручения диктовался простым обстоятельством: он был «человеком молодым» и при Адашеве не занимал видных постов, а потому, следовательно, и не был ничем скомпрометирован³⁵⁸. Составляя новую духовную грамоту (около 1562 г.) Иван IV включил кн. А.П. Телятевского в регентский совет при его сыне Иване, а значит, уже тогда князь был доверенным лицом государя³⁵⁹.

Но, думается, существуют более прозаическая причина повышения этого человека: у него была влиятельная родня, составившая ему протекцию. В частности, близким родственником Андрея Петровича был боярин кн. С.И. Пунков-Микулинский, блистательный полководец и обладатель богатого удела в Микулине, умерший в 1559 г. или, быть может, в начале 1560-го; более того, за Микулинского стояла и его могучая родня по жене — семейство старинных московских бояр Морозовых. Князь Телятевский как раз весной 1559 г. вернулся из победоносного похода в Ливонию, где войсками командовал кн. С.И. Пунков-Микулинский. После разгрома немецких войск под Чествином он имел возможность в лучшем виде представить заслуги родича³⁶⁰ ... Тем более, что князь Микулинский, «...мужественно сражаясь с ливонскими немцами, принес... оттуда на шею своей смертельную рану и скончался в Москве на пятидесятом году своей жизни»³⁶¹. Просьба умирающего победителя благодетельствовать молодого родственника могла прозвучать вдвойне весомо... Незадолго до опричнины у Андрея Петровича была еще одна отличная возможность выдвинуться, которой он, по всей вероятности, воспользовался: будучи в момент «полоцкого взятия» 1563 г. первым воеводой ертоула, он наилучшим образом зарекомендовал себя в глазах царя. А Иван IV исключительное значение придавал полоцкой победе: успех был значительный, резонанс от него пошел по всей Европе и, главное, триумф был достигнут под непосредственным руководством государя³⁶². В сущности, это величайшая победа самого царя в роли военачальника. Очевидно, тогда Андрей Петрович и запомнился ему как толковый и исполнительный военачальник.

Итак, князю А.П. Телятевскому поручают возглавить опричный отряд на первой боевой операции — под Болховом в октябре 1565 г. По сообщению летописи, боевые действия у Болхова (в них участвовали и земские войска), увенчались успехом: основные силы крымцев, устроивших набег, вынуждены были спешно отойти, а небольшие их отряды подверглись разгрому³⁶³. Осенью 1567 г. князь Телятевский выходит под Калугу как первый воевода большого полка, т.е. как командующий всем корпусом³⁶⁴. Это пик в его военной карьере.

И выглядит он как вполне заслуженное возвышение; оно хоть и было довольно быстрым, но тем не менее Андрей Петрович успел пройти несколько более низких ступеней воеводской иерархии и получить необходимый командный опыт. В дальнейшем Телятевских оттесняют от управления военной машиной опричнины Плещеевы. В большом осеннем походе 1567 г. кн. А.П. Телятевский назначен одним из воевод «на посылку». Это несравнимо с его недавними постами. В весеннем походе 1568 г. под Вязьму он всего лишь второй воевода большого полка при первом — кн. М.Т. Черкасском. Допустим, пребывание на первом месте кабардинского царевича Черкасского еще никак не роняет чести Телятевского. Однако в 1568 г. высшими должностями в опричной армии завладевают И.Д. Колодка Плещеев и А.И. Плещеев-Очин. В 7077 (видимо, зимой 1568—1569) г. Телятевский получает самостоятельное назначение в Брянск «с украинными воеводами», а «по вестям сходиться» он должен с рязанскими воеводами, но уже во время выхода всего опричного корпуса к Калуге в 1569 г. он расписан всего лишь первым воеводой полка правой руки. Его подчинили фавориту Ивана IV Ф.А. Басманову, который поставлен командующим³⁶⁵! Этот вызвало конфликт: Андрей Петрович бил челом «в отечестве о счете» на Ф.А. Басманова, но «...вскоре разболелся, и умер». Что же, быть может, болезнь рассудила два семейства, соперничавших за первенство в опричной военной иерархии. Вероятна и насильственная смерть — судя по отзывам современников о Ф.А.Басманове, он мог организовать тихую расправу над своим недругом, особенно когда речь шла о статусе всего огромного клана Плещеевых. А обстоятельства похода позволили это убийство (если, конечно, произошло убийство) скрыть. Царь, благоволивший Басмановым, не был заинтересован в серьезном расследовании. Смерть кн. А.П. Телятевского стала серьезной потерей для командного состава вооруженных сил России. Факты его биографии свидетельствуют о том, что он был способным военачальником и мог в дальнейшем сослужить отечеству добрую службу.

Другой крупный опричный военачальник — дядя кн. А.П. Телятевского, князь Василий Иванович Телятевский.

По справедливому замечанию В.Б. Кобрина, они были примерно одного возраста — «судя по времени начала службы»³⁶⁶. Однако по служебным достижениям племянник превзошел дядю. Василий Иванович попал на «именную службу» в Полоцком походе 1562—1563 гг.: он определен был «спати в стану у государя», а затем расписан в есаулы³⁶⁷. В 7072—7074 (1563/1564—1565/1566) гг. с перерывом с мая 1565 г. на несколько месяцев Василий Иванович сидел в Брянске наместником; кроме того, как уже говорилось выше, он выходил летом 1565 г. под Калугу в должности первого воеводы передового полка³⁶⁸. В 1569 г. вместо З.И. Очина-Плещеева его вновь расписали первым воеводой передового полка из опричнины под Калугой³⁶⁹. Следующее служебное назначение Василия Ивановича ставит перед исследователями проблему: записи разрядных книг краткой редакции сообщают, что в августе 1569 г. «после отпуску больших воевод» первым воеводой большого полка в оставшемся на позициях опричном корпусе был назначен брат кн. А.П. Телятевского, Иван Зубан Петрович Телятевский; в записях пространной редакции на той же должности — кн. В.И. Телятевский³⁷⁰. Князь И.П. Телятевский фигурирует с названной должностью в списке опричников, составленном В.Б. Кобриным³⁷¹. И даже не то странно, что Иван Петрович, занимая прежде весьма скромные должности³⁷², неожиданно оказался выше своей родни в служебном отношении, — опричина знает и более диковинные случаи повышения (например, тот же И.Д. Колодка Плещеев). Гораздо показательнее другое. В записях краткой редакции говорится, что Иван Петрович получил пост старшего воеводы «после отпуску больших воевод» в Калуге. А пространная редакция уточняет: «Тово же лета велел государь князь великий тем же воеводам Федору Басманову с товарищи быть по той же росписи из Колуги на Тулу по полком... И князь Василей Телятевский шол в передовом полку ис Колуги на Тулу с Федором Басмановым. Тово же лета августа в... день после отпуску опришникких больших воевод Федора Басманова с товарищи велел государь быть воеводам на Туле по полком: в большом полку воеводы князь Василей Иванович

Телятевский да Михайло Ондреевич Безнин...» Выходит, под Калугой корпусом всё еще командовал Басманов, и князь И.П. Телятевский вряд ли мог его замещать. Что же касается разряда, составленного для выхода большой опричной армии под Калугу несколькими месяцами ранее, то там, как уже говорилось, значится именно Василий Иванович — в качестве первого воеводы передового полка. В краткой редакции стоит он же, только сама запись ошибочно смещена и поставлена перед записью о выходе большой опричной армии под командой Ф.А. Басманова к Калуге. Следовательно, пребывание кн. И.П. Телятевского в тульском разряде, скорее всего, следует считать ошибкой. Опричный корпус тогда возглавил все-таки Василий Иванович. В дальнейшем его воеводская карьера в опричнине, хотя и пошла под гору, продолжилась, — несмотря на смерть племянника, сильнеешего в роду человека. В мае 1570 г. Василий Иванович был вторым воеводой у Калуги «по вестям», а осенью возглавил сторожевой полк во время общего выхода опричного корпуса к Тарусе³⁷³. С отменой опричины он остался в «обойме» командного состава вооруженных сил. В походе 1572—1573 гг., когда была взята Пайда, Телятевский нес сторожевую службу в стане у государя; осенью 1574 г. его поставили вторым воеводой в Серпухов; весной 1575 г. им заменили кн. И.К. Курлятева на посту первого воеводы в сторожевом полку, во время общего выхода войск на юг для отражения крымцев; с ним Телятевский простоял на позиции у Коломне до осени³⁷⁴. В 1577 (видимо, осень 1578) г. князь Телятевский вновь ходил в той же должности против татар Дивей-мурзы. Крупное назначение Василий Иванович получил в декабре 1578 г. — он возглавил гарнизон Полоцка. Однако оно принесло ему только горе. Летом 1579 г. польский король Стефан Баторий осадил город и вошел в него 1 сентября. В русских разрядах появились сообщения о лихорадочных попытках собрать сильные отряды на подмогу Полоцку. Постфактум туда вписаны крайне негативные оценки поведения полоцких воевод. Они-де «худы и глупы, и людей в городе мало», и далее совсем нехорошо: «...король стоял под Полоцким 4 недели и Полотеск взял изменою,

потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы; и как голов и сотников побили, и воеводы королю город здали, з детьми, и с людьми, и стрельцами»³⁷⁵. Правительство Ивана IV пытается то ли изменой, то ли неспособностью полоцких воевод оправдать падение города, ничуть не думая о том, как объяснить, почему великие московские стратеги поставили в Полоцк столь слабых воевод и столь слабый гарнизон! Впрочем, о «худости» и «глупости» воевод, в том числе и кн. В.И. Телятевского, судить по одной разрядной записи не стоит, поскольку она недостоверна. Иностранные источники, освещавшие осаду Полоцка, говорят о прямо противоположном положении вещей. Полоцк оказал серьезное сопротивление и доставил неприятелю немало хлопот. Подробная картина героической борьбы за Полоцк дана в исследовании В.В. Новодворского. Он, в частности, привел мнение самого Батория: «Москвитяне доказали тогда своею энергией и усердием, что в деле защиты крепостей они превосходят все прочие народы»³⁷⁶. Таким образом, осенью 1579 г. Василий Иванович оказался в плену. Дата и обстоятельства смерти князя дискусионны. С.Б. Веселовский сообщает, что воевода умер в Литве, не вернувшись из плена. Но А.П. Павлов обнаружил упоминание кн. В.И. Телятевского в ярославской писцовой книге 1620-х гг., и, следовательно, князь мог вернуться в Россию после смерти Ивана IV, но вряд ли служил далее: в разрядах и летописях имя Василия Ивановича больше не фигурирует³⁷⁷. Сохранился также рассказ польского шляхтича С. Немоевского о последних годах жизни Ивана Грозного. Так вот, Немоевский сообщает, что кн. В.И. Телятевский возвратился в Россию после заключения мира с поляками; царь, гневаясь на воеводу, велел его утопить. По всей видимости, это был военачальник средних способностей, честный, надежный, но звезд с неба не хватавший. Он имел сравнительно немного командного опыта, когда взошел на высшую ступень в опричной иерархии, став во главе самостоятельного полевого соединения; с годами опыт к Василию Ивановичу пришел, но не избавил его от катастрофы 1579 г.

Князь Михаил-Салнук Темрюкович Черкасский, крещеный кабардинский царевич, приходился Ивану IV ближайшей родней: он был братом его второй жены Марии-Кученей Темрюковны Черкасской. Свадьба состоялась в августе 1561 г. Но Салнук прибыл в Москву с просьбой о помощи против соседних соседей гораздо раньше — осенью 1558 г., тогда же и крестился, приняв имя Михаил³⁷⁸. Служебная карьера Михаила Темрюковича первое время не приносила ему высоких должностей. В полоцком походе 1562—1563 гг. князь Черкасский распisan всего лишь рындой «с большим саадаком»³⁷⁹. Зато после взятия города он получает от царя весьма почетное задание. Его отправляют в Москву в качестве главного из вестников победы. Царь велел кн. М.Т. Черкасскому доставить грамоты «...ко отцу своему и богомольцу к Макарию митрополиту всеа Руси и ко царице и великой княгине Марие и к детям своим ко царевичу Ивану и ко царевичу Федору и к брату своему ко князю Юрию Васильевичу»³⁸⁰. Для каждого из адресатов он везет особый наказ. Кроме того, по дороге к Москве князь Черкасский должен сообщать государеву распоряжение священникам: «Пети молебны со звоном, что Бог милосердие свое показал царю и великому князю, вотчину его город Полтеск со всем в руки ему дал...» Такая служба — знак большого доверия со стороны царя. Недаром два других гонца, отправленных с добрыми вестями к иным адресатам — Ф.А. Басманов и М.А. Безнин, — впоследствии займут высокое положение в опричнине. Известно также, что Михаил Темрюкович имел в Москве собственный двор, сгоревший во время апрельского пожара 1564 г.; ему также достался в удел Гороховец (1568)³⁸¹. В опричнине кн. М.Т. Черкасский поднялся до необычайных высот. Более того, Генрих Штаден связывает сам факт учреждения опричнины с советами, поданными Ивану IV сестрой Михаила Темрюковича, царицей Марией³⁸². Это согласуется со свидетельством Пискаревского летописца об аналогичных советах, поданных царю В.М. Захарьиным-Юрьевым и А.Д. Басмановым: Михаил Темрюкович был женат на дочери В.М. Захарьиной-Юрьева и мог выступать «одним фронтом» с сестрой и новой русской родней. С такими родственными связями совсем не удивительно, что карьера Михаила Тем-

рюковича в опричнине вышла просто головокружительной. Во время осеннего похода 1567 г. его поставили первым дворовым воеводой (!); в весеннем походе под Вязьму 1568 г. он распisan первым воеводой большого полка, да и в Тарусском разряде осени 1570 г. числится в той же должности³⁸³. Иными словами, князь Черкасский трижды побывал в опричных «главнокомандующих» и оставался на пике карьеры как минимум с осени 1567 по конец 1570 г. В опричных воеводах ходили и другие представители рода Черкасских: Иван и Борис Таатуковичи³⁸⁴. Их возвышение было связано с возвышением Марии Темрюковны и ее брата. Между тем, имея (предположительно) опыт боевых действий с татарами, который мог быть им получен еще на родине, Михаил Темрюкович вряд ли когда-либо возглавлял крупные самостоятельные полевые соединения. Иными словами, в роли крупного военачальника вновь оказался человек, не получивший для этого должной подготовки.

Осенью 1569 г. царица М.Т. Черкасская умерла. По разным версиям, это произошло то ли в результате какого-то бесчестия или опалы со стороны царя, то ли в результате отравления. В данном случае причина ее смерти не важна. Гораздо важнее другое: после ухода из жизни царицы Марии ее брат еще долгое время сохраняет высокий статус в опричнине. Как минимум год — судя по той же Тарусской разрядной записи. Позже начинается разлад между ним и Иваном IV, в частности, по приказу царя казнят вместе с сыном его жену, урожденную Захарьину-Юрьеву³⁸⁵. В.Б. Кобрин объясняет эту казнь опалами на Захарьиных-Юрьевых, связанных с Плещеевыми-Басмановыми, которые подверглись репрессиям в связи с новгородским «изменным делом», а Р.Г. Скрынников приводит и прямую связь семейства Захарьиных-Юрьевых с обвинениями по данному делу³⁸⁶. Но самого Михаила Темрюковича казнили (или же просто тайно убили) только в мае — июне 1571 г. Свидетельством очевидной государевой опалы на него является низведение с прежнего высшего поста в опричной военной иерархии на должность первого воеводы передового полка. Именно в такой должности его отправили в составе большой рати отражать набег Девлет-Гирея. Тогда же, в самом

походе, либо сразу после него, Михаил Темрюкович и расстался с жизнью³⁸⁷. Различные исследователи — С.Б. Веселовский, Е.Н. Кушева, В.Б. Кобрин, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников, Б.Н. Флоря — связывают казнь кн. М.Т. Черкасского с изменой его кабардинской родни Ивану IV, или же, как минимум, с подозрением в измене либо опасением их ухода со службы³⁸⁸. Но причина смерти Михаила Темрюковича может быть проще и прозаичнее. После катастрофического прорыва Девлет-Гирея к Москве в мае 1571 г. Иван IV жаловался, что одной из причин поражения было отсутствие разведки и худо налаженная сторожевая служба. В частности, он говорил: «...Передо мной пошло семь воевод со многими людьми, и они мне о татарском царе знать не дали»³⁸⁹. Очевидно, такая претензия относится к служебным обязанностям воевод передового и сторожевого полков. Кто был тогда их командирами? Кн. М.Т. Черкасский, кн. В.И. Темкин-Ростовский, кн. Д.И. Хворостинин, кн. П.Т. Шейдяков, боярин В.П. Яковлев и кн. В.А. Сицкий. Трое из них — В.П. Яковлев, князя Черкасский и Темкин-Ростовский — были тогда казнены, причем Яковлев и Черкасский стоят в синодике казненных рядом³⁹⁰. Из числа прочих кн. Д.И. Хворостинин временно потерял в служебном росте: если в этом походе он расписан третьим воеводой передового полка, то в следующем (1572) — третьим воеводой менее значительного сторожевого полка³⁹¹. Вероятнее всего, речь идет об одном деле, и очень похоже на то, что всех названных наказали за майский разгром. В таком случае, смерть царского шурина оказалась расплатой за командирскую некомпетентность. Этот инцидент вскрыл брешь в самой системе комплектования командного состава опричнины: слишком многое зависело от интересов наиболее влиятельных придворных кланов и личного доверия Ивана IV. Соответственно, воеводский опыт и полководческий талант оказывались на втором плане. И вот — расплата.

Наконец, князь Фёдор Михайлович Трубецкой — фигура, приход которой в опричный корпус стал одним из главных свидетельств изменения в кадровой политике Ивана IV. До 1570 г. в опричную военную организацию не брали представителей наиболее богатых и влиятельных княжеских родов.

В опричных воеводах ходили князья Вяземские Телятевские, Хворостинины, Охлябинины, Гвоздевы, Морткин. Все они представляли либо младшие ветви семейств, либо просто захудалые, т.е. небогатые и ничем значительным долгое время себя не проявлявшие на службе, в том числе не вышедшие в думные чины. Притом далеко не всех из них пустили на высокие должности. В опричном военном руководстве (список из 21 человека) примерно 50 % составляет нетитулованная знать, в том числе три персоны, не входившие в число высокородного московского боярства — Р.В. Алферьев и М.А. Безнин (оба из Нащокиных — «родословная», но захудалая фамилия), а также и К.Д. Поливанов. Примерно такое же соотношение складывается, если подсчитать всех опричных воевод. Но это, подчеркиваю, — лишь при учете полного списка за весь период с 1565 по 1572 г. Если же проанализировать кадровый состав опричнины до весны 1570 г., то картина будет совершенно другая. Из 7 высших опричных военачальников 4 принадлежат боярскому семейству Плещеевых, 2 — русской титулованной знати (князья Телятевские) и 1 (кн. М.Т. Черкасский) — выезджей титулованной аристократии. При подсчете всех лиц, которым в опричнине доверяли командование самостоятельными полевыми соединениями, гарнизонами городов или же строительством крепостей, получается не менее показательный результат: к нетитулованным родам относятся 7 человек: К.Д. Поливанов, В.И. Колычев-Умной и 5 представителей Плещеевых; к титулованным русским родам — только 5 человек: двое князей Телятевских, двое князей Вяземских, а также князь Д.И. Хворостинин; к выезджей аристократии — все тот же кн. М.Т. Черкасский. Таким образом, в 1565 — начале 1570 г. нетитулованная знать в опричной армии преобладает. Назначения 1570 г. переворачивают ситуацию³⁹². В опричную военную организацию на первые позиции приходят князья Ф.М. Трубецкой, С.Д. Пронский, В.И. Темкин-Ростовский, В.И. Барбашин, достигает в ней высокого статуса Ф.И. Хворостинин (кроме того, переходят на положение опричных военачальников также Н.Р. Одоевский, В.И. Горбатый-Мосальский, И.В. Темкин-Ростовский, Д.М. Щербатый и А.П. Хованский, но им самостоятельных соединений не до-

веряли) — почти все они принадлежали к высшим аристократическим родам. В то же время большинство крупных опричных воевод из нетитулованной знати либо подвергаются казни, либо теряют прежнее свое высокое положение. Значительные посты в 1570 г. из нетитулованной знати в опричнине получали только И.Д. Колодка Плещеев, В.И. Колычев-Умной да Р.В. Алферьев, а в 1571—1572 гг. — один М.А. Безнин. Таким образом, всего за несколько месяцев 1570 г. титулованная знать получила абсолютное преобладание в опричнине, как это было в целом по вооруженным силам России на протяжении всего царствования Ивана IV.

Приходится вспомнить свидетельство Пискаревского летописца о начале опричнины под 1565 г.: «В том же году поупущением Божиим за грехи наши възъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на все православное християнство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину разделение земли и градом»³⁹³. «Злые люди», принадлежавшие семействам старомосковской боярской знати, как видно, после больших военных неудач 1564 г. и предательства князя А. Курбского решили осуществить реванш над титулованной знатью, теснившей старинных слуг Московского правящего дома в Думе и совершенно преобладавших в армейском командовании. Особенно привлекательным подобный план мог звучать в устах А.Д. Басманова — человека, одержавшего под Рязанью убедительную победу в том же 1564 г., когда титулованная знать приносила в основном огорчения от потерь и поражений. Теперь можно со всей определенностью сказать: да, на протяжении пяти лет продолжался этот реванш в опричнине, во всяком случае, в опричной военной организации³⁹⁴; с весны 1570 г. он сходит на нет.

После большого похода против северных русских земель, находившихся в земщине, а также расследования «новгородского изменного дела» и произошел перелом. Для этого было как минимум две причины. Прежде всего, подвергся разгрому стержнеобразующий для опричнины клан Плещеевых, которые до того успели оттеснить от власти в опричном корпусе Телятевских. Плещеевы ставили своих людей не только

на высшем, но и просто на всех уровнях командного состава опричнины. Помимо четырех перечисленных воевод к числу опричных военачальников относились также И.И. Плещеев-Очин и Н.И. Плещеев-Очин, а также кое-кто из родни Плещеевых. Тогда же пал род князей Вяземских, а это еще четыре опричных воеводы, в том числе два крупных: князя А.И. Вяземский-Глухой и Д.И. Вяземский. Более того, сам поход мог вызвать серьезное разочарование царя в опричнине: во время грабительского похода на Северную Русь в 1569—1570 гг. опричники покидали царя, предпочитая кровавой, страшной, но все же службе личное обогащение. В записках немца-опричника Генриха Штадена есть очень характерное место: царь после этого похода делает в Старице смотр опричному войску, желая знать «...кто остается при нем и крепко его держится»³⁹⁵. Следовательно, Иван IV увидел в рядах опричного войска заметное число людей отставших, ушедших по своим надобностям... И «мемуары» Штадена, и записки других иностранцев об опричном времени изобилуют свидетельствами многочисленных злоупотреблений опричных должностных лиц, не меньше заботившихся о собственном обогащении, чем старая аристократическая администрация, но более «голодных», а значит, менее сдержанных в методах и масштабах вымогательства, взяточничества, открытого грабежа. При этом они осмеливались оставлять Ивана IV в его походах... Поэтому опричный корпус нуждался, во-первых, в укреплении новыми командными кадрами, поскольку старые оказались выбиты или попали под подозрение, и, во-вторых, потускнела идея, согласно которой опора на старинные московские боярские роды и устранение представителей сильнейшей титулованной аристократии от рычагов управления опричниной придадут опричному военному механизму особый градус верности, управляемости, инициативности. Поэтому весной — осенью 1570 г. происходит вливание целого ряда способных военачальников из числа титулованной знати (притом ее «сливок»!) в командный состав опричнины. Среди них виднейшей персоной был именно Ф.М. Трубецкой.

Фёдор Михайлович происходил из весьма знатного рода, идущего от Гедимины и Ольгерда. Трубецкие служили госуда-

*Воображаемый облик Ольгерда,
восходящий к изображению
в хронике Алессандро Гваньини «Описание европейской
Сарматии» (XVI век)*

рям московским со времен Ивана III. Они сохраняли на протяжении всего XVI столетия права на родовые вотчины в Трубчевске и даже остатки удельного суверенитета, хотя удел и был ликвидирован не позднее 1531 г. В Думе из князей Трубецких до опричнины был лишь кн. С.И. Трубецкой-Персидский, попавший туда в годы правления Елены Глинской. Да и крупных служебных достижений в воеводских чинах за их родом числилось немного³⁹⁶. До первой половины 60-х гг. XVI века Фёдора Михайловича в разрядах не видно. Он известен лишь по «Дворовой тетради» как служилый князь³⁹⁷. В разрядных записях его имя появляется незадолго до опричнины. Князь Трубецкой упомянут в числе есаулов, ходивших с Иваном IV под Полоцк зимой 1562—1563 гг.³⁹⁸ С 7072 (1563 — 1564) г. он на протяжении нескольких лет сидит первым воеводой в Децилове, то есть на переднем крае обороны южных рубежей России. Отпускают его с воеводства лишь в сентябре 1565 г. Летом 1565 г. он, как уже говорилось выше, ненадолго выхо-

дил сначала к Кашире, а затем к Калуге во главе защитной рати. В дальнейшем его карьера складывалась в рамках земщины. Известно, например, что осенью 1567 г. он стоял первым воеводой в передовом полку на Великих Луках и там же расписан был «в посылку» первым в сторожевом полку; позднее он занимает пост первого воеводы в Туле³⁹⁹. В опричнине он оказался не позднее мая 1570 г. С момента попадания в опричнину Трубецкой становится одной из крупнейших величин в вооруженных силах России при Иване IV и его сыне Фёдоре Ивановиче (1584—1598), одним из «столпов царства». Князь Трубецкой с самого начала занимает среди опричных военачальников ведущее место. Почему именно он был избран царем для этой высокой службы, понять нетрудно. Трубецкой не имеет прочных связей со старым воеводским корпусом опричнины, а значит, избавлен от подозрений в доброжелательстве к «новгородским изменникам». Военный опыт у него имелся вполне достаточный, хотя и не было ярких боевых достижений. Главное же достоинство — чрезвычайная знатность рода. Опричные воеводы не вылезали из местнических споров друг с другом, что заметно вредило службе, а против Фёдора Михайловича ни один из них не посмел бы инициировать подобного разбирательства: слишком велико было превосходство прямого потомка Ольгерда⁴⁰⁰. Итак, в мае 1570 г. он возглавляет опричный отряд, поставленный у Калуги «по вестям». Летом того же года уже поставлен первым воеводой большого полка, т.е. «главнокомандующим» основных сил опричного корпуса, дислоцировавшихся там же. Осенью Фёдор Михайлович вновь под Калугой командует опричным отрядом. В походах Ивана IV 1571 и 1572 гг. он ставится первым дворовым воеводой⁴⁰¹. На исходе опричнины, не позднее октября 1571 г., князь Трубецкой получил боярский чин: об этом сообщает разряд государевой свадьбы с Марфой Собакиной: здесь, среди прочих доверенных людей, присутствует с семьей и Фёдор Михайлович⁴⁰². Падение опричнины, в противоположность судьбам многих других опричников, не разрушило его карьеру. Князь Трубецкой не перестал получать высшие армейские посты. В победоносном походе зимой 1572—1573 гг., когда была взята Пайда, Фёдор Михайлович участвовал как первый

дворовый воевода. В другой победоносный поход — на ливонские города и замки, захваченные тогда во множестве, — князь вновь пошел первым дворовым воеводой (лето 1577 г.)⁴⁰³. Занимая столь высокие посты, он автоматически входил в состав высшего командования полевой армии, пребывал в составе ее штаба. И, значит, делит с царем и воеводами большого полка славу этих побед. Смерть Ивана IV никак не сказалась на статусе полководца: уже в мае 1584 г. он возглавляет армию, вышедшую «на берег... для прихода крымского царя»; в январе 1586 г. Фёдор Михайлович отправляется первым воеводой в Новгород Великий; он еще успел поучаствовать в Тязвинской войне — как первый воевода полка правой руки во время успешного похода на новгородские земли, отданные ранее шведам: тогда были взяты Ям и Ивангород (зима 1589—1590). В зимнем походе 1591—1592 гг. на Выборг его расписали на аналогичный пост⁴⁰⁴. Последний поход князя Трубецкого состоялся весной 1593 г. — его отправили «на берег» в той же должности — первого воеводы полка правой руки. В серпуховской поход царя Бориса Федоровича (1598—1605) его не взяли, видимо, по возрастным причинам, и дали скорее почетную, нежели боевую задачу, — отвечать за готовность к осаде «старого каменного города» в Москве (1598)⁴⁰⁵. Мы находим имя воеводы на первом месте в боярских списках 1588—1589 и 7098 (1589 — 1590) гг., он судит местнические суды, участвует в дипломатических приемах⁴⁰⁶. Князь Ф.М. Трубецкой при государях Фёдоре Ивановиче и Борисе Фёдоровиче пользуется почетом, уважением и немалым влиянием. Он был придворным сторонником партии Годуновых (несмотря на некоторые размолвки с ними), и, скорее всего, этим объясняются победа рода князей Трубецких в крупном местническом деле над «ровней» — князьями Булгаковыми-Голицыными. Умер Фёдор Михайлович, по всей видимости, уже в преклонном возрасте, в январе или феврале 1602 г. По сведениям В.Б. Кобриня, он похоронен «в своем родовом гнезде Трубчевске»⁴⁰⁷. Английский дипломат Джильс Флетчер, побывавший в Московском государстве в конце 80-х гг. XVI столетия, перечислил главных воевод русской армии того времени: среди них и кн. Ф.М. Трубецкой. К нему относится и последующая оценка, данная

Флетчером всей четверке: «Все они знатны родом, но не отличаются никакими особенными качествами...»⁴⁰⁸ Оценка эта, думается, объективна, поскольку в данном случае Флетчер выполнял роль сборщика важных сведений, а не публициста — хулителя России. Несколькими строками ниже он отмечает выдающиеся способности другого русского полководца — кн. Д.И. Хворостинина, да и в самой ремарке о четырех главнейших военачальниках России делает некоторое исключение, говоря о дарованиях кн. И.М. Глинского. Судя по фактам военной карьеры кн. Трубецкого, англичанин был недалек от истины: за Фёдором Михайловичем, как руководителем самостоятельных полевых соединений, не числится никаких серьезных боевых успехов. Как, впрочем, и поражений. Одно можно сказать точно: за несколько десятилетий честной службы этот человек побывал в качестве одного из главных воевод в трех больших успешных походах, руководил гарнизонами больших крепостей, ни от какого неприятеля не бегал с позором. Он просто сделал на своем веку много добротной военной работы.

Изучив кадровый состав высших военачальников опричного корпуса, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, во главе опричного корпуса во всех крупных его операциях ставились представители родовитой служилой знати. К подобной службе не допущено ни единого представителя провинциального «городового» дворянства или даже дворянства московского, но не принадлежащего старинным боярским родам.

Во-вторых, на начальном периоде опричнины видно преобладание нетитулованной аристократии — как в высшем эшелоне опричного командования, так и уровнем ниже, среди крупных опричных воевод. В значительной степени его можно объяснить личным влиянием А.Д. Басманова-Плещеева, который спас Рязань от прорыва крымцев в крайне неудачном для России 1564 г. Это преобладание весной — осенью 1570 г. сходит на нет всего за несколько месяцев. На смену опричным полководцам «первого призыва» приходит высшая титулованная знать. Она-то и составляет костяк командных кадров до отмены опричнины в 1572 г.

В-третьих, по всей видимости, при назначении на высшую командную должность в опричнине существенным положительным фактором было участие в триумфальном походе на Полоцк зимой 1562—1563 гг. Вероятно, это повышало степень доверия со стороны Ивана IV, который имел возможность видеть человека «в деле». Во всяком случае, среди 8 главных опричных военачальников 6 были расписаны в этом походе на «именные службы».

В-четвертых, наличие боевого и руководящего опыта для претендентов на высший командный пост в опричнине отступало на второй план перед иными критериями: принадлежностью к «правильному» семейно-родственному клану и доверием государя. Из восьми названных военачальников четверо располагали явно недостаточным опытом для столь высоких и столь ответственных должностей: Ф.А. Басманов-Плещеев, И.Д. Колодка Плещеев, А.И. Плещеев-Очин и кн. М.Т. Черкасский. Ненамного больше опыта было у князя В.И. Телятевского. А старый боевой воевода З.И. Плещеев-Очин пришел в опричнину с репутацией человека, неоднократно битого неприятелем. Таким образом, общая боеспособность высшего командного состава опричного корпуса оставляет желать лучшего. Мнение Р.Ю. Виппера о «талантливых выдвиженцах» Ивана Грозного не находит подтверждения на материале верхнего яруса опричной военной машины. Государь, пользуясь терминологией А.А. Зимина, действительно «смело выдвигал новых людей», но на данном уровне выбор Ивана IV обеспечил армию военачальниками далеко не лучшего качества.

После изучения проблемы на уровне высших военачальников опричного корпуса логично спуститься уровнем ниже и проанализировать ситуацию на материале всех заметных опричных воевод — а именно тех, кто попал в список, состоящий из трех десятков персон. Туда, как уже говорилось, входят все те, кто хотя бы раз занимал пост первого воеводы в полку, крепости, небольшом самостоятельном отряде или при строительстве города.

По этому списку видно следующее: почти вся титулованная аристократия попала туда во время или после большой кадровой перестановки весны — осени 1570 г. Об этом уже говорилось выше.

Помимо кн. М.Т. Черкасского в списке присутствуют еще три представителя знати инородческой — его родня князья Борис и Иван Черкасские, а также ногайский мурза кн. Петр Тутаевич Шейдяков, крестившийся по собственному желанию⁴⁰⁹. Для князей Черкасских опричнина была мимолетным эпизодом, когда высоко поднявшийся родственник смог вытащить их на воеводские посты. Не стало его — ушли из рядов и они. Оба по одному разу появлялись в армии на излете опричнины, в 1570 г.⁴¹⁰, и не сыграли, видимо, сколько-нибудь крупной роли. Петр Тутаевич вошел в опричную военную иерархию еще позже — в 1571 г., участвовал также в новгородских походах 1572 г.⁴¹¹, однако и он — кадр, брошенный на укрепление воеводского состава опричнины в самом конце ее существования, — очевидно, не был в ней одним из ключевых фигурантов.

Что остается?

Значительная группа представителей родовитого старомосковского боярства. В том числе 5 человек из огромного семейства Плещеевых, а также Василий Иванович Умной-Колычев и Яков Федорович Волынский-Попадейкин. Последний в опричнине не достиг больших чинов (возглавлял «кош» — обоз в 1567 г.), а в 1571 г. и вовсе неудачно действовал против крымцев. Карьера его вышла на пик к тому моменту, когда военная машина опричнины в основном была расформирована, а остатки ее стремительно рушились (конец 1571 — 1573 гг.). В декабре 1571 г. он идет во главе сторожевого полка из Орешка к селу Лебязьему, через несколько месяцев в новгородском походе ему вновь доверяют командовать сторожевым полком, а под 7081 (1572 — 1573) годом Яков Федорович расписан в разряде первым воеводой на годование в Нарву-Ругодив⁴¹². В походе на Полоцк 1562—1563 гг. этот человек участвовал — он был поставлен «от государя... на посылки»⁴¹³. А вот Василий Иванович стал одним из ведущих воевод опричнины. Возможно, в этом ему способствовало отдаленное родство Колычевых и влиятельных Захарьиных-Юрьевых⁴¹⁴. Он и до опричнины уже был «в чинах» — ему сказали окольниковство, назначали воеводствовать в Михайлов, Мценск, Коломну и Торопец, доверяли посты на уровне полковых воевод. В опричнину он по-

пал с тем же чином окольного, да и военные должности занимал примерно те же, что и в доопричное время. Как второй воевода сторожевого полка он появился в анналах опричного корпуса весной 1568 г. под Вязьмой, затем возглавил опричный отряд в Ржеве Володимировой⁴¹⁵. Его командный опыт находил применение часто. Однако Василий Иванович в большинстве случаев оказывался на вторых ролях. Ему, как представителю семейства мятежного, когда-то поддерживавшего вооруженное выступление удельного князя А.И. Старицкого, семейства, породившего изменника Б. Хлызнева-Колычева, а затем прославившегося антиопричными обличениями митрополита Филиппа (Колычева), видимо, не до конца доверяли. Василий Иванович в опричнине карьеры не сделал: кем был, тем и остался; высокие чины пошли ему уже после отмены опричных порядков — с конца 1572 г. Но и в опричные годы судьба подарила Василию Ивановичу шанс на возвышение. В 1570 г. ему подчинили опричный отряд, охранявший строительство города Толшебора на Колыванской дороге вместе с земцами И.П. Яковлева. Затем этот отряд был переброшен под Ревель (Таллин)⁴¹⁶. Армия, осаждавшая Таллин, располагала очень значительными силами и мощным артиллерийским арсеналом. Там собрались помимо земцев Яковлева и опричникв Умного-Колычева силы союзного Ивану IV Ливонского короля Магнуса. Но взять город не удалось, осаждающие вынуждены были отступить. Хотя разнузданные подчиненные Василия Ивановича несут значительную часть вины за неудачу, он избежал серьезного наказания и лишь скатился до прежнего положения второго воеводы в сторожевом полку (1572)⁴¹⁷. В дальнейшем карьера его выправилась.

Еще одна группа состоит из нескольких княжеских семейств, не принадлежавших верхнему слою боярско-княжеской аристократии. Помимо Телятевских туда входили кн. И.П. Охлябинин, Д.И., А.И., П.И., Ф.И. Хворостинины, Ал.И., Д.И. Вяземские, В.И. Горбатый-Мосальский, а также Д.М. Щербатов (Щербатый)⁴¹⁸.

Князь Иван Петрович Залуца Охлябинин, происходивший из ярославских князей, был в опричном войске одним из став-

ленников клана Плещеевых, поскольку женат был на двоюродной племяннице боярина А.Д. Басманова. В походе на Полоцк 1562—1563 гг. он был есаулом и действовал весьма активно⁴¹⁹. По всей видимости, у князя Охлябинина было военное дарование: его назначали на видные воеводские должности очень часто. Он оказался одним из тех, кто составил костяк опричного командного состава. Князя Хворостинины — своего рода загадка опричнины. Не вполне ясно, почему именно их привлекли на военную службу в опричный корпус. Хворостинины были представлены в думе еще до опричнины: думный чин получил кн. Иван Михайлович, отец четырех братьев, вошедших впоследствии в число опричников, видный военачальник. Они не были худородным семейством или захудалым, но с высшей титулованной знатью тягаться в «отечестве» не могли и, видимо, значительными земельными богатствами не располагали. Князь П.И. Хворостинин возил наградные золотые Басмановым, отстаившим Рязань в 1564 г., да и отдаленные родственные связи у Хворостининых и Басмановых-Плещеевых были — через тех же Охлябининых (Хворостинины составили соседнюю с ними ветвь ярославских князей)... Но какая-либо протекция со стороны семейства Плещеевых вызывает большие сомнения: в 1567 г. кн. Д.И. Хворостинин жестоко местничал с И.Д. Колодкой Плещеевым. Скорее всего, Хворостинины поднялись благодаря личному военному таланту Дмитрия Ивановича, отличившегося при взятии Полоцка в 1563 г.⁴²⁰, да еще благодаря тому, что он «оправдал доверие» Ивана IV, когда тот приказал ему охранять опального вельможу кн. Д. Курлятева — через несколько месяцев после полоцкой победы. В опричнине были кн. Андрей, Дмитрий, Петр и Фёдор Ивановичи Хворостинины, все они достигли воеводских чинов, Дмитрий и Фёдор вышли в крупные военачальники. Дмитрий Иванович — единственный из всех опричных выдвиженцев — проявил яркий талант полководца. Братья Хворостинины также вошли в воеводский костяк опричного корпуса. Большой фаворит Ивана Грозного, кн. Афанасий Иванович Вяземский, происходил из размножившегося и захудавшего рода, который в 60-х гг. XVI века пребывал на грани утраты княжеского титула. Афанасий Иванович, будучи

одним из первых лиц в опричнине, тем не менее сыграл довольно скромную роль как воевода опричного корпуса. На командных должностях он появляется всего два раза: как второй дворовый воевода в крупной рати осенью 1567 г. и как второй воевода в Дорогобуже «по вестям» зимой 1567—1568 гг.⁴²¹ Любопытно, что его возвышение также уходит корнями в Полоцкий поход 1562—1563 гг.: Афанасий Иванович стоял тогда во главе царского обоза⁴²² и выполнял трудную задачу руководства огромным «кошем» в условиях «заторов» и «моччания» при движении колоссальной армии. Он «вытащил» на большие воеводские чины родню: кн. Дмитрия Ивановича Лисицу Вяземского и Александра Ивановича Вяземского-Глухого; кроме того, в воеводах ходил и кн. Василий Иванович Волк Вяземский, но был малозаметен. Из этого семейства значительным опытом и способностями обладал только один военачальник — кн. А.И. Вяземский-Глухой. Он четырежды назначался на воеводские должности, а в Дорогобуже зимой 1567—1568 гг. возглавил отряд опричников, направленный туда «по вестям»⁴²³. В 1570 г. Афанасий Иванович попал в опалу в связи с расследованием новгородского «изменного дела» и, по мнению большинства современных историков, подвергся казни, а его родня распрощалась с блестящей карьерой. Больше воеводами Вяземских при Иване IV не назначали. Князем Дмитрием Михайловичем Щербатым «укрепили» опричный корпус в 1570 г., в общем «призыве» титулованной знати. По словам С.Б. Веселовского, он принадлежал «младшей и самой слабой линии рода князей Оболенских [ветвь черниговских князей. — Д.В.]»⁴²⁴. В опричнине он большой роли не сыграл и особой карьеры не сделал. Примерно то же можно сказать и о князе Василии Ивановиче Горбатом-Мосальском, с той лишь разницей, что он происходил из другой младшей ветви черниговских князей.

Наконец, группа относительно худородных дворян: Р.В. Алферьев, М.А. Безнин, И.Б. Блудов, К.Д. Поливанов. Их совсем немного! И отнюдь не они определяют лицо опричной военной машины. Кроме того, в отношении Романа Васильевича Алферьева и Михаила Андреевича Безнина следует сделать оговорку: они относятся к старинной тверской «родословной»

фамилии Нащокиных, утратившей влияние, но все-таки не скатившейся до уровня простых городских дворян. Безнин проявил решительный характер во время переговоров с осажденным в Полоцке гарнизоном в феврале 1563 г. и тем, по всей видимости, угодил царю. После взятия города он был отправлен с почетной миссией гонца, несущего вести о победе архиепископу Пимену в Новгород⁴²⁵. Оба назначались на воеводские должности в опричнине неоднократно, особенно Михаил Андреевич, однако карьеру сделали в основном по административной и дипломатической части. М.А. Безнин, помимо всего прочего, был выдающимся летописцем, автором самостоятельного летописного сочинения, а также заготовки для повести о взятии Полоцка, попавшей впоследствии в Лебедевскую летопись⁴²⁶. В опричной военной системе они исполняли роль «рабочих лошадок»⁴²⁷. Еще одна «рабочая лошадка» — Игнатий Борисович Блудов, но в гораздо большей степени, чем Алферьев и Безнин: его отправляют на воеводские должности постоянно. У Блудова опыт военной работы был колоссальным — больше, чем у кого бы то ни было в группе «худородных дворян», да и вообще один из самых значительных по всему опричному командному составу⁴²⁸. Но происхождение провинциального дворянина не позволило ему подняться высоко. Потолок Игнатия Борисовича в опричнине — назначение воеводой сторожевого полка под Тулой в 1569 г. «после отходу опришнинских больших воевод»⁴²⁹. Этот военачальник погиб осенью 1580 г. под Смоленском⁴³⁰. Константин Дмитриевич Поливанов принадлежал к старинному роду, не попавшему в государственный родословец и известному лишь по частным. Этот род стоял очень далеко от воеводских назначений и тем более думных чинов. Тем не менее Константин Дмитриевич, сопровождавший царя в его знаменитом походе из Москвы в Александрову слободу в 1564 г. и отправленный оттуда царем в столицу с обращением к купцам, был одним из доверенных лиц Ивана IV. Четырежды его назначали на должности уровня полковых воевод и поручали иные важные службы. Высшее служебное достижение Поливанова относится к 7076 (1567 — 1568) г.: его расписали первым воеводой в опричном отряде, отправленном к Мценску⁴³¹. После отмены опричнины звезда

его закатилась: высокие чины он более не получал, ходил в приставах и головах.

Таким образом, спустившись с уровня высших опричных воевод на уровень основного воеводского костяка опричного корпуса, можно сделать вывод: почти полностью повторяется та же самая картина. Неродовитых людей в этом слое очень мало — всего четверо. Прочие же относятся либо к титулованной аристократии, либо к старомосковским боярским родам. Полоцкий поход 1562—1563 гг. играет роль «кузницы кадров», через которую прошло абсолютное большинство видных фигур. Количество выходцев из титулованной и нетитулованной знати на этом уровне примерно равно до 1570 г., а позднее титулованная знать начинает преобладать: позиции Плещеевых рушатся, замены им из числа старомосковских боярских родов не видно. Личное доверие государя и семейно-родственная поддержка не оставляют впечатления столь же мощного фактора при отборе претендентов на высокие посты, однако и в данном случае они играют весьма заметную роль.

Существование самостоятельной опричной военной машины не принесло Московскому государству триумфальных военных успехов. Отдельно от земских ратей опричники только один раз одержали крупную победу: в мае 1570 г. кн. Д.И. Хворостинин и Ф. Львов разбили крымцев под Зарайском. «Реванш» старомосковского боярства оказался нестойким и кратковременным: в 1570—1572 гг. он сходит на нет. Представители неродословных и худородных фамилий добились высоких воеводских назначений в очень незначительном количестве. К рычагам высшего руководства вооруженными силами в годы опричины никого из них не допустили. «Способные» и «талантливые» военачальники рекрутировались в этот период за редкими исключениями из той же титулованной знати, с той лишь разницей, что значительная часть происходила не из высшего ее эшелона, а из младших ветвей, из захудалых родов, оттесненных до опричины на второй план. Разумеется, никакими «новыми людьми» они не были. Они-то как раз получили в опричную эпоху превосходный шанс возвыситься и воспользовались им сполна. В послеопричное время многие из них сумели закрепить за собой карьерные достижения.

Приложение III РЕЕСТР ОПРИЧНЫХ ВОЕВОД

Алферьев Роман Васильевич
князь Барбашин (Борбашин, Барбошин) Василий Иванович
Басманов-Плещеев Федор Алексеевич
Безнин Михаил Андреевич
Бельский-Скуратов Григорий (Малюта) Лукьянович
Блудов Игнатий Борисович
Блудов Михаил Борисович
Борисов Григорий Никитич
Борисов Никита Васильевич
Боушев Иван
Бутурлин Дмитрий Андреевич
Бухарин-Наумов Иван (Ищук) Иванович
Волынский-Попадейкин Яков Федорович
князь Вяземский Афанасий Иванович
князь Вяземский Василий (Волк) Иванович
князь Вяземский Дмитрий Иванович
князь Вяземский-Глухой Александр Иванович
князь Гвоздев-Приимков-Ростовский Иосиф Федорович
князь Гвоздев-Приимков-Ростовский Михаил Федорович
князь Горбатый-Мосальский Василий Иванович
Зайцев Петр Васильевич
Колычев-Умной Василий Иванович
князь Морткин Андрей Иванович
Мятлев-Слизнев Иван Иванович

князь Одоевский Никита Романович
князь Охлябинин Иван (Залуца) Петрович
Плещеев Иван (Колодка) Дмитриевич
Плещеев-Очин Андрей Иванович
Плещеев-Очин Захарий Иванович
Плещеев-Очин Иван Иванович
Плещеев-Очин Никита Иванович
Полев Григорий Осипович
Поливанов Константин Дмитриевич
Поярков⁴³² Петр
князь Пронский Семен Данилович
Салтыков Игнатий Борисович
князь Сицкий Василий Андреевич
князь Телятевский Андрей Петрович
князь Телятевский Василий Иванович
князь Иван (Зубан) Петрович Телятевский
князь Темкин-Ростовский Василий Иванович
князь Темкин-Ростовский Иван Васильевич
князь Трубецкой Федор Михайлович
князь Хворостинин Андрей Иванович
князь Хворостинин Дмитрий Иванович
князь Хворостинин Петр Иванович
князь Хворостинин Федор Иванович
князь Хованский Андрей Петрович
князь Черкасский Иван Таатукович
князь Черкасский Михаил Темрюкович
князь Шейдяков Петр Тутаевич (из ногайских мурз)
князь Щербатов Дмитрий Михайлович
князь Щербатов⁴³³ Иван
Яковлев Василий Петрович

Примечания

¹ Хворостинины были отдаленными родственниками Курбских. В апреле 1564 г. князь Андрей Курбский перебежал к литовцам. Но вряд ли из-за семейной связи с ним «выбили» из Думы князя Ивана Михайловича Хворостинина: слишком уж далеко их родовые ветви разошлись друг от друга.

² Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 310.

³ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. II, Ч. I. С. 144, 163.

⁴ Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 311.

⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 242

⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 256.

⁷ По общему мнению специалистов, эта цифра завышена.

⁸ Более подробно о битве у Молодей рассказывается в очерке о кн. М.И. Воротынском.

⁹ Документы о сражении при Молодях / Подготовил В.И. Буганов // Исторический архив. М., 1959. Вып. 4. С. 176.

¹⁰ В дальнейшем участие кн. А.П. Хованского в боевых действиях не упоминается. То ли Воротынский не видел в нем надежного военачальника, то ли он был ранен в одной из первых стычек.

¹¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 450.

¹² Каргалов В.В. Полководцы... С. 314.

¹³ Подробнее см. в главе о кн. Воротынском.

¹⁴ По другой версии, эпизод с восставшей «черемисой» и переодеванием относится к 1582 или 1583 г. Весной 1584 г. Хворостинин был на краткий срок резко понижен в чине.

¹⁵ Согласно одному разряду, Хворостинин был первым воеводой в Новгороде, а в соответствии с другим – первым лицом в отряде, отправленном на поддержку новгородского гарнизона.

¹⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 186.

¹⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III. Ч. I. С. 210.

¹⁸ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 42.

¹⁹ Тогда этот корпус возглавляли князья Тимофей Романович Трубецкой и Дмитрий Иванович Хворостинин. Трубецкой был знатнее, Хворостинин опытнее, но именно против Хворостинина возвышали голос воеводы южных крепостей – Кашин в Новосиле, Хилков в Орле и Салтыков в Белёве.

²⁰ Прямой потомок великого князя Андрея Ярославича. Сам Дмитрий Константинович дважды ненадолго занимал владимирский великокняжеский стол.

²¹ Дело, быть может, не в «припадке ярости», а в придворной борьбе: иные дворцовые партии смогли поколебать положение Шуйских, направив на представителя их рода гнев государя-отрока.

²² Абрамович Г.В. Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 4.

²³ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 274.

²⁴ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 190.

²⁵ О том, что такое «Тысячная книга» и «Дворовая тетрадь», рассказывается в биографическом очерке о князе Дмитрие Ивановиче Хворостинине.

²⁶ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 192. Подробнее о битве у Молодей рассказывается в очерке про князя М.И. Воротынского.

²⁷ В одном из них — Вольмаре — берут в плен Александра Полубенского, командующего силами Речи Посполитой в регионе. Его принуждают отдать подчиненным приказ о сдаче укрепленных пунктов. Этот приказ немало способствует успехам русского оружия.

²⁸ Мы знаем об этом из хроники Бальтазара Рюссова, источника не совсем надежного, поэтому весьма возможно, что страдания Магнуса несколько преувеличены. Но другие иностранные авторы — Петр Петрей и Генрих Штаден — как будто подтверждают эти сведения: первый пишет о том, что Магнуса избивали и даже заставляли ползать у палатки Ивана IV, вымаливая прощение; второй объявляет, что с Магнусом поступили «не по-христиански».

²⁹ Мнения исследователей очень различаются по поводу численности армии Батория и псковского гарнизона. Баторий, по разным подсчетам, мог иметь под рукой от 30 до 100 тысяч человек, причем последняя цифра представляется большим преувеличением. Поляки считали, что Шуйский располагал силой в 57 000 бойцов, но это также фантастическое преувеличение. В тексте даны наиболее вероятные цифры численности.

³⁰ Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989. С. 262.

³¹ В источниках именуется также Свиной и Свинойской.

³² Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578 — 1582). СПб., 1889. С. 210.

³³ Гонец, к сожалению, был перехвачен поляками.

³⁴ Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904. С. 240—241.

³⁵ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578— 1582). СПб., 1889. С. 242.

³⁶ В польских источниках — Иоганн Миллер, то ли Моллер.

³⁷ Действительно, у Ивана IV служил отряд европейских наемников во главе с командиром Юрием Францбеком или Францбековым (Фаренсбахом, Фрундсбергом?).

³⁸ По другим сведениям, это были пищальные дула, числом 12, которые должны были при взрыве сыграть роль осколочного материала. В качества детонатора поляки использовали взведенную ружейную часть, прикрепив ее шнурком к днищу деревянного ящика, куда был положен маленький ларец с порохом, а также к его крышке. Вынув железный ларец из ящика или открыв крышку ларца, русский воевода привел бы в действие адскую машинку...

³⁹ Впрочем, относительно муромского поместья возникают вопросы, т.к. его владельцем мог быть и другой кн. Шуйский.

⁴⁰ Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 42.

⁴¹ Бесчадием Ирина Годунова не страдала: она родила супругу дочь Феодосию, к сожалению, скончавшуюся в младенчестве.

⁴² Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Под ред. В.Л. Янина; перевод и сост. А.А. Севостьяновой. М., 1990. С. 101–102. Точность рассказа Горсея вызывает некоторые сомнения.

⁴³ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988. С. 127–128.

⁴⁴ Подробнее об этом – в очерке, посвященном кн. Микулинскому.

⁴⁵ Подробнее об этом – в очерке, посвященном кн. М.И. Воротынского.

⁴⁶ А также Астрахани, спустя несколько лет также подчинившейся Москве.

⁴⁷ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 285.

⁴⁸ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 302.

⁴⁹ Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. С. 239

⁵⁰ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 310.

⁵¹ Тарваст брали князя Петр Большой Ростовский и Василий Волк Ростовский. Рую захватил князь Фёдор Троекуров.

⁵² Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 344.

⁵³ Возможно, эта хитрость оправдалась хотя бы отчасти. В отношении боярина И.П. Фёдорова.

⁵⁴ В отношении князей Мстиславского, Бельского и Воротынского эти подозрения, скорее всего, беспочвенны: эти люди всю жизнь честно дрались за Россию, а Бельский и голову за нее сложил. Но у Фёдорова основания пойти на сотрудничество с поляками были. Его держали голым в заточении в связи с расследованием событий 1546 г., и он во всем тогда винился... Потом И.П. Фёдорову пришлось отправиться в ссылку. Трудно забыть такие унижения.

⁵⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 48.

⁵⁶ Иностранцы сообщают также, что заговорщиков выдали, помимо кн. Владимира Андреевича, также главные столпы земщины – кн. И.Ф. Мстиславский и И.Д. Бельский. Но Б.Н. Флоря, тщательно изучив, где и когда находились эти лица, отверг основательность данного сообщения. – Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 217—218.

⁵⁷ Володихин Дм. Иван Грозный: Бич Божий. – М., 2006. С. 68—72.

⁵⁸ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 23.

⁵⁹ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 237.

⁶⁰ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 285.

⁶¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 429.

⁶² Перед тройкой поручителей в свою очередь поручились за князя Мстиславского 284 дворянина, подписавшись на ту же сумму штрафа в случае его измены.

⁶³ И был там наместником чуть более полугодом – с зимы 1571 – 1572 г. до конца лета 1572 г.

⁶⁴ Впрочем, достоверность этого источника находится под вопросом.

⁶⁵ Богоявленский С.К. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма [1574 г.] // Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2006. С. 500—503.

⁶⁶ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 год. М., 1981. С. 239.

⁶⁷ Впрочем, нельзя исключать и того, что «осторожность» царя объясняется принципиально иными причинами. Вторым браком Мстиславский связал себя с родом Воротынских, а в 1573 г. между князем Михаилом Ивановичем Воротынским, а также некоторыми другими видными воеводами, и государем Иваном Васильевичем произошел какой-то крупный конфликт. Он закончился казнью Воротынского и двух других крупных военачальников. Так вот, не появилось ли у царя подозрительное отношение и к другим представителям опального рода удельных князей?

⁶⁸ Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904. С. 54—55.

⁶⁹ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 191, 302.

⁷⁰ Володихин Д.М. «Дело» Соломонии Сабуровой // Политический журналъ. М., 2008. Вып. 2.

⁷¹ У князя Фёдора Ивановича Мстиславского в Смутное время будет шанс самому сделаться царем, но он им не сумеет воспользоваться.

⁷² Сведения о силах обороны юга России есть также в очерках о других полководцах. Все «командармы» Ивана Грозного поучаствовали в войнах на степном юге. Кто-то — больше, кто-то меньше, но от «береговой службы» ни одного из них судьба не избавила.

⁷³ Некоторые историки считают, что так в старину именовали сам Зарайск.

⁷⁴ Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 145.

⁷⁵ Казанская история // За землю Русскую. Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 269.

⁷⁶ Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 244 — 245.

⁷⁷ См. в очерке, посвященном кн. И.Ф. Мстиславскому.

⁷⁸ Казанская история // За землю Русскую. Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 206. Монастыри в Свияжске, конечно, устроились не сразу, но с самого начала храмов было несколько.

⁷⁹ В XIX веке храм ремонтировали, поэтому, кроме основы, все остальное относится там к этому столетию.

⁸⁰ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 242—243.

⁸¹ По другим сведениям, после сдачи острога, там в живых оставалось всего 200 воинов, попавших в плен.

⁸² Казанская история // За землю Русскую. Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 284.

⁸³ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 278.

⁸⁴ Казанская история // За землю Русскую. Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 269.

⁸⁵ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 132—133. Справедливости ради стоит отметить, что как минимум дважды Ивана Михайловича все-таки ставили командовать армиями.

⁸⁶ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 167—168.

⁸⁷ Военный инженер, в широком смысле – военный специалист, «инструктор».

⁸⁸ Есть сведения, что казанцам стало известно о подкопах от изменника князя Юрия Булгакова, они искали подземные галереи, однако до часа решающего штурма так и не успели найти.

⁸⁹ По всей видимости, имеются в виду дворовые воеводы князь Владимир Иванович Воротынский и боярин Иван Васильевич Шереметев-Большой, возглавлявшие государев полк. Впоследствии оба эти рода — и Воротынские, и Шереметевы — тяжело пострадали от царской опалы, а И.В. Шереметев подвергся пыткам.

⁹⁰ Курбкий А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 229 — 261 (курсив мой. — Д.В.).

⁹¹ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 19. С. 462.

⁹² Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 336—337.

⁹³ Подробнее см. в очерке, посвященном князю Микулинскому.

⁹⁴ Лебедевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 299.

⁹⁵ Впоследствии Воротынский потерял эти города, но вернул себе Перемышль, а также получил другие пожалования — в Поволжье.

⁹⁶ Впоследствии, с 1568 по 1571 г., политический курс на массовые репрессии будет проводиться из-за серьезного сопро-

тивления, которое оказывалось русским обществом опричным порядкам.

⁹⁷ Т.е. разведывательные и сторожевые отряды, работавшие в Диком поле – степной зоне между южными областями Московского государства и северными владениями Крымского ханства.

⁹⁸ По другим подсчетам – от 23 000 до 30 000.

⁹⁹ Этот отряд вписан в большой полк позади наиболее крупных казачьих частей в 1000 и 3000 человек, поэтому, видимо, в нем было всего несколько сотен бойцов.

¹⁰⁰ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 192.

¹⁰¹ Впоследствии Дивея-мурзу отправили к Ивану IV в Новгород.

¹⁰² Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 71.

¹⁰³ Записи Разрядной книги о «береговой службе» и отражении нашествия крымских татар в 1572 г. / публ. В.И. Буганов // Исторический архив. М., 1959. Вып. 4, июль — август. С. 180.

¹⁰⁴ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 192.

¹⁰⁵ Что, вообще говоря, сомнительно. Основные элементы опричнины были разрушены еще до битвы у Молодей – под впечатлением московского разгрома 1571 г.

¹⁰⁶ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 336—341.

¹⁰⁷ Более того, младшие Воротынские еще получили часть своего удела назад то ли при Иване IV, то ли в первые месяцы правления его сына Фёдора Ивановича.

¹⁰⁸ Хотя в подобной ситуации было совсем неглупым делом убрать монарха подальше от передовой и предоставить дело профессионалам.

¹⁰⁹ Например, бывал раз-другой вторым воеводой полка левой руки, передового, сторожевого и т.п., «годовал» в небольшой крепости, был воеводой при татарских служилых царевичах.

¹¹⁰ Правда, в отношении последнего из них слова «проявивший себя наилучшим образом» не вполне уместны. Князь

Ф.И. Мстиславский десятки раз выходил в походы на воеводских должностях, дважды при Иване IV осуществлял командование полевыми армиями, но полководческого таланта был лишен, и это сказалась на судьбах вверенных ему войск.

¹¹¹ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). – СПб., 1992. С. 17—18. Князя Булгаковы не указаны здесь, видимо, из-за технической ошибки, ведь по соседству с этим списком А.П. Павлов ясно говорит о них как об одном из самых видных аристократических родов конца XVI столетия.

¹¹² Павлов А.П. Государев двор... С. 133.

¹¹³ В справочной литературе иногда ошибочно именуется Никифором Клементьевичем.

¹¹⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 202, 206, 216, 224.

¹¹⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 48.

¹¹⁶ Очевидно, весной.

¹¹⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 190.

¹¹⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 197, 205—206, 213.

¹¹⁹ Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV—начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. № 686.

¹²⁰ Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С. 131. Понижение по службе, возможно, стало следствием конфликта с придворной партией Годуновых (См.: Кобеко Д.Ф. Щелкаловы и Чепчуговы // Русская старина. СПб., 1901. Вып. CV (XXXII год издания). С. 711). Правда, Иван IV (в 1567—1568 гг.) и Фёдор Иванович (в 1585 г.) жаловали ему иные, весьма серьезные источники дохода: Антонов А.В. Указ. соч. №№ 3440, 3442.

¹²¹ «Тысячная книга» 1550 г. и «Дворовая тетрадь» 50-х годов XVI в. (далее ТКДТ) / Подг. к печати А.А. Зимин. М.—Л., 1950. С. 100. Упомянут в Тысячной книге также некий Семейка Григорьев сын Клементьева, городской новгородский сын боярский второй статьи, но связан ли он с Чепчуговыми, уверенно сказать нельзя. – ТКДТ. С.89.

¹²² Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 236, 333, 349.

¹²³ Кобеко Д.Ф. Щелкаловы и Чепчуговы // Русская старина. СПб., 1901. Вып. CV (XXXII год издания). С. 711—712.

¹²⁴ Павлов А.П. Указ. соч. С. 115, 116; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 301.

¹²⁵ Эскин Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв. М., 1994. №№ 434 (возможна фальсификация) и 869.

¹²⁶ Кобеко Д.Ф. Щелкаловы и Чепчуговы... С. 713. Д.Ф. Кобеко также установил (с меньшей долей вероятности) родственные связи Чепчуговых с князьями Ромодановскими, а через них и отдаленное родство с могучими Шуйскими.

¹²⁷ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 54—80.

¹²⁸ Зимин А.А. Состав... С. 59.

¹²⁹ ТКДТ. С. 54—55, 111—114.

¹³⁰ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 215.

¹³¹ Флетчер Дж. О Государстве Русском. СПб., 1906. С. 81—82.

¹³² Зимин А.А. Состав... С. 60.

¹³³ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 296.

¹³⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 98.

¹³⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 102, 109, 111, 113.

¹³⁶ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 277.

¹³⁷ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С. 126.

¹³⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 123, 138, 144.

¹³⁹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 149

¹⁴⁰ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 184, 251, 228; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 48. А.А. Зимин отыскал упоминания еще двух назначений — во Псков (1554) и Смоленск (1559—1560). См.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 277—278.

¹⁴¹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 220; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 296.

¹⁴² Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Русью и Литвой в XII—XVI веках. М., 1994. С. 108—110.

¹⁴³ Об административных службах И.П.Федорова см., в частности, у Зимина: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 278—279.

¹⁴⁴ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 79.

¹⁴⁵ Зимин А.А. Состав... С. 59.

¹⁴⁶ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 241.

¹⁴⁷ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С.116.

¹⁴⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 110—111.

¹⁴⁹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 122, 124, 132—133, 143, 147.

¹⁵⁰ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 129, 140, 162.

¹⁵¹ Зимин А.А. Состав... С. 60. Данные М.Е. Бычковой позволяют предположить, что это произошло немного раньше – в декабре 1546 г. Бычкова М.Е. Состав класса феодалов... С. 125.

¹⁵² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XIII. Никоновская летопись. С.126.

¹⁵³ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 220—221.

¹⁵⁴ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов... С. 142.

¹⁵⁵ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 346.

¹⁵⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 96, 97, 98, 100, 140, 143, 149.

¹⁵⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 157.

¹⁵⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 105—118.

¹⁵⁹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 129, 134, 164, 168. Весной 1554 г. Смоленск сгорел, и Хабарова свели с наместничества, очевидно, увидев в этом его вину.

¹⁶⁰ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 154—155, 346. См. также комментарий (здесь же, с. 614). С.Б. Веселовский косвенно подтверждает сведения Курбского: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 130, 341.

¹⁶¹ Зимин А.А. Состав... С. 63.

¹⁶² Служат Москве с конца XIV в.

¹⁶³ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 101, 102, 106, 111.

¹⁶⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 152.

¹⁶⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 173, 181, 188.

¹⁶⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 383.

¹⁶⁷ Как заметил К.Ю. Ерусалимский, перебежчиком В.С. Заболоцкий стал еще до войны и, по словам Ивана IV, он бежал не от царской опалы, а «...розбранился с своею братьею». — См.: Ерусалимский К.Ю. Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // ОИ, 2006. Вып. 3. С. 75—76. Впоследствии В.С. Заболоцкий добился в Речи Посполитой высокого положения, был фаворитом Стефана Батория, участвовал в военных действиях на Московском фронте и был убит в 1580 г. в вооруженной расправе с К. Радзивиллом. Можно предположить, что закат карьеры С.К. Заболоцкого был связан с изменой его сына. В свою очередь, переход В.С. Заболоцкого на сторону врага мог быть связан, по мнению А.А. Зимина, с «опасной близостью» рода ко двору Владимира Андреевича Старицкого и поддержкой его во время «боярского мятежа» 1553 г. — См.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 116—117.

¹⁶⁸ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 352; Веселовский С.Б. Исследования... С. 383.

¹⁶⁹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 161—166.

¹⁷⁰ Зимин А.А. Состав... С. 64; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 236—237.

¹⁷¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 127—128.

¹⁷² Предположительно это произошло в связи с погромом Северной Руси в конце 1569—1570 гг. И.Я. Чеботов мог выразить несогласие с необходимостью подобного шага.

¹⁷³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 237.

¹⁷⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 521.

¹⁷⁵ ТКДТ. С. 67.

¹⁷⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 157—158.

¹⁷⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 173—174, 181.

¹⁷⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 186, 188, 234. В 1559 г. Чеботов распisan в той же роли царского «сопровождающего» в поход на Юг, против крымцев, но поход не состоялся (Там же, С. 212).

¹⁷⁹ Зимин А.А. Состав... С. 60; ТКДТ. С. 112.

¹⁸⁰ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 123, 126, 128, 145, 161, 188.

¹⁸¹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 132, 136, 176.

¹⁸² Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 28, 32—33, 40—41, 47.

¹⁸³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 70.

¹⁸⁴ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 238.

¹⁸⁵ Зимин А.А. Состав... С. 66.

¹⁸⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 29.

¹⁸⁷ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 149—150.

¹⁸⁸ Садилов П.А. Очерки по истории опричнины. — М.—Л., 1950. С. 22—23.

¹⁸⁹ Скрынников Р.Г. Царство террора. — СПб., 1992. С. 227, 513; Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Перевод М.Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 54 (с учетом поправок А.И. Браудо. См.: Браудо А.И. Послание Таубе и Крузе к герцогу Кетлеру // ЖМНП. 1890. № 10).

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. С. 256—257.

¹⁹¹ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 275—279.

¹⁹² Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 138, 145, 161, 180, 188, 212. Запись лета 1556 г. о походе царя к Серпухову имеет несколько необычный формуляр, и потому непонятно: то ли Салтыков был там 3-м из дворовых воевод, то ли, что скорее, остался все в том же положении «окольного и оружничего», сопровождающего царя. Второе более верно, т.к. он выделен особой строкой не в числе дворовых воевод, а отдельно.

¹⁹³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 441.

¹⁹⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 234—235; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 66.

¹⁹⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 132, 165, 172.

¹⁹⁶ Зимин А.А. Состав... С. 60—61; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 131.

¹⁹⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 104, 106.

¹⁹⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 126, 128.

¹⁹⁹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 131, 140, 141, 149.

²⁰⁰ Как уже говорилось, по всей вероятности, один из приближенных Ивана IV, стоявших у истоков опричнины. Это сообщение Пискаревского летописца, правда, пытался оспаривать Р.Г. Скрынников, но не привел достаточных оснований: см. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 225.

²⁰¹ Зимин А.А. Состав... С. 61, 63.

²⁰² Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 123, 126, 127, 161.

²⁰³ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 200.

²⁰⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 213.

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. С. 341.

²⁰⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 136, 151.

²⁰⁷ Граля И. Иван Михайлов Висковатый. — М., 1994. С. 116, 119, 153, 193, 240, 285, 293, 299.

²⁰⁸ В январе 1575 г. в Ливонию отправилась пятиполковая рать, где в большом полку номинально числился старшим военачальником ногайский мурза «Афанасий Шейдякович», а реально командовал русский воевода Н.Р. Юрьев.

²⁰⁹ Правда, первым «дворовым воеводой» был расписан И.П. Захарьин-Яковлев (Яковля).

²¹⁰ По другим данным – 24 или 25.

²¹¹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 200, 201; ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. С. 295—296.

²¹² Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 183. Можно было бы, наверное, добавить сюда успех В.А. Бутурлина под Смилтином зимой 1564—1565 г. (Указ. соч. С.38), однако масштаб его победы не ясен.

²¹³ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 169. О Токмаковых см. сноску № 110.

²¹⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 172.

²¹⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 214.

²¹⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 231—232.

²¹⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 55, 58.

²¹⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 58. Гундоровы – одна из младших ветвей семейства князей Стародубских; Токмаковы-Ноздроватые – одна из младших ветвей семейства князей Звенигородских. Кн. Ю.И. Токмакова ожидает краткий, но блистательный взлет карьеры в поздней опричнине, он еще станет опричным дворецким, но в 1569 г. он заметной фигурой еще не является.

²¹⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 57.

²²⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 201.

²²¹ А.П. Павлов считает эту ветвь черниговских князей захудалой, хотя и несколько возвысившейся по службе в опричнине. – Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). – СПб., 1992. С. 133.

²²² Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 218.

²²³ Номинально подчиненный царю Симеону Бекбулатовичу.

²²⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 116—117.

²²⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Том II. Часть 1. С. 191. В краткой редакции князь Р.В. Охлябинин отсутствует, см.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 39—40.

- ²²⁶ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 17.
- ²²⁷ Зимин А.А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 155.
- ²²⁸ ПСРЛ. Никоновская летопись, продолжение. Т. XIII. 2-я половина. С. 408.
- ²²⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 68.
- ²³⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 55.
- ²³¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69.
- ²³² Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 60.
- ²³³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 28, 30.
- ²³⁴ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 27.
- ²³⁵ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 72 (данные разрядов: Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Том II. Часть II. С. 283).
- ²³⁶ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 55.
- ²³⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 172, 207, 209, 217.
- ²³⁸ Зимин А.А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 155.
- ²³⁹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 245; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 29—35.
- ²⁴⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 36, 42.
- ²⁴¹ Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 344.
- ²⁴² Зимин А.А. Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 152.
- ²⁴³ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 219.
- ²⁴⁴ Садиков П.А. Очерки по истории опричины. М., 1950. С. 25. Впрочем, эти перемещения могут объясняться не только «чисткой», но и простыми тактическими или же административными соображениями.
- ²⁴⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 45.
- ²⁴⁶ Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962. С. 121, 131, 150.
- ²⁴⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 86—87.
- ²⁴⁸ Р.Г. Скрынников придерживается мнения, согласно которому кн. М.Т. Черкасский «...между 16 и 23 мая 1571 г. был зарублен опричными стрельцами на дороге между Москвой и Серпуховом». — Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 434.

²⁴⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69.

²⁵⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 271—272.

²⁵¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 277—278.

²⁵² На самом деле не Белкин, а Михаил Андреевич Безнин, один из виднейших опричников. Его имя восстанавливается в этом месте по краткой редакции разрядной книги, — см.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 45.

²⁵³ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 195.

²⁵⁴ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 208.

²⁵⁵ Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 14, 26—32.

²⁵⁶ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 19.

²⁵⁷ СГГД. Ч. 1. С. 557.

²⁵⁸ Антонов А.В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 175, 176; Сборник РИО. Т. 71. С. 465; Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 43.

²⁵⁹ Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 190. Однако это свидетельство Пискаревского летописца не имеет точной датировки и может быть отнесено к другому периоду в истории опричнины, например к выступлению 1568 г.

²⁶⁰ По поводу большого похода 1569 — 1570 гг. против земщины в разрядах есть лишь краткая и весьма откровенная запись: «...ходил государь в Великий Новгород и Новгород велел грабить». — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 265. Конечно, имена некоторых воевод, участвовавших в опричном карательном походе, восстанавливаются по другим источникам. Однако в данном случае причина отказа учитывать эти службы в картине формирования и функционирования русской военной элиты не источниковедческая, а содержательная: это была не военная работа, а род операций, которые возлагаются на внутренние войска. А вопрос об элите карательных органов остается за пределами данного исследования.

- ²⁶¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 261, 262.
- ²⁶² Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 88; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69.
- ²⁶³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 65.
- ²⁶⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 60.
- ²⁶⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 256.
- ²⁶⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 291.
- ²⁶⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 305.
- ²⁶⁸ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 305.
- ²⁶⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 307. Любопытно, что сокращенная редакция разрядной книги назначения в Ругодив М.А. Безнина и кн. Д.И. Кропоткина не упоминает: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 82.
- ²⁷⁰ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950. С. 48.
- ²⁷¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 231—232; А.А. Зимин присоединился к этому мнению. — См.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 350.
- ²⁷² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 292.
- ²⁷³ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 292—293.
- ²⁷⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 302—306, 307—309.
- ²⁷⁵ Иными словами, командовали армиями, гарнизонами, строительством крепостей или хотя бы отдельными полками в полевых соединениях.
- ²⁷⁶ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1996. С. 204—205; // Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530—1584). Виппер Р.Ю. Иван Грозный / Сост. и вступит. ст. Д.М. Володихин. М., 1998. С. 83.

²⁷⁷ Виппер Р.Ю. Иван Грозный // Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530 — 1584). Виппер Р.Ю. Иван Грозный / Сост. и вступит. ст. Д.М.Володихин. М., 1998. С. 152, 157. При всей спорности утверждений Р.Ю. Виппера, одна его идея заслуживает самого пристального внимания: Роберт Юрьевич видит в установлении опричной организации род военной реформы. К настоящему времени собрано достаточно фактов, чтобы согласиться с этим мнением в весьма значительной степени.

²⁷⁸ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950. С. 26.

²⁷⁹ Бахрушин С.В. Иван Грозный // Научные труды. М., 1954. Т. II. С. 300.

²⁸⁰ Веселовский С.Б. Исследования... С. 29—34,

²⁸¹ Кобрин В.Б. Социальный состав опричного двора. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1961. С. 11; Он же. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 199—218.

²⁸² Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 354—359.

²⁸³ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 219, 221.

²⁸⁴ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 102

²⁸⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 65.

²⁸⁶ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 63. Тот же кн. В.И. Темкин-Ростовский командовал опричным соединением при обороне Москвы от Девлет-Гирея в 1571 г. — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 281.

²⁸⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 45.

²⁸⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 54—55; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 237

²⁸⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 242.

²⁹⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 252.

²⁹¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 265.

²⁹² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 256, 272.

²⁹³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 83.

²⁹⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 307. Относительно И. Щербатова не исключена путаница: возможно, имелся в виду кн. И. Черкасский.

²⁹⁵ Не вполне понятно, был ли поход, или только составлялась разрядная роспись, где сказано: «во Мценску были воеводы по полком». — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 237.

²⁹⁶ Или, возможно, всего один выход опричного корпуса под Тарусу, ошибочно записанный в разрядной книге дважды (см. выше).

²⁹⁷ Во втором случае поход мог не состояться и заведомо кн. М.Т. Черкасский расписан ошибочно

²⁹⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 58. Вывод о крупных силах опричного корпуса, брошенных на Изборск, сделан по количеству воевод: во главе опричного отряда их стояло четверо.

²⁹⁹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 195—201.

³⁰⁰ Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 339.

³⁰¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 22.

³⁰² Сапунов А.П. Разряд полоцкого похода 1562/1563 г. // Витебская старина. Витебск, 1885. Вып. IV. С. 28.

³⁰³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 225.

³⁰⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 376—377, 404. Скрынников также высказал предположение, что крах Плещеевых связан с интригами «...руководителей сыского ведомства опричнины В.Г. Грязного и М.Л. Скуратова-Бельского...».

³⁰⁵ ТКДТ. С.138.

³⁰⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 231—233.

³⁰⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 242.

- ³⁰⁸ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 250—251, 256.
- ³⁰⁹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 225.
- ³¹⁰ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 235.
- ³¹¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 81. А.П. Павлов заметил, что в начале 1570-х гг. многие его вотчины пошли в раздачу «дворяном и детем боярским» — Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 194.
- ³¹² Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 100, 113, 132, 187, 209.
- ³¹³ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004, С. 194, 203.
- ³¹⁴ Сапунов А.П. Разряд полоцкого похода 1562/1563 г. // Витебская старина. Витебск, 1885. Вып. IV. С. 39; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 236.
- ³¹⁵ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 316.
- ³¹⁶ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 52; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 229.
- ³¹⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 59; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 249.
- ³¹⁸ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 227.
- ³¹⁹ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002.
- ³²⁰ Веселовский С.Б. Исследования... С. 226.
- ³²¹ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 55.
- ³²² Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 352.
- ³²³ Веселовский С.Б. Исследования... С. 227. Обращает на себя внимание колоссальный размер вклада.
- ³²⁴ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 198—199.
- ³²⁵ ТКДТ. С. 60, 191, 201.
- ³²⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 134.
- ³²⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 141, 159—160.

- ³²⁸ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 236.
- ³²⁹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 227.
- ³³⁰ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 241.
- ³³¹ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 242—243.
- ³³² Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 192.
- ³³³ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 214.
- ³³⁴ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 281—282; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 176, 179.
- ³³⁵ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 124, 143.
- ³³⁶ Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 329. К весне 1566 г. З.И. Плещеев-Очин уже вернулся из плена. – Сб. РИО. Т. 71. С. 398—399).
- ³³⁷ Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 190.
- ³³⁸ Антонов А.В. Поручные записи 1527 – 1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. № 14.
- ³³⁹ К 1567 г. относится первое твердое упоминание его в качестве опричника – в названном осеннем походе. В.Б.Кобрин считал, что Захарий Иванович стал опричником в 1566 г. (по поручной записи – Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 61), но в этом документе не сказано, что он опричник, а считать взятие поручной записи признаком обязательного последующего перехода в опричнину – довольно сомнительно.
- ³⁴⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 225, 229, 233.
- ³⁴¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 240—241.
- ³⁴² Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 59—60.
- ³⁴³ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1991. С. 543.
- ³⁴⁴ ТКДТ. С. 81, 201.
- ³⁴⁵ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 285
- ³⁴⁶ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 51.
- ³⁴⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 54—55; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 237.

³⁴⁸ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 62.

³⁴⁹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 228

³⁵⁰ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 108—111.

³⁵¹ Павлов А.П. Указ. соч. С. 180.

³⁵² ТКДТ. С. 123.

³⁵³ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 189, 204, 212—213, 234; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 304—305; Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 129.

³⁵⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 18—20.

³⁵⁵ Веселовский С.Б. Исследования... С. 234.

³⁵⁶ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 35.

³⁵⁷ Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под. ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 43.

³⁵⁸ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 76; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 143.

³⁵⁹ СГГД. № 174.

³⁶⁰ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 278. А.Л. Хорошкевич считает, что поход кн. Микулинского, «...внешне вполне удачный... главной цели не достиг. Рига не была взята». – Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 238. Однако в Москве его оценили однозначно положительно – летописный текст содержит ремарку: в ответ на доклад кн. Микулинского о завершении похода «...государь к воеводам послал з жалованием». Неизвестно, ставилась ли изначально войскам задача непременно взять Ригу.

³⁶¹ Казанская история // За землю Русскую: Древнерусские воинские повести. Челябинск, 1991. С. 269.

³⁶² Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII – XVI веках. М., 1994. С. 108—110; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 334—337.

³⁶³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 45; Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 348.

³⁶⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 221.

³⁶⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 225, 229, 239, 249—250.

³⁶⁶ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 76.

³⁶⁷ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып.10. С. 130, 131.

³⁶⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 28, 30, 39, 40; Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С. 246, 256, 265.

³⁶⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 59—60.

³⁷⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 57—58; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 251—252.

³⁷¹ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 76.

³⁷² В опричнине он известен только на посту второго головы в осеннем походе 1567 г., да и то В.Б. Кобрин, сообщивший об этом его назначении в своем списке, мог ошибиться: в разрядных книгах краткой редакции список голов опущен, а пространная редакция в этом месте говорит о некоем князе Иване Тивекелеве, то ли Тивскове (Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 226), из коих можно при желании слепить антропоним «Телятевский», но такое преобразование выйдет довольно сомнительным. Так что в конечном счете непонятно: а был ли кн. И.П. Зубан Телятевский в опричнине? До опричнины он известен разрядам только как стольник во время зимнего похода на Полоцк 1562—1563 гг. — Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 132. После опричнины его вообще нет в разрядах.

³⁷³ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 256; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69. Кн. В.И. Телятевский был расписан также в тарусский разряд 1571 г., однако, как уже говорилось выше, вряд ли имеет смысл учитывать его.

³⁷⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 90, 109, 113, 118.

³⁷⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III, Ч. I. С. 66—67, 80—81, 86.

³⁷⁶ Новодворский В.В. О взятии Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 году. Полоцк, 1997. С. 12. Это издание – отрывок из дореволюционного, ставшего библиографической редкостью: Новодворский В.В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904.

³⁷⁷ Веселовский С.Б. Исследования... С. 234; Павлов А.П. Указ. соч. С. 180.

³⁷⁸ Россия помогла кабардинским князьям: осенью 1565 г. князь Мамстрюк Темрюкович Черкасский получил от царя большую армию, и с нею отбыл на родину.

³⁷⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 15.

³⁸⁰ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 314; Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 315—316.

³⁸¹ Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 333—334; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 363

³⁸² Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 43.

³⁸³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 68; С. 225, 229.

³⁸⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 262.

³⁸⁵ Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 40—41.

³⁸⁶ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 87; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 432.

³⁸⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 74; Рогинский М.Г. Указ. соч. С. 54; Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 55; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 543 (синодик!).

³⁸⁸ Веселовский С.Б. Исследования... С. 467; Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Исторические записки. М.—Л., 2950. Т. 34. С. 284—285; Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 87; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 425; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 460; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 265—266.

³⁸⁹ ЧОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 296.

³⁹⁰ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 543 (синодик!).

³⁹¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 74, 77.

³⁹² В отношении всего опричного двора это резкое изменение первым подметил Л.М. Сухотин. — Сухотин Л.М. К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1931. [Вып.] 1. С. 11; Указ. соч. Белград, 1940. [Вып.] 7-8. С. 166—171.

³⁹³ Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т.34. М., 1978. С. 190.

³⁹⁴ Данные А.А. Зимина подтверждают эту тенденцию и в отношении Думы. — Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. — М., 1958. С. 72—75.

³⁹⁵ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 108 (курсив мой — Д.В.).

³⁹⁶ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 125, 127; Веселовский С.Б. Исследования... С. 234—235; Павлов А.П. Указ. соч. С. 161—162.

³⁹⁷ ТКДТ. С. 117.

³⁹⁸ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 131.

³⁹⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 53—54; Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 78.

⁴⁰⁰ С.О.Шмидт обратил внимание на то, что местнические дела, вершенные в годы опричнины, после ее ликвидации оспаривались как своего рода исключение из сложившейся системы. — См.: Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 362. По всей видимости, возвышение кн. Ф.М.Трубецкого было одним из шагов, возвращавших систему местничества к прежнему состоянию, потревоженному в первые годы опричнины.

⁴⁰¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 256, 261, 292; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69, 74, 81.

⁴⁰² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 286.

⁴⁰³ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 89, 142.

⁴⁰⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 202, 217, 256, 288.

- ⁴⁰⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 296, 314.
- ⁴⁰⁶ Боярские списки 1577—1607 гг. // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004, С. 203, 304; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 234, 235, 330.
- ⁴⁰⁷ Павлов А.П. Указ. соч. С. 40-41, 56, 62, 80; Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 78—79.
- ⁴⁰⁸ Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 82.
- ⁴⁰⁹ Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 88.
- ⁴¹⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 262, 291; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 69.
- ⁴¹¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 74, 77, 81.
- ⁴¹² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 225; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 77, 98.
- ⁴¹³ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 132.
- ⁴¹⁴ Веселовский С.Б. Исследования... С. 217; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 177—179.
- ⁴¹⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 229, 233.
- ⁴¹⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 258; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 59.
- ⁴¹⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 308; Чумаков А. Осада Ревеля (1570 – 1571 гг.) // ЧОИДР, 1891. Кн. II. Отд. IV. С. 29; Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006, С. 88—89. Кстати, земского воеводу И.П. Яковлева за поражение под Ревелем казнили.
- ⁴¹⁸ О высшей служилой знати, влившейся в опричнину в 1570 г. и позднее, говорилось выше.
- ⁴¹⁹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 132, 134, 136, 138, 139.
- ⁴²⁰ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 310.
- ⁴²¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 225, 242.
- ⁴²² Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 131.

⁴²³ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 242.

⁴²⁴ Веселовский С.Б. Исследования... С. 237.

⁴²⁵ Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 309; Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. С. 316.

⁴²⁶ В.И. Буганов без особых оснований приписал ее Д.И. или И.С. Черемисиновым.

⁴²⁷ Высшие служебные назначения обоих названы выше.

⁴²⁸ Игнатий Борисович в полоцком походе 1562 – 1563 гг. должен был «за государем ездити». – Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 130.

⁴²⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 252.

⁴³⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984. Т. III, Ч. I. С. 178.

⁴³¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 54—55.

⁴³² Расписан вторым воеводой сторожевого полка в опричном корпусе под Мценском (7076 г.), но текст разрядной записи позволяет и иное толкование, а именно, что Поярков был не воеводой, а только головой. – Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 237.

⁴³³ Расписан первым воеводой полка левой руки в разрядной записи 7080 (1571/1572) г., однако этот разряд мог быть вставлен в книгу ошибочно (см. выше), так что, возможно, этот военачальник и не был в опричнине. – Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 87; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, Ч. II. С. 307.

Содержание

ВЕЛИКИЕ НЕМЫЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ	3
«ПЕРВЕЙШИЙ МУЖ, НАИБОЛЕЕ ПРИГОДНЫЙ ДЛЯ ВОЕННЫХ ДЕЛ». КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ХВОРОСТИНИН	5
ПОЛКОВОДЕЦ ОДНОЙ ПОБЕДЫ. КНЯЗЬ ИВАН ПЕТРОВИЧ ШУЙСКИЙ	34
СТОЛП ЦАРСТВА. КНЯЗЬ ИВАН ФЁДОРОВИЧ МСТИСЛАВСКИЙ	70
«СЧАСТЛИВЧИК» КНЯЗЬ СЕМЁН ИВАНОВИЧ МИКУЛИНСКИЙ	123
СПЕЦИАЛИСТ ПО ЮЖНОМУ НАПРАВЛЕНИЮ. КНЯЗЬ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВОРОТЫНСКИЙ ...	157
Приложение I ВОЕННАЯ ЭЛИТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ИВАНЕ IV	197

Приложение II

ОПРИЧНЫЕ ВОЕВОДЫ 228

Приложение III

РЕЕСТР ОПРИЧНЫХ ВОЕВОД 285

Примечания 287

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: 8-499-188-88-02, 8-499-188-16-50.
Тел./факс: 8-499-188-89-59, 8-499-188-00-73.
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (495) 188-66-03.

E-mail: reklama@veche.ru

Научно-популярное издание

Тайны Земли Русской

Володихин Дмитрий Михайлович

ВОЕВОДЫ ИВАНА ГРОЗНОГО

Редактор *М.К. Залесская*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *Н.В. Власкин*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.10.2008. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «SchoolBookС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 7000 экз. Заказ № Т-1469.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Тел.: 8-499-188-88-02, 8-499-188-16-50.
Тел./факс: 8-499-188-89-59, 8-499-188-00-73.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (495) 188-66-03.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург,

пр. Обуховской обороны, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород,

ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (831 2) 63-97-78

E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск,

ул. Арбузова, 1/1

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»

в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКОГО ПРОШЛОГО

СЕРИЯ КНИГ

TERRA

H I S T O R I C A

- Забытые традиции древних культур
- Яркие страницы средневековой истории
- Уникальные исследования, необычные гипотезы, новые открытия

ВЕЛИКИЕ ГОСУДАРСТВА ВЕЛИКИХ ЭПОХ

СЕРИЯ КНИГ

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мари-Анн Поле де Болье

**Средневековая
ФРАНЦИЯ**

Сведения по культуре, религии, экономике, военному делу, повседневной жизни исчезнувших цивилизаций в изложении крупнейших европейских историков.

Эти люди сражались за Отечество,
когда на свете еще не было Российской империи.
Московское государство вело тяжелые войны и на западе,
в Ливонских землях, и на юге — с Астраханским
и Крымским ханствами... Воеводы эпохи Ивана Грозного
не писали мемуаров, оставшись великими немymi
русской истории. Эта книга возвращает нам
имена незаслуженно забытой военной элиты,
честно исполнившей долг, невзирая на смертельную
опасность окончить свои дни не только на поле битвы,
но и на плахе опричников.

ISBN 978-5-9533-3665-9

9 785953 336659

Вече